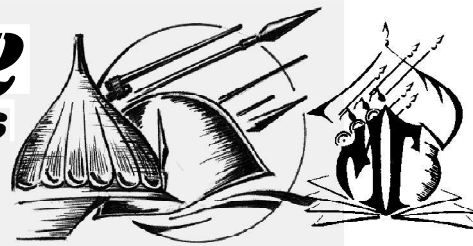

Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2026

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**
Основан в 1922 году

В номере:

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь РОМАНОВ. Реклама, захватившая мир	3
Валентин КАТАСОНОВ. Золото	102
Сергей ФЕДОСЕЕВ. Больные головы, потерянные души	140

ПРОЗА

Геннадий КАРПУНИН. И же с ними... Повесть	8
Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ. Верность ловеласа. Рассказ	112
Игорь ДОНСКОЙ. Рыжка. Рассказ	123
Владимир ТАРАСОВ. Зачем ты спросил?.. Рассказ	153
Дмитрий ШИШКИН. Обычное дело. Рассказ	164

ПОЭЗИЯ

Михаил ПОЗДНЯКОВ. Это — навсегда. Стихи	94
Наталья ЕГОРОВА. Мамины цветы. Стихи	127
Татьяна ГРИБАНОВА. Журавли над Русью. Стихи	136
Сергей АНТИПОВ. Скрипит колесо зодиака... Стихи	170
Владимир АРХИПОВ. Голос отца. Стихи	174

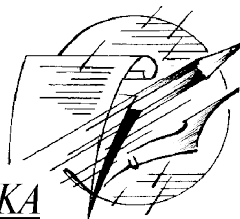
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Валерий ГАБРУСЕНКО. Россия и Прибалтика	180
ДОРОГИ И СУДЬБЫ	
Александр ЛОМТЕВ. По волне моей памяти	194
ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ	
Валентин КАТАСОНОВ. «Глубинное государство» против человечества	214
УРОКИ ИСТОРИИ	
Евгений ЕВТУШЕНКО. Послесталинская Россия	220
ДОСЬЕ «МГ»	
Леонид ПЕТУХОВ. Вдохновители прорабов перестройки	229
ВЕЛИКИЕ ИМЕНА	
Валерий ГАБРУСЕНКО. Русские гении	237
ИСКУССТВО	
Лина МКРТЧЯН. Война и культура или война с Культурой	247
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ	
Андрей ФЕФЕЛОВ. И тайное станет явным	253
Игорь РОМАНОВ. Мерзавцы в «совете мира»	256
Виктор СЕБЕЛЁВ. Зачем нам нелегальные мигранты?	259
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ	
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	262
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Людмила ВОРОБЬЁВА. Великое в малом. О героях повести Василия Килякова «Последние»	270

Игорь РОМАНОВ

РЕКЛАМА, ЗАХВАТИВШАЯ МИР

Как много рекламы вокруг! Мы привыкли к рекламе, к её порой очень неумному и часто дурному содержанию. Привыкли и не замечаем, что реклама немало формирует наше поведение, нашу жизнь. Кажется, что реклама — двигатель жизни. В 1990-е молодое поколение росло на голливудских фильмах. Сейчас, в 2020-е, новое молодое поколение растёт на рекламе. Что относится к рекламе? Такое время сейчас, что того, что к рекламе не относится, становится всё меньше. Реклама, как пишут исследователи этого понятия и явления, это то, что призвано рассказать потребителю о потребительских свойствах товаров и услуг. Всё больше в мире становится товаров и услуг, о потребительских свойствах которых нужно поведать миру. Мы не успели заметить, как сами уже почти стали товаром или услугой, которые имеют целый набор потребительских свойств.

Всё произошло как-то незаметно. Мы даже активно боремся с рекламой, пытаемся отключать ее в своих смартфонах и компьютерах, пытаемся избегать её, где только возможно. Но

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

это невозможно. Реклама лезет в наш мозг тайно, лезет в нашу душу. Реклама незаметно стала нормой поведения. Мы говорим о той рекламе, которая является неотъемлемым элементом маркетингового мира, о той рекламе, которую нельзя назвать просвещением или миссионерством. Кто-то скажет, что есть «хорошая реклама», есть реклама социальная. Но это уже не реклама. Мы о той рекламе, которая способствует продажам. Продажам нефти, домов и коллекций бабочек... Продажам курсов игры на стаканах, продажам тренингов по укреплению коленных чашечек и запоминанию паролей для входа в вайфай в гостиницах... Продажам помидоров, ботинок, лошадей, людей, их образа жизни и того, что людям принадлежит, и того, что им не принадлежит. Реклама может способствовать продажам краденного, продажам долгов, продажам банно-прачечного бизнеса, пошивочных мастерских, сварных работ и работ глубокого бурения...

Апостол Павел сказал: «Уже не я живу, но живет во мне Христос». Сегодня всё больше становится людей, в которых живет реклама. Свято место пусто не бывает. Душа человека призвана к святости. И если мы об этом не думаем, к этому не стремимся, то вместо души появляется реклама. То есть, некая виртуальная вывеска, сообщающая нам о потребительских свойствах личности. Мы стали ходячими рекламными щитами! И мы стали товарами. Точнее, нас хотят видеть товарами те, кто видит весь мир как большой рынок товаров и услуг. Мы рекламируем себя и продаем себя. Точнее, нас пытаются продать, как нефть. Известный лозунг: «Люди — новая нефть». Торговля людьми по-новому — это хитрое дело, где человек как бы и сам рад продаться. «Купите меня, купите! Купите мой внешний вид, мой голос, мой слух, мои боевые качества или качества художественные!..»

Всё чаще мы действуем, пусть и не осознанно, ради денег и положения в обществе. Врач идёт на работу. Он желает помогать людям. Но всё реже он готов помогать бесплатно или там, где мало платят. Воин идет защищать Родину, но желает заключить контракт повыгоднее. А порой готов защищать какую угодно родину, лишь бы контракт был выгоден. И врач, и воин в таком случае банально продают себя. Продают, если в мотивации доминируют деньги. Неслучайно такой популярной стала песенка «За деньги — да!» Исполнительницу сейчас рекламируют как обладательницу невероятно дорогих вещей. Реклама воспитывает молодых людей. Если какая-то провинциальная и неказистая блогерша, дочь замшелой ларёчницы-челночницы в свои молодые годы стала такой богатой и такой успешной, то, может быть, и я

смогу. Инстасамка — как маяк на вершине успеха и человеческого счастья. Как достичь этой вершины? Просто: «За деньги — да!»

Мир как рынок, государство как рынок, государственные субъекты как продавцы услуг, народ как покупатель. Одновременно кто-то из народа может стать субъектом государственным, субъектом политики. Но ему надо попотеть, чтобы предложить и продать себя. Нужен напор, порой даже наглость, цинизм, хватка — всё как на рынке.

Мы рекламируем себя, чтобы выгоднее устроиться в этом мире. Особых успехов в такой рекламе себя достигли многие «народные избранники» и вообще многие политические деятели. Разве по реальному достоинству личности выбирают сегодня в мире депутатов, губернаторов, мэров и даже домоуправителей? Посмотрите, что выбрали сегодня жители Нью-Йорка в качестве своего мэра! Да и разве это жители выбирали? Но даже если жители, то что? Что они выбрали? Реального 34-летнего индусамусульманина Мамдани? Нет, выбрали набор продающихся потребительских и очень противоречивых политических качеств. Они выбрали ходячую и очень шизофреничную политическую рекламу. Рекламу социалиста-коммуниста, борющегося за права трансгендеров, объявляющего себя мусульманином, пользующегося поддержкой евреев в Америке и выступающего против Израиля.

А разве сам американский президент не являет собой такую же шизофреничную политическую рекламу? Трамп — якобы консерватор-христианин, но фактически ученик адвоката-содомита, окруженный содомитами сионист, борющийся за победу Израиля и за постройку третьего храма, истинный ариец, отец дочки-хабдницы и дед еврейских внуков...

А как у нас? Хочешь стать депутатом? Но зачем тебе это? Чтобы Родине помогать? А что такое Родина? Это то, что рекламируют по телевизору? Чем ты можешь помочь рекламе? Рекламе можно помочь рекламой. Рекламируйте себя, господа! Рекламируйте! Вкладывайте деньги в собственную рекламу!

Американец Руперт Мердок на рекламе сделал очень большие деньги. Целое сообщество Мердоков сделали на рекламе огромные деньги. Они рекламировали в Америке и в России то, что называли нашей жизнью. Вот ваша жизнь, дорогие американцы и дорогие россияне. Живите как в рекламе. И мы жили как в рекламе. И продолжаем жить как в рекламе. Как выглядит наше общество, если внимательно посмотреть рекламу и на основании этой рекламы составить представление об обществе? Кажется,

что это собрание людей, вершиной счастья для которых является доставленная вовремя пицца. Эти люди постоянно жрут пиццу и, кажется, испытывают большие проблемы с пищеварением и мочеиспусканием. При этом они всегда хотят новую дорогую машину, смартфон и кофемолку, мечтают приобрести квартиру по ипотеке в элитном доме и учиться в престижном учреждении на менеджера.

Эти люди часто болеют простудой, много кашляют и смотрят «Хроники русской революции» Кончаловского. Просматривая эти «Хроники революции», начинаешь догадываться, что режиссер Кончаловский — это просто один из героев рекламируемого общества, с теми же потребностями в пицце и незатейливых услугах. Но главное, чтобы всегда была пицца. Это тупое и сладострастное выражение физиономий в рекламе пиццы угнетает, делает людей душевнобольными. Настолько больными, что мы начинаем подражать людям на рекламе. Такие же бездушные тупые улыбки, такие же желания есть пиццу и лежать в бассейне на берегу теплого моря. Зачем рядом с морем бассейны? А зачем мальчишки-мигранты на самокатах с рюкзаками, привозящие пиццу вам домой? Иногда вместе с пиццей они доставляют бомбы. И тогда в последнюю секунду всё становится ясным как Божий день. Становится ясно, что жил не так и шёл не туда. Теперь бы покаяться, но есть ли на это время? Может быть, раньше каяться надо было? Но всё же лучше хотя бы за минуту до смерти узнать, что Бог есть, и что Он любит нас. Лучше за минуту до смерти, чем после...

Сегодня среди примет времени можно увидеть такие, как обилие рекламы и обилие мигрантов, людей, покинувших родину и переехавших в другую страну. Часто их переезд — следствие рекламы. Мигранты нужны этому рекламируемому миру. Всякий мигрант — это человек маргинальный, еще не обретший новой идентичности, но уже расставшийся со старой. В новом государстве мигрант оказывается тем объектом, на котором «удобно» отрабатывать новые технологии управления людьми. Мигранта проще и легче адаптировать к тому, что он в первую очередь товар и одновременно потребитель товаров, а во вторую человек.

Мы все, по замыслу великих мировых заказчиков рекламы, должны стать товаром, мы уже почти стали им. На товары наносится штрих-код. Не нова мысль о том, что так называемая «печать зверя» — это штрих-код на теле человека, как на товаре. Человек становится товаром, когда он продаёт душу дьяволу. Не все еще продались, хотя многие

уже на пути к этому рынку. Кто-то продаётся по частям. Но полная и окончательная сделка — это продажа души дьяволу. За какую цену? В реальности за бесценок. Всё, что обещает человеку дьявол, что даёт ему в обмен на его душу — это обман. То, что рекламирует дьявол — это обман. Человек в сделке с дьяволом никогда ничего не получает, он лишь теряет. Теряет свою душу и свою свободу, которую получил от Бога.

Сегодня очень популярен американский президент Трамп. Он дьявольски популярен. Он сам подобен дьяволу. Всем предлагает сделки. Он рекламирует свои предложения, пытается показать их выгодной стороной. Но, в результате сделок с Трампом, как и с дьяволом, вы проиграете. Не заключайте никаких сделок с Трампом. Вообще не разговаривайте с ним. Старайтесь даже не смотреть на него. Если вы встретите Трампа, перекреститесь, плесните на него святой водой, прочтите молитву «Да воскреснет Бог».

Но мы не можем устоять перед Трампом — тенью дьявола на земле. Мы попадаемся на его рекламу. Посмотрите, как наши всевозможные средства массовой информации, рекламы и пропаганды рекламируют Трампа! А ведь этот рыжий пожилой господин — модель самого антихриста, а, может быть, он и есть антихрист. Мы живем в зазеркалье. Мы живем в рекламе антихриста и его мира. Для нас широко разрекламированный Трамп — это миротворец, почти лауреат Нобелевской премии за мир. За какой мир? За мир антихристов. Если в душе нет Бога, там поселяется реклама. Реклама антихристианского мира.

Господь насильно нас в Рай не тянет. Господь Царство Небесное не рекламирует. Оно в рекламе не нуждается в отличие от ада. Как разорвать оковы этого разрекламированного ада, который затягивает нас и нашу Россию всё глубже и глубже? Постом и молитвой. Надо довериться Богу и следовать за Ним. Надо идти за Христом. Идти за Христом, и тогда мы выйдем из ада, выберемся из иллюзий этого разрекламированного мира, спасём свои души и Россию.

Геннадий КАРПУНИН

И ИЖЕ С НИМИ...

ПОВЕСТЬ

*Светлой памяти моей жены, талантливого
писателя и сценариста Виктории Евсеевой
посвящается*

*Vox et praetera nihil (Звук и больше ничего — лат).
Эпиграф из черновика Пушкина к стихотворени
«Клеветникам России»*

Глава первая

Большой экран телевизора тихо, точно шелест книжной страницы, вспыхнул. И почти сразу под бравурный лёгкий марш Исаака Шварца пёстрый калейдоскоп красочных иллюстраций пушкинской эпохи с меняющимися на них титрами увлёк проникновенным лиризмом и поэтичностью.

О, это было настоящее великолепие живописи и звуков!.. На индиговом зеркале Невы, с видом Петропавловской крепости на противоположном берегу — парусные боты и гребные шлюпки всех мастей. Мажорная музыка и триумфальные пушечные выстрелы с Нарышкина бастиона... Грассирующая французская речь на фоне великосветского Санкт-

ПРОЗА

Петербурга!.. Стук о мостовую колёс экипажей... Вельможа с лорнетом... Пушкин...

...Пленительные светские дамы, аристократы в военных мундирах и фраках. Предполагаемое утончённое волокитство и легкомыслие, остроумие и изысканная вежливость высшего света — всё это навевало фантазии. Но что-то тревожное уже закрадывалось в душу.

...Вот Сенатская площадь, солдаты, построившиеся в каре... И в перспективе, возможно, из Кронверкского рavelина, точно с небес, доносится молебное пение: «Господи, поми-ии-лу-у-у-й!» И закадровый гулкий голос: «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, пленённых и о спасении сих Господу помолимся!..» Это великая ектения. По кому?..

И вновь захватывающая увертюра Шварца, меняющийся пёстрый калейдоскоп красочных цветных заставок... Дворянское имение, большая зала, бал... Песня кавалергарда, зимний пейзаж одной из столиц с золотыми куполами белокаменных церквей... Народ, лошади, кареты, нищие на паперти... И крупно, в пол-лица, словно из-за ширмы — отстранённо-равнодушный взгляд самодержца российского.

Это был Александр, победитель Наполеона. Сходство с портретами, ранее виденными, не оставляло у Смагина сомнений. Император был в военном мундире с золотыми эполетами, в двуголке с серебряным галуном и пышным плюмажем. Рядом с ним, словно в другом измерении, когда время разорвано в пространстве, как бы за тысячу вёрст от императора — обросший сединой, с впалыми щеками и худой шеей измождённый старик. Он в затасканной фуражной шапке с козырьком, в поношенной офицерской шинели нараспашку. Под шинелью простенькая косоворотка, к горловине которой на синей ленте приколоты медаль. И когда камера берёт грудь старика крупным планом, на лицевой стороне медали отчётливо видна надпись: «1812», а чуть выше надписи — треугольник, внутри которого всевидящее око. И если внимательно взглядеться, кожа вокруг ока в пупырышках. Так чьё оно? Непонятно. Может быть, ящера?... Или это пылающий глаз Люцифера, в котором отражается адское пламя? Верно сказал философ: только маленькие секреты нуждаются в охране. Большие секреты хранит неверие толпы.

Именно этой наградой князь Сергей Волконский дорожил больше всего, и по особой просьбе, после ссылки, она была ему возвращена. Не потому ли, что на обратной её стороне

стояла надпись, в которой заключалась духовная суть опального князя: «НЕ НАМ, НЕ НАМ, НО ИМЕНИ ТВОЕМУ».

Смагин ухмыльнулся.

Затушив сигарету в инкрустированной пепельнице-ракушке, что стояла на журнальном столике, он нажал кнопку пульта, и большой плоский экран потух. Запахнувшись в домашний шёлковый халат, нащупав пальцами ног мягкие шлёпанцы, он неохотно поднялся с кожаного дивана, подошёл к панорамному окну и приоткрыл его. Свежий воздух проник в прокуренное донельзя помещение, слегка вздувая сдвинутую гардину.

Вадим Витальевич глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Повторил это ещё раз. И ещё... Но облегчения не получил. Хотел было выйти на веранду второго этажа, откуда представлял взору живописный ландшафт, но поленился.

Даже здесь, уединившись в своём загородном доме, где было ощущение воли, некоего душевного комфорта и простора, когда границы жизненного горизонта подчас кажутся невидимыми, уходящими в бесконечность, а сама жизнь — удавшейся, он, наверное, впервые за последние годы отчётливо чувствовал, что в грешном этом мире есть несвобода. Что, где бы он ни был, в каком бы райском уголке Земного шара ни находился, он — Вадим Смагин — связан по рукам и ногам.

«И от этого никуда не деться», — обречённо вздохнул он.

Прикрыв окно и поправив гардину, вернулся к дивану. Расположившись на нём поудобней, взял пульт и последовательно нажал несколько кнопок. Но, дойдя до последнего титра, просмотрев ещё одну заставку, нажал на «паузу».

На экране застыл зимний деревенский пейзаж: голые деревья, в глубине парковой аллеи барская усадьба, дом с четырьмя колоннами и портиком, увенчанным треугольным фронтоном, в окнах которого теплится свет...

Вадим Витальевич отложил пульт, закрыл глаза и растянулся на диване, предварительно сунув под голову вышитую в русском стиле небольшую подушку. Надо было расслабиться, дать хотя бы непродолжительный отдых мозгу. Но это плохо получалось.

А всё началось на этой неделе, в четверг, в июньский, дождливый полдень. Вадим Смагин, генеральный продюсер кинокомпании «VECTA FILM», снова и снова перечитывает навязанный ему Костей Седых, директором студии игрового

кино, злополучный сценарий. И вот уже который раз — а сегодня воскресенье — эпизод за эпизодом просматривает классику советского кинематографа, этот, так сказать, шедевр.

Лёжа теперь на диване, Смагин вполне смог бы с закрытыми глазами этот советский фильм, эту «память потомков» визуализировать, мысленно сделать раскадровку. Хотя бы для нескольких начальных эпизодов. Например, до того момента, когда на допрос к императору Николаю Павловичу приводят раненого капитана лейб-гвардии Московского полка Дмитрия Щепина-Ростовского.

Да, Вадиму Витальевичу мнилось, что он смог бы это сделать. Ему даже казалось, что он помнит все диалоги персонажей, знает их чуть ли не наизусть. Они не давали ему покоя. Он как будто стал одержим ими. И сейчас, лёжа на диване с закрытыми глазами, он не мог избавиться от назойливых эпизодов картины, которые зримо вставали перед глазами.

...Зимний деревенский пейзаж, хмурый январский рассвет, аллея парка, голые деревья, в конце аллеи — дом генерала от кавалерии Николая Раевского...

Камера оператора медленно наезжает, увеличивая перспективу. Уже видно, как из трубы, растворяясь в морозной стуже, валит чёрный дым. Возле дома, чуть левее крыльца с колоннами — тройка гнедых, запряжённых в пошевни. Сидящий на передке озябший кучер — в шарф ли, кушак — укутался с головой.

...Волконский крупным планом. В военном мундире. Золотые эполеты генерала живописно спускаются на сукно рукавов. На груди лишь офицерский крест за участие в сражении при Прейсиш-Эйлау. Ровно подбритые и нафабренные бакенбарды придают лицу изящество. Опрятность так бросается в глаза, что невольно задумываешься: не её ли князь ставит превыше всех людских добродетелей. Выражение усталости во всём его облике, неглубокий нервный вздох говорит о сильно угнетённом состоянии.

...А вот спящий в детской кроватке грудной малыш под шёлковым тёплым одеялом и ажурным пологом. И снова князь... Задумчиво-обречённый взгляд. Так смотрят, надолго расставаясь, когда, возможно, уже и не надеются вернуться.

Откуда-то доносится отдалённый, чуть слышный бой часов.

Ещё несколько кадров...

...Кабинет Волконского. Пламя камин. Слуга, минутой ранее, подложив поленья в топку, на цыпочках, чтобы не беспокоить барина, спешит удалиться.

— Николай Николаевич спит? — не глядя в его сторону, наклонившись к старинному, екатерининского века бюро, спрашивает Волконский.

— Отсутствуют, ваше превосходительство. Они с Софьей Алексеевной изволят в Белой Церкви гостить.

— Ступай.

Держа в руке бронзовый подсвечник с горящей свечой, князь вынимает из верхнего ящика бумаги. Ставит подсвечник на столик бюро и подходит к камину.

В кабинете мрачно, почти темно. Ибо свечи в пятирожковом золочёном канделябре, что стоит на верхней крышке бюро, не горят. Не зажжены и те, что в бронзовых канделябрах, на камине. Лишь пылающими в топке поленьями да единственной свечой, оставленной князем на столике, освещается комната. Поэтому мрак повсюду. И не только в помещении — мрак в душе Волконского. Смагин это чувствует так живо, словно сам влез в шкуру князя.

Стоя у камина, наскоро просматривая взятые из ящика бюро бумаги, скорее всего, не предназначенную для сторонних глаз переписку, кидает несколько страниц в огонь. В какой-то момент взгляд его устремляется в сторону дверей: кто-то вошёл.

— Здравствуй, Мари, — бросив в топку очередную страницу, тихо произносит он. И пауза. Очень короткая. — Прости, что не приехал раньше, — словно оправдывается он.

Теперь становится ясно: князь недавно вернулся. Поэтому и лошади, и мёрзнувший в санях кучер...

Но Смагин отчётливо видит удивление Мари, её растерянность, граничащую с тревогой. Облачённая в светло-бежевый халат с меховой опушкой на широком воротнике и по краям рукавов, она, разбуженная, словно что-то почуяв любящим женским сердцем, а может, что-то услышав, только-только встала с постели и вот теперь зашла в кабинет мужа.

Блики каминного огня высвечивают на её лице удивление и скрытую тревогу. Напольные английские часы в углу комнаты — это их приглушённый бой несколько минут назад был слышен в детской — как бы напоминают о скоротечности времени, подчёркивают необычность, некую противоестественность происходящего.

...Мари сидит на стуле и явно — явно! — не понимает: почему так неожиданно, никого не известив, тайком даже от неё, приехал в такой неурочный час муж.

— Возьми, — подходит он к ней, протягивая какие-то бумаги, — тут... письма Пушкина.

«Вот, вот оно!..» — думает Смагин, нервно сжимая и разжимая пальцы, напрягая кулаки и чувствуя пот в ладонях. Не раз просматривал он этот эпизод, и всякий раз что-то вызывало в нём неприятие. Даже раздражение. Не от того ли, что наболело? Но почему именно сейчас? Ведь он сам — сам! — всегда относил этот фильм к шедеврам советского кино. А может, просто лгал самому себе и другим?

Ну нет!.. Фильм действительно великолепен! И пусть в то время в сюituках на балу не танцевали и белых с длинными фалдами мундиров в Кавалергардском полку не носили — фильм хуже не стал. Да и не снимают теперь так. Кишка тонка у «нонешних»... И актёры, эти современные «гении», на порядок, а то и два ниже тех, «застойных»... Не сыграют так, нет у них той органики. Нет! А за деньги талант не купишь.

Лёжа на диване с закрытыми глазами в полном бездействии, он физически ощущал тяжёлые удары сердца. Пудовым молотом оно било в грудную клетку, точно хотело выпрыгнуть наружу, освободиться из некоего, однажды добровольно принятого рабства.

Приложив ладонь к левой груди, Смагин открыл глаза и посмотрел на руку. Казалось, от такой интенсивной работы сердечной мышцы рука должна была чуть ли не подпрыгивать, но она, к какому-то детскому его изумлению, смирно покоилась на нежной ткани халата.

Снова усевшись на диван, он взял пульт и включил экран. Дойдя до кадров с письмами Пушкина, поставил на паузу. И с минуту тупо смотрел на картинку. Голова, что называется, шла кругом. Мысли неслись спринтерским бегом: университет, диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук, автореферат «Пушкин и декабристы», который нужно было разослать в срок...

Господи, кто только не писал на эту тему! И каждый посвоему был прав. Ещё бы! Ведь истфак МГУ — не только у нас... во всём мире считается вузом с самой высокой квалификацией учёных и преподавателей. И хоть оба официальных оппонента были из Института Российской истории РАН, авторитет которой непререкаем, Вадим Витальевич не сомневался, что защитится. Ведь сам

Щавельский — мировая знаменитость, для которого академическая традиция всегда была превыше всего, — являлся научным руководителем Смагина.

Конечно, случалось и такое, когда диссертацию рубили на корню. Но если в прежние времена подобный труд мог быть причислен к идеологически опасному, ставил под сомнение исследования какого-нибудь корифея от науки, то теперь...

«А что теперь? — словно очнулся Смагин. — Мало ли способов задавить, сломать... За деньги что угодно можно сделать. Да ещё с научным подходом. Академиком можно стать».

Мысли о кандидатской диссертации, которую, он, конечно же, защитил, метались, как загнанные в западню, отыскивая все pro и contra. Но все его доводы, точно волны, с бешеной силой налетая на скалы, разбивались в мелкую водяную пыль. Они мучили его — эти мысли. Колебали его волю между «да» и «нет» до такой степени, что в плоский экран телевизора хотелось запустить пульт. Ведь после защиты кандидатской был ВГИК, кафедра режиссуры, было столько всего...

Смагин снова закурил. И снова, подойдя к окну, приоткрыл его.

«Ложь! Ложь! — думал он, — от начала до конца ложь! В красивой упаковке, с замечательными актёрами и великолепной музыкой Шварца...»

Изначально ложь заключалась уже в том, что Пушкин Сергею Волконскому не писал. Смагин, собирая материал для диссертации, как ни пытался обнаружить хотя бы следы такого письма, ничего не нашёл. Нигде, ни в одной из серьёзных научных публикаций, коих было прочитано, наверное, сотни, ничего подобного не было. И с какой стати поэт писал бы Волконскому? Дело, конечно, не в возрасте, хотя разница в десять с лишним лет кое-что да значит. Тогда в чём?

Вадим Витальевич ещё какое-то время смотрел в окно, затем резко повернулся и, пройдя к журнальному столику, взял пульт. Нажимая на кнопки, стал искать эпизод, который, как ему казалось, мог бы хоть немного прояснить его сомнения и, возможно, оправдать себя же в собственных глазах, чтобы принять, наконец, твёрдое решение. И когда на экране появился Александр Павлович, грациозно восседая на белом коне и в белоснежном же парадном военном мундире, Смагин прибавил звук:

— Твоей бригадой, князь, я доволен, — говорил император Волконскому. — Жаль только, не истребил ты прежний дух головокругения...

Это был эпизод, следующий за тем, где руководители Южного тайного общества Пестель и Муравьев-Апостол призывают своих соратников по Северному обществу Трубецкого и Рылеева к царевубийству. Данная сцена, как и предыдущая, возникает в памяти Волконского, но Смагин уже так сроднился с князем, так привык к нему, что как будто сам шёл следом за императором, окидывая взором Царскосельский дворец. И тот, кого минутой ранее призывали убить члены Южного общества, уже обращается не к Волконскому, а к нему — Вадиму Витальевичу. Смагину даже кажется, что он понимает французский язык, на котором время от времени говорит император.

— Выгоднее тебе, князь, заниматься полковым делом...

— Государь, я не осведомлён, чему обязан? — после короткой монтажной перебивки отвечает Волконский, лукавя.

И вновь кабинет в доме генерала Раевского; князь с поникшей головой сидит на стуле. Полные тревоги глаза Мари. На их лицах блики огня, пылающего во весь экран в камине. И во всём — тяжёлое напряжение, безысходность...

Но это длится недолго. Через мгновение — тот же план с дворцом в Царском селе, хотя и с незначительными изменениями. Портрет Александра укрупнён, но в кадр он поставлен так, что персонаж на достаточно близком расстоянии, необходимом для интимного разговора. И Смагин чувствует: государь старается понять собеседника, пытается проникнуть во внутренний его мир:

— Хитрец же ты, князь Волконский. Смотри, князь, твоя головушка ещё в Париже заносилась, куда ей не следовало. Ну да не мне тебя наказывать...

Камера снимает императора чуть со спины, и приглушённый свет, падающий на него, подчёркивает выразительность черт Александра, его ум, проницательность:

— Я и сам поощрял сумасбродные мечтания, велел было сочинить Конституцию, а теперь вижу: просвещенной монархии она не нужна. И запрета на общество, где ты состоишь, не отпирайся, я не отменял...

Смагин нажал на «паузу», отложил пульт и прилёг на диван. В который уже раз он как будто бы находился рядом с императором, видел его так близко, что хотелось дотронуться до него, даже через экран телевизора.

Бесспорно, государь в этом эпизоде показан превосходно. Вадим Витальевич, пусть и в блистательном актёрском исполнении, только что слышал умную, правильно поставленную речь императора, приятный ровный его голос, но...

«А что, собственно, «но»?...» — Смагин скорее машинально, чем сознательно, протянул руку к журнальному столику, чтобы взять сценарий. Но передумал и закрыл глаза. Рука плетью упала, и он, касаясь пальцами пола, остался лежать в таком состоянии.

Глава вторая

Уже третью неделю из великих держав Европы летели фельдъегеря с эстафетами в Петербург, доставляя секретные депеши русскому императору, в коих, помимо прочих дворцовых интриг, сообщалось, что Наполеон, бежав с острова Эльба, высадился с небольшим отрядом в бухте Жуан, недалеко от Антиба, и, пройдя Грас, Кастеллан, Динь-ле-Бен, другие населённые пункты, движется к столице Франции.

В один из таких мартовских дней роскошная карета, запряжённая четвериком в две пары цугом, с кучером и форейторм на запятках, остановилась у парадного крыльца возле замка в центре Парижа недалеко от того места, где Сена распадается на два рукава. После крупной рыси разгорячённые выносные ещё тянули по инерции коренных, и стоявшему на передке кучеру с трудом приходилось удерживать их, натягивая вожжи так, что лошади громко фыркали, воротили морды и с опаской чуть-чуть взбрыкивали.

Когда же Волконский, одетый в серую офицерскую шинель, утеплённую пелериной, свисающей с плеч по самые локти, подошёл к экипажу, дверца кареты распахнулась. В женщине, находившейся в салоне, он неожиданно для себя узнал Жаклин де Плюси.

— *Mou Dieu!.. Enfin... Je vous attends...* * — воскликнула дама, но тут же умолкла. Признаться, что ждёт его вот уже минуту или... или целую вечность... Здравый смысл подсказал не говорить ни то, ни другое.

— *Oh, oui, je comprends... pardon, madam...* ** — стал извиняться князь, мельком бросив цепкий взгляд на широкие мраморные ступеньки, по которым только что проворно спустился, на двух гипсовых львов по обеим сторонам лестницы... Не упустил из вида и ливрейного лакея, недавно подобострастно расшаркивавшегося, но в то же время с

*Боже!.. Наконец... Я вас жду... (*фр.*).

**О, да, понимаю... простите, мадам... (*фр.*).

непроницаемой физиономией настежь распахнувшего перед ним наружную дверь.

Теперь этот угодник стоял с гордой осанкой возле льва с отколотой лапой, величественно положив ладонь в белой перчатке на его «шевелюру». В тот миг, когда их взгляды встретились, лакей, не меняя выражения лица, лёгким поклоном проводил гостя и тут же с достоинством удалился, медленно прикрыв за собой тяжёлую дверь.

Волконскому показалось подозрительным такое внимание к себе. Возникло ощущение, что за ним шпионят. Но обдумать, с чего бы это, он не успел...

— *C'est impossible!..* — снова услышал он игриво-капризный, с ноткой досады женский голос. — *Monsieur le prince!.. Je vous attends!..**

Со стороны человеку непосвящённому могло бы показаться, что известная всему Парижу куртизанка Жаклин де Плюси, о которой добрая половина столицы Франции судачила как о бесстыдной шлюхе, совратительнице чужих мужей, на своём собственном экипаже примчалась на свидание с очередным любовником. Но это было не совсем так. Хотя ничего особенного, если б это даже имело место, разумеется, не было бы, но... где бы ни появлялась Жаклин, почему-то всегда вспыхивали скандалы, разгорались страсти, сплетни распространялись с молниеносной скоростью, и одна фантастичнее другой.

Возможно поэтому, в силу неких пикантных обстоятельств, а точнее, — секретной миссии, возложенной на честную куртизанку, Жаклин де Плюси теперь действительно беспокоилась из-за всякой пустяковой проволочки, думая: «Не вообразил ли этот русский князь на её счёт бог весть что?!»

— *Madam, s'oprener vous...* — Волконский намеревался снова извиниться, как-то оправдаться, что заставил — правда, по причине от него не зависящей — ждать даму, даже снял двууголку, на которой очень картинно развивался султан от каждого дуновения ветерка, но, увидев лицо женщины, которое сияло неповторимой улыбкой, только произнёс: — *Me permettez vous de prendre plac aupres de vous?****

— *Si, monsieur Serge,**** — вдруг запросто, как-то добродушно ответила Жаклин, протягивая ему руку в светло-

*Это невозможно!.. Господин князь!.. Я вас жду... (*фр.*).

**Мадам, видите ли... Вы позволите занять место возле вас? (*фр.*).

***Да, месье Серж. (*фр.*).

бежевой перчатке, руку, достойную шедевра искусного ваятеля. И было непонятно: для поцелуя предназначался этот «шедевр» или для того, чтобы помочь месье Сержу занять место рядом.

— Oh, grand merci, madam!* — поблагодарил князь, целуя кончики пальцев Жаклин, думая, что прав был Мишель, назвавший великосветскую путану коварной обольстительницей. Хорошо зная манеру Лунина сильно приукрашивать достоинства дам, особенно лёгкого поведения, при этом считая их низшими существами, Волконский, сам большой любитель женского пола, не мог не согласиться с другом относительно внешних достоинств находящейся теперь рядом с ним куртизанки.

«Если она и шлюха, — думал он, — то место ей в королевском дворце, а не на улице под жёлтыми фонарями, где коптят сальные свечи».

Месье Серж, как несколько фамильярно обратилась к нему Жаклин, видел её до этой встречи всего один раз. Но и раза хватило, чтобы светская демоница с большими синими глазами, которые лучились невинностью и благопристойностью и одновременно внушали сладострастие, произвела на бесшабашного кутилу и некогда флигель-адъютанта русского императора неизгладимое впечатление. В этой женщине, словно в дорогом парфюме аромат табака, присутствовал привкус порочности. Жаклин плевала на все условности. Чувство внутренней свободы, переходящее в абсолютное бесстыдство, было её сущностью. Когда лошади рванули с места, она всё ещё смотрела на князя с чарующей улыбкой, приоткрыв рот с влажными губами и показывая восхитительные зубы, словно бросала ему вызов, давая понять, что если он и имеет над ней какое-то моральное превосходство, то не больше, чем тигр над тигрицей.

Пристяжные скакали так резво, что на повороте переднюю лошадь, ту, что шла справа, стало слегка заносить; её соседка, похоже, сбилась с ритма, шарахнулась с дороги и лишь чудом не стукнулась мордой о фонарный столб. Карету потрянуло так, что Жаклин де Плюси оказалась в объятиях князя. Он увидел, как синие её глаза сверкнули, а пунцовые губы соблазнительно приоткрылись.

Кожа куртизанки — её шея, лоб, словом, все открытые части тела, даже одежда сладко благоухали модными духами. Чувствуя лёгкий озноб, Волконский судорожно сглотнул. И в

*О, благодарю, мадам! (*фр.*).

тот же миг, обхватив его за шею, искусительница припала к губам князя с таким сладострастным поцелуем, что он задохнулся. Все разумные мысли, кои ещё роились в его взбалмошной голове, вылетели напрочь вон.

Сколько длилось это райское наслаждение, Серж вряд ли мог бы сказать. Щёки его пылали, будто по ним чем-то хлестали.

— Ah, je sens que je deviens foll,* — оторвавшись от его губ, сладострастно прошептала Жаклин.

Придя в себя, Волконский заметил, что оконные шторы в салоне опущены и участок дороги, по которой только что ехали, он пропустил.

Бросая мимолётные взгляды на будущего любовника, женщина поправляла свою причёску, приводила себя в порядок. Вынув из бархатного кармана, встроенного в заднюю спинку кареты, зеркальце с миниатюрной сумочкой и приоткрыв штору, Жаклин всё же для уверенности ещё раз внимательно осмотрела своё лицо. Подправив кое-где макияж, спрятала косметику обратно.

Уверенные жесты зрелой женщины внезапно сменились светской игрой молоденькой девушки. Однако маска девственницы привлекала Сержа не меньше, чем естество парижской зрелой шлюхи, которая явно достигла своей цели. К тому же Волконский, как ни старался, не мог определить возраст Жаклин. Если она и намного старше его, то годы не властны над ней.

«Как знать, может, в пятьдесят она будет так же прекрасна, как и сейчас», — думал он, отметив, что она неплохо знает природу мужчин и умело пользуется их слабостями. Играя на страстях, мороча, таким, как он, безумцам головы чувством ложной влюблённости, она сама вряд ли кому-нибудь признавалась в любви.

Ему вдруг захотелось узнать: испытывала ли Жаклин хоть однажды нечто похожее на любовь? Но это показалось ему теперь столь маловероятным, даже глупым, что он отверг всякие на этот счёт сомнения. И когда карета остановилась у живописного дворца с мёртвыми ещё в марте фонтанами возле широкой парадной лестницы с великолепными скульптурами, князь уже думал о предстоящей встрече.

Глава третья

Дверь домашнего кабинета Смагина с шумом распахнулась. Он открыл глаза и, пересилив себя, чуть

*Ах, я чувствую, что схожу с ума. (*фр.*).

приподнялся. С пустым бокалом в одной руке и начатой бутылкой дорогого коньяка в другой, слегка подвыпившая, как иногда случается со скучающей от безделья красивой женщиной, и несколько расхристанная на пороге комнаты появилась жена. Демонстративно распахнув дорогой китайский халат, из-под которого соблазнительно выглядывало телесного цвета кружевное бельё, она встала в проходе и насмешливо уставилась на мужа.

— Опять... — буркнул он и тут же завалился на диван.

— Не опять, а снова, — с явной издёвкой ответила она.

— Дина!..

— Да пошёл ты!.. — упираясь локтями в дверные проёмы так, чтобы не разлить коньяк и не разбить бокал, вновь огрызнулась Дина.

— Ты меня знаешь!.. — притворно пригрозил он, но и после этого не двинулся с места.

— Аа-а... — брезгливо отозвалась она, словно коснулась чего-то липкого и грязного. Чему-то усмехнулась и ушла.

Смагин бросил взгляд на часы: похоже, он задремал. Странно, каких-то пять-семь минут, а сколько всего увидел: и Париж, и дворцы...

«Надо бы встать», — подумал он и снова закрыл глаза.

...От каретного двора, расположенного севернее дворца, длинной вереницей выстроились всякие экипажи — от преизящных до самых простых.

Поднявшись по мраморным ступенькам крыльца, галантно пропустив Жаклин чуть вперёд, Волконский в какой-то момент ощутил неловкость перед закрытой наглухо дверью. Но это длилось мгновение: ливрейный лакей, вероятно, повинувшись наитию дворцового служаки, распахнул массивную дверь изнутри, не заставив приезжих гостей хоть сколько-нибудь ждать.

В вестибюле с большими зеркалами, освещённом зажжёнными во всех бронзовых бра свечами, князь небрежно сбросил шинель на руки слуге. Тот очень ловко и бесстрастно поймал её одной рукой, не менее сноровисто и грациозно принял двууголку, стараясь не касаться пышных перьев султана.

Первое, на что князь обратил внимание, это гардеробная, где находилась верхняя одежда, судя по её количеству и качеству, гостей не то чтобы многочисленных, но определённого сорта. На полках для головных уборов, к своему немалому удивлению, Волконский заметил медвежью

шапку чёрного меха. Такие шапки носили в отборных ротах гренадёры и карабинеры Бонапарта. Правда, после Бородино, когда Наполеон оставил Москву и бежал, эти шапки были упразднены. И вот теперь, здесь, снова... так неожиданно...

Шапка, которая сразу бросилась в глаза, лежала так, что Волконский хорошо разглядел её алое донце с золотым крестом. Да, без сомнения, это была она — та самая медвежья шапка с «обезьяньей задницей», как не очень ласково окрестили её в русской армии. К ней примкнула похожая — с красным шлыком и красным же султаном, какие носили гвардейцы конной артиллерии.

У Волконского учащённо забилося сердце. Но это биение почему-то было приятно. Настолько приятно, что он терялся в своих чувствах. Глядя на фетровые кивера, на которых белые кокарды с эмблемой Бурбонов вновь сменились триколорами, на все эти меховые головные уборы с козырьками и без, с характерными медными налобниками, на коих был изображён императорский орёл, почти любуясь этими киверами и шапками, украшенными кисточками и этишкетами, алыми плюмажами из петушиных перьев, князь благодарил всевышнего, что тот позволил ему покинуть Лондон и успеть вовремя в Париж. И если потребуется... да, если потребуется от него... О-о!.. он готов вернуть Александру золотую шпагу.

Оставшись в светском мундире, воротник и обшлага рукавов коего отличались от обычных золотым шитьём с императорским вензелем, с несколькими крестами и медалями, с коими изначально решил предстать пред маршалом, а ныне пэром Франции (дабы никоим образом невзначай не ущемить тщеславие доблестного вельможи), Волконский, разглядывая себя в большое зеркало, неожиданно обнаружил, что потерял из виду свою провожатую.

Мажордом, белый как лунь, с мягкими манерами ловкого придворного, на вопрос князя «Где дама?», вытянувшись стрункой, невозмутимо повёл головой в сторону левой анфилады, откуда почти в ту же секунду появилась ослепительной красоты женщина. С ожерельем из белого крупного жемчуга, охватывающим шею и опускающимся несколькими нитями на почти открытую из-за глубокого декольте грудь, с бриллиантовой диадемой на голове, которой могла бы позавидовать любая королева, Жаклин де Плюси, похоже, решила блеснуть сегодня всем своим великолепием.

— Oh, madam!.. — только и произнёс Волконский, не скрывая восхищения. Несколько приятных комплиментов в адрес куртизанки были очень к месту, достаточно точны и в меру изысканны, как две большие жемчужины в ушах Жаклин. Французская же речь князя, которую, в отличие от русской, он считал родной, изобиловала такими яркими эпитетами, кои не сразу в похожей ситуации пришли бы на ум самым отъявленным парижским искусителям. Правда, изъясняясь по-французски, Серж сильно грассировал, но, возможно, именно этот его изъян как раз и придавал ему особый шарм, присущий исключительно тонкой натуре.

Итак, появившись во всём вышеописанном богатстве и изяществе туалета, Жаклин повела Волконского по нижней анфиладе с амурами и венерами, психеями и юпитерами сквозь череду нарядных залов, увешанных картинами великих мастеров и украшенных гобеленами. Уже в первой он увидел молодых людей в чёрном, одетых, как тогда водилось, по новой сен-жерменской моде. Двое из них не преминули обратить на князя чрезмерно пристальное внимание. В следующей зале о чём-то негромко разговаривали несколько боевых офицеров. Кто-то был при парадной форме, кто-то — при походной. Некоторые — в камзолах нового образца, с тяжёлыми серебряными эполетами, с богатой серебряной же шнуровкой и аксельбантами на левых плечах. Заметив входящих, они замолчали. Но узнав Жаклин, все разом, плохо скрывая добродушные улыбки, встали во фрунт. А здоровый гвардеец в тёмно-синем походном доломане и такого же цвета чикчирах, в отороченном чёрным мехом ментике, что залихватски ниспадал с одного плеча, в высоких ботфортах так щёлкнул каблуками по мраморным плитам, что бряцание рогато оттопыренных шпор, наверное, услышали в соседних комнатах.

Безусловно, бывшая модистка, которую некий граф подобрал однажды на парижской панели, теперь вызывала восторг всех находящихся здесь мужчин — от последнего слуги до пэра Франции. Не поэтому ли, когда Волконский с Жаклин миновали очередную залу, освещённую люстрами, кенкетами и канделябрами, с раскланивающимися ливрейными лакеями, разговор между офицерами прерывался и возобновлялся лишь тогда, когда нежданная парочка удалялась на безопасное расстояние.

В других комнатах, также, в основном, небольшими группками, находились те, кто, вероятно, дожидался приёма или указаний. В основном это были влиятельные чиновники в вицмундирах и высокопоставленные боевые офицеры,

увешанные медалями и крестами. В дальней зале, в трёх шагах от массивных дверей с позолоченными виньетками и тяжёлыми латунными ручками прохаживался драгунский полковник.

Держа в руке чёрные кожаные перчатки с раструбами, в походном поношенном мундире и в запylенных рейтузах из серо-коричневой оленьей кожи, в грязных почему-то гамашах вместо ботфортов, он, явно нервничая, дожидался приёма. Увидев Жаклин с её спутником, полковник, плохо скрывая недовольство, кивком головы поприветствовал вошедших и, сдвинув брови, стал нетерпеливо похлопывать перчатками по своей грубой ладони. И когда двери распахнулись, не дожидаясь приглашения, лишь чудом не сбив с ног пожилого лакея, почти вбежал в приёмную пэра.

Такой поступок офицера раздосадовал Жаклин. Но ждать пришлось не очень долго: вскоре была приглашена и она с князем. Правда, впустив их, старый лакей, чуждый какой бы то ни было суетности, повёл гостей не в кабинет, а направился с ними длинным коридором в глубь дворца. И уже через минуту-другую они, как понял Волконский, очутились в боскетной.

С зеркалами и мебелью из красного дерева, с маленькими диванчиками и резными банкетками, с фресками и скульптурами комната была обита голубым штофом с пасторальными сюжетами, поэтизирующими мирную и простую сельскую жизнь.

Странно, но именно здесь, в боскетной, Волконский почему-то меньше всего представлял себе встречу с великим маршалом, который, казалось, только что облёкся в мундир, ленту, звезду и кресты. Кроме того, Ней был не один: с ним в комнате находилась молодая дама, поражавшая своей красотой и миловидностью не меньше, чем Жаклин де Плюси. Особенно хороши у неё были глаза — большие, карие, с поволокой, с густыми бархатными ресницами. И всё в ней было великолепно, без капли вычурности и вульгарности — и причёска, и платье, и макияж. На её шее, запястьях и в волосах мерцали нити отборного жемчуга, как и у Жаклин.

Незнакомка, увидев соперницу, сделала очаровательнейший реверанс Нею и поспешила удалиться. Глаза Жаклин зло сверкнули. Это заметили все, кто находился в боскетной.

Было это 13 марта 1815 года.

Глава четвёртая

«Да, было это 13 марта 1815-го, — заключил Смагин, уже окончательно выходя из дрёмы. — Всё-таки удивительно

устроен человеческий мозг, — думал он, — чего в нём только нет — и драгунские полковники, и маршалы, и проститутки...»

Несколько минут лежал с открытыми глазами, размышляя, что цифра «18», на которую ссылаются многие воздыхатели и приверженцы декабризма, появилась позже. И не удивительно: цифру «13» очень легко, фактически без помарок, исправить на ту, что в мемуарах Волконского.

Вместе с тем Смагин почувствовал себя несколько отдохнувшим. Мысли упорядочились, вернулись в прежнее русло. Закурив, он поднялся с дивана и стал прохаживаться по кабинету.

«О том, что «дружба» Пушкина с Волконским, а точнее, их знакомство было не столь близким, говорит единственное письмо князя, написанное уже после помолвки с Марией Раевской, — вновь принялся размышлять Смагин. — И если навязчивую фразу: «Имея опыты вашей ко мне дружбы...» сопоставить с биографическими фактами, сравнить, где и когда пересекались судьбы этих двух совершенно разных по духу людей, посмотреть на них сквозь призму последующих событий, то напрашивался простой ответ: поэта с Волконским ничто не только не связывало, но и ничего общего, кроме, разумеется, дружбы с семьёй Раевских, быть не могло».

Смагин вдруг поймал себя на мысли, что начинает думать высокопарно, книжными штампами. Он уже снова собирался завалиться на диван, но дверь, как и в прошлый раз, с шумом распахнулась. Это была опять жена. В том же халате, с бутылкой коньяка и с бокалом. Немного отпив, уже равнодушно сказала:

— К тебе пришли... Костя пришёл...

Вадим Витальевич вскочил, а когда надел шлёпанцы и обернулся, лишь увидел удаляющуюся нетвёрдой походкой жену и стоявшего у распахнутой двери директора студии Костю Седых, взгляд которого выдавал смущение и нечто такое, что Смагину очень не понравилось. Он даже набылчился, всем своим видом выказывая недовольство, но, быстро оценив ситуацию, постарался овладеть собой. Вынул из пачки новую сигарету и, несколько обескураженный, грузно плюхнулся на диван.

— Дрянь!.. Я ей ещё устрою... — пробормотал он.

Седых, не обращая внимания на нервозность хозяина, как ни в чём не бывало, подошёл к нему, поздоровался крепким рукопожатием и присел рядом. Взял сценарий, что лежал на журнальном столике, полистал его и, увидев густые пометки фломастером, задумался.

— Знаешь, что она учудила? — имея в виду жену, нервно защёлкал зажигалкой Смагин и то ли случайно, то ли нарочно выпустил в лицо гостя ядовитую струйку дыма. — Из театра ушла. Да-да... В церковь стала ходить. А после... после — срыв, пить начала. Затем снова в церковь. И снова срыв. Результат налицо... Ты только что сам видел.

Седых молчал.

— Что скажешь-то? — раздражённо спросил Вадим Витальевич; сигарета в его пальцах дрожала.

— Зачем ты мне это говоришь? — Костя положил сценарий на место.

— Ну как же... ведь ты мне друг.

— Я не знал, что твоя жена...

— Вот-вот... не знал. И мало кто знает. Потому что скрываю, вру всем, вру, что в голову взбредёт. А ты в комнату её загляни: иконы да книги эти... богодуховные. Святых отцов она, видите ли, читает. А потом коньяк хлещет. Как это тебе?

— Чужая душа потёмки.

— Ну да, «потёмки», так проще, а у меня от её фантазий голова кругом идёт, не знаю, что делать. Советовал в театр вернуться, так она мне: храм Божий и театр — две вещи несовместные. Прямо по Пушкину — гений и злодейство...

Смагин затушил сигарету и тут же закурил следующую. Сквозь зубы произнёс:

— Красивая, стерва, а так... развёлся бы давно, честное слово.

— Боишься, что такая красота кому-то другому достанется? — спросил Костя. Просто так спросил, без задней мысли.

Вадим Витальевич ответил не сразу, и по всему было видно, что вопрос его больно задел:

— Боюсь, Костя. В том-то и дело, что боюсь. Люблю я её... — и он замолчал, возможно, чтобы не сказать в адрес жены что-нибудь оскорбительное.

— Ты со сценарием-то решил? — перевёл разговор на другую тему Костя, уже машинально отмахиваясь от сигаретного дыма, который голубоватым облаком стелился по всей комнате. Но ответа не последовало: Смагин лишь продолжал курить.

— Да или нет? — повторил вопрос Седых.

Вадим Витальевич, снова выпустив густую струйку дыма, уперев ладони в колени, стал медленно раскачиваться вперёд-назад. Он не знал, что сказать. Вернее, знать-то он знал, но как бы объяснить это деликатнее, дипломатичнее, что ли...

— Хоть топор вешай, — встал, наконец, с дивана некурящий Костя и, как до этого Смагин, подошёл к большому — от пола до потолка — окну, оглядел одно, другое и... открыл дверь, что вела на веранду.

Вадим Витальевич по-прежнему упорно молчал.

— Да ответь, наконец! — перешёл на повышенный тон Костя.

— Хочешь, чтобы я... я!.. снимал вот по этому?.. — взяв сценарий, потряс страницами Смагин.

— А в чём проблема-то? Объясни. Ведь сначала ты был «за»...

— Верно. Сначала... Я и сейчас утверждаю: сценарий неплохой, с точки зрения исторических фактов, но...

— Что «но»?

— Видишь ли... в фильме Трояновского, конечно, много нелепостей...

— «Нелепостей»?! Только-то?.. — Седых старался сдерживать себя, скрыть копившееся последние дни возмущение. — Да там столько лжи... чуть ли не с первых сцен. Сам ведь говорил...

— Мало ли что я говорил. И разве теперь это важно?

— Погоди, погоди... как это не важно? Взять хотя бы письма... Какие письма Пушкина так напыщенно и таинственно Волконский передаёт жене?

— Вряд ли кто теперь вразумительно ответит на это, — постарался уйти от вопроса Смагин. — Если только... если только эти письма не предназначались другому лицу.

— Но зачем хранить Волконскому чужие письма? Заметь: не одно, а несколько. Ведь слово «письма» произнесено во множественном числе.

— Я же сказал: возможно, эти письма предназначались другому адресату, и содержание их вполне могло бы скомпрометировать Пушкина. Допустим, в глазах императора.

— Да чушь это всё! Сам знаешь, что эти письма притянуты за уши с определённой целью. И не в последнюю очередь для эмоционального накала.

Смагин не стал спорить, отлично понимая, что Седых прав. И прав, как говорится, на все сто. Отметая высказывания некоторых учёных, что Мария, в девичестве Раевская, была чуть ли не источником вдохновения поэта, сыграла важную роль в его творчестве, Вадим Витальевич с большой вероятностью допускал, что ни ей, ни её мужу Сергею Волконскому Пушкин никогда не писал. Потому что таких писем, как было сказано выше, ни в архивах, ни где-либо

ещё обнаружить не удалось. Да Смагин и не слышал о таких. Высланный же в Бессарабию за политическое вольномыслие поэт, коему и было-то чуть более двадцати лет от роду, попав в чисто масонскую среду и с новой силой вдруг захваченный либеральными идеями, невероятно быстро отошёл от модного тогда увлечения тайными обществами.

— А если Пушкин всё же писал Волконскому, — стал хитрить Смагин, — и когда-нибудь это обнаружится?

— А причём здесь вообще Волконский? И разве только в нём дело? И почему бы тогда с той же вероятностью не допустить, что он встречался с самим Бонапартом? Хотя в одном ты прав, — нахмурился сбитый с толку Костя, — с этими письмами всегда столько тумана.

— Вот именно! А вдруг? — продолжал увиливать от прямого ответа Смагин. — Почему бы солнцу русской поэзии не написать с какой-нибудь okazji несколько строк герою Отечественной войны, обладателю золотой шпаги...

— Разумеется, — перебил его Седых, принимая аргументы товарища за некую формальность, — храбрец-дуэлянту Волконскому без золотой шпаги никак нельзя.

— Как бы то ни было — это факт. И награды — тоже факт.

— Вот я и смотрю — их блеск лишил тебя зрения.

— Тебе бы только шутить.

— Да мне как раз не до шуток. — Седых заходил по комнате, уже не скрывая своего раздражения. — Вадим, ведь наши точки зрения на эту тему совпадали. Разве что-то изменилось?

— Точки зрения... — ухмыльнулся Смагин. — А что будет завтра, подумал? Мы же интеллигентные люди, Костя.

— Прошу меня не оскорблять! Хочешь — будь интеллигентом хоть в пятом колене, а я сермяжным похожу — с посконным рылом в суконный ряд не полезу.

— Лучше не лезь в бутылку. Ты отлично знаешь моё отношение к этим... декабристам. Но сейчас не время вот так, на рожон...

— Конечно, не время. То есть всех этих местечковых подонков эсеров, ублюдочную «Народную волю», даже большевичью матросню — можно, а беломундирных красавчиков, этих рафинированных кавалергардов с эполетцами, которые хотели изничтожить всю фамилию Романовых, заметить — даже детей убить, так вот их нельзя трогать, время не подошло.

— Не передёргивай. Большевики и бомбисты из народников — это одно, а декабристы...

— Ну да, они же такие пушистые, просто души невинные, свечки дерзновенные, праведники и пострадавшие от сатрапа российского, — уже зло иронизировал Костя.

— Если хочешь знать, они... — Смагин запнулся, явно озадаченный, говорить или нет.

— Что замолчал? Продолжай, коль начал.

— Понимаешь, они сейчас... как лакмусовая бумажка. Вот ты можешь сказать, что будет завтра? Ну, не завтра, а хотя бы через год?

— Вот и момент истины! — возмущённо развёл руками Седых. — Как же я сразу не догадался?.. По-твоему, хорошо отзываться о декабристах — ты интеллигент, плохо — маргинал, в обскуранты тебя, пожалуйста в газетваген. Одним словом, проверка на интеллигентность.

— Зачем ты так? — Смагин сделал вид, что обиделся.

— А как же ещё, Вадим? Может, мне слезу пустить по поводу пяти повешенных и тех несчастных, сосланных на каторгу? Или мне с высокодуховным выражением лица, как одна либерального вида экзальтированная дамочка, брызгая слюной в телестудии, отстаивать ореол мучеников романтичности и светскости этих заговорщиков, чьи руки по локоть в крови?

— Я не это имел в виду...

— Как же не это... именно это. Обычная проверка таких, как ты, Вадим, на ин-ти-ля-гент-ность, — по слогам произнёс Костя. — А для непонятливых — проверка на вшивую интеллигентность.

— Прости, но ты уже перегибаешь, — почему-то сконфузился Вадим Витальевич, чем, вероятно, выдал себя.

— Нас с детства учили, — продолжал Костя, расхаживая по кабинету, — что декабристы разбудили Герцена. А мы верили. Ве-ри-ли, что они — благородные, смелые герои, приближавшие революцию, достойны искренней любви и всенародного почитания. Конечно, сейчас это можно назвать глупостью, идиотизмом, ещё чем-нибудь, но я рос в твёрдой уверенности, что это так. Уже взрослым я долго не мог отделаться от внедрённых в меня со школьной скамьи неких стереотипов, вроде придурковатого поручика Ржевского из «Гусарской баллады». Мне почему-то казалось, что он непременно станет декабристом. А Чацкий с Онегиным?.. Нам просто вдолбили, что они близки декабристам. Вдол-би-ли! А в итоге?.. Герцен, этот выблядок, живший на туманном Альбионе и жравший на

деньги Ротшильдов, — такой же предатель, как генерал Власов. Или как Гайдар с Чубайсом. — Седых чуть сбавил тон. — Помнишь, шутка ходила: какая, дескать, сволочь разбудила Герцена? Кому мешало, что ребёнок спал?

— Помню. И что?

— Так вот: ребёнка разбудила вся эта эполетоносная сволочь. И её как идеал доблести и чести нам много лет преподносили не только в школе — битва за мозги велась по всем фронтам. Очень даже удачно, заметь. Страну-то в итоге развалили. Потому что артподготовка велась сытой высокообразованной интеллигенцией с ниишными бардами, возмнившими себя такими совдеповскими флигель-адъютантами, чуть ли не корнетами оболенскими кухонного разлива. А нам, дуракам, невдомёк, что вся эта дворянская вольница, разумеется, как тогда, так и сейчас, не за Россию стояла, а за царубийство и смуту. Да они хуже большевиков!

— Те или нынешние? — с иронией спросил Смагин.

— Да вся эта либеральная рать, — отмахнулся Седых и почему-то пристально заглянул товарищу в глаза. — А ты сам, Вадим, ты сам... вспомни...

— О чём? — не понял тот.

— Не ты ли хвастал, как студентом любил повольничать? Часто устраивал кухонные посиделки до полуночи. Слушал «голоса». Бегал на блеющего под гитару знаменитого тогда на весь Союз шестидесятника... Ты от него в восторге ведь был. Ну как же: «Ах, Арбат, мой Арбат»...

— Когда это было-то... — не стал отпираться Смагин.

— Но было же, Вадим. Бы-ло. И мне почему-то кажется, что сивушный смрад тех кухонных застолий ещё не выветрился из твоей головы.

— Ты не очень-то... выбирай слова.

— Твой интеллигентский страх перед той же высокообразованной сволочью творческого разлива меня даже не удивляет, — рубил правду-матку Костя. — Только знай: весь романтический флёр с этих эполетников, устроивших дворцовый переворот, всё равно когда-нибудь спадёт. А он непременно спадёт. И знаешь почему?

— Ну? — всё же спросил Смагин.

— Потому что той совковой интеллигенции, как бы её унижительно ни называли, той, готовой жертвовать собой ради народа, ради общественных интересов давно уже не существует. Ценность комфорта, деньги убили в интеллигенции то, на чём держался миф о декабристах, — они убили жертвенность. Поэтому твоя интеллигенция,

Вадим, мнением которой ты так дорожишь, это всего лишь доморощенные зажравшиеся буржуа новой выпечки, готовые за «бабки» снять с Пушкина шитый золотом камер-юнкерский мундир и пустить его нагишом по Тверской. Кстати, никак не могу понять, почему телогрейка Бродского так сильно умиляет новую интеллигенцию, а камер-юнкерский мундир скандального поэта не даёт ей покоя?

— Просто людям непременно хочется видеть великого человека на судне, — с насмешкой произнёс Смагин.

— Как ты сказал?

— Не я, Пушкин... Из его письма о сожжённых мемуарах Байрона: «Он, мол, низок и мерзок, как мы...»

— Да, да... именно, — вспомнил Костя: «Врёте, подлецы, он низок и мерзок, но не так, как вы!» — именно так, раздеть до исподнего национального гения — всё, на что способна нынешняя интеллигенция. А ты мне: Пушкин писал, не писал... Ты же сам мне рассказывал, что настоящих единомышленников и друзей из среды «детей вдовы» у Пушкина на юге не было, — всё ещё надеялся на что-то Седых. — Что среди членов тайных обществ, «ищущему» Пушкину не доверяли и сами ночные братья.

— Не помню, — пожал плечами Смагин. Привстал, но тут же снова плюхнулся на диван.

— Скажи, Вадим, — продолжал упорствовать Костя, — ты никогда не задумывался... что, если б Пушкин был тогда с декабристами? Может, и дуэли с Дантесом не было бы? А? И поэт остался бы жив. Ведь все декабристы, в том числе и Волконский, вернулись в полном здравии. Многие прожили до глубокой старости. Мемуары понаписали. Без них теперь и Сибирь не Сибирь... С музеями, библиотеками...

— Такой Пушкин, который был в действительности, сегодняшней интеллигенции, тем более творческой, не нужен, — не очень уверенно произнёс Вадим Витальевич. — Да, я согласен: «Пушкин — друг декабристов» внедрялось в общественное сознание десятилетиями. Это уже клише, которое успешно прижилось. И оно чувствует себя комфортно не только в залах Пушкинского дома, но и в головах миллионов людей по всей России. Но если, избавляясь от старых иллюзий, мы с тобой начнём придумывать новые...

— Мы начнём говорить правду! — поправил его Седых.

— Правду? Какую?

— Да хотя бы... Хотя бы показать, что декабристы — это, по сути, родные отцы Троцкого и его нынешних последователей.

— А ты, Костя, не считаешь, что на смену тому Пушкину — с его «Вольностью» и «глубиной сибирских руд», Пушкину, миф о котором нам с тобой внушали со школьной скамьи, приходит другой? Что и без нас уже создаются новые иллюзии. И кое-кому невтерпёж, чтобы поэт был мал и мерзок. Да, да... я не преувеличиваю. В массовом сознании... — Смагин запнулся, но тут же продолжил: — Да что я говорю... каждый старшеклассник теперь знает, что Пушкин бабник и картёжник, а уж потом — муж Натальи Николаевны.

— Но если правда молчит, говорит ложь!

— Всё равно: не время сейчас разрушать иллюзии насчёт «нашего всё». Как бы не сделать ещё хуже.

Седых несколько секунд разочарованно смотрел на Смагина: казалось, у него першило в горле.

— Видишь ли, — откашлявшись, степенно начал Костя, — кто-то, не помню, правда, кто, сравнил Пушкина с поэтическим Гаврошем. И ведь как сравнил! — Седых сделал паузу, с иронией взглянул на Смагина.

— Ну, ну... и как же сравнил?

— Как и бездомный парижский сорванец, бесстрашно подносивший восставшей черни патроны, так и наш поэт отважно доставлял рифмованные боеприпасы матёрым героям наполеоновских войн, — продолжал Костя. — Лишь в порыве вдохновения, так сказать, в минуты затишья перед боем наш оливковый малыш вскакивал короткими ножками на бруствер и развлекал будущих бунтовщиков озорными стишками. Но, щадя его природный гений, в решительный бой доблестные кавалергарды скандального арапчонка не взяли. И когда многих сослали на каторгу, поэт просто исстрадался, регулярно отправляя несчастным шифрованные вирши в Сибирь. И почти как юный Гаврош, погибший от пули на одной из улиц Парижа, наш поэт был подло застрелен агентом третьего отделения в лице шпиона-французика. Кстати, Трояновский хотел вставить в свой шедевр сцену, где бы Пушкин провожал Марию Волконскую в Сибирь. Слава Богу, у советской цензуры хватило ума запретить снимать этот бред.

— Ты это к чему? — Смагин сделал вид, что не понимает.

— Да всё к тому же... — Костя взглянул на сценарий. Теперь ему казалось, что пометки оранжевым фломастером были сделаны в тех местах, которые казались более важными.

Озадаченный, скорее, машинально, нежели сознательно, он взял пульт от видеомагнитофона, лежавший здесь же, на журнальном столике. Нервно повертел его в руке и почти

непроизвольно нажал «PLAY». На плоском экране, правда, не сразу, появилось изображение: князь Волконский в глубоком раздумье сидел у камина, а голос за кадром произнёс: «Кровь тирана избавит отечество...»

В ту же секунду экран потух. Это Смагин, взял другой пульт и выключил телевизор.

— Почему-то я так и думал, — сказал Седых. И, положив пульт на место, вышел.

Глава пятая

Ужасная раздвоенность, какую испытывал Смагин после ухода приятеля, не давала покоя по причине своей, если так можно выразиться, обычной необычности. Сказать, что Вадим Витальевич не соглашался или не осознавал правоту Константина Седых, было бы в корне неверно: ведь к этой правоте его привёл ни кто иной, как сам Смагин. Именно Смагин нередко внушал близкому своему окружению то, что считал истиной. И что же? Когда истину надо бы отстаивать, обличать ложь, он теперь осторожничает.

«Осторожничает, — усмехнулся про себя. — Надо же какое нейтральное словечко подобрал. Почему бы сразу не сказать — трусит».

По малодушию ли, по какой иной причине ему вдруг пришла мысль, что обличать ложь и отстаивать истину порой бывает очень даже легкомысленно. А то и вовсе опрометчиво. Но самое странное заключалось в том, что мысли этой он вовсе не устыдился, а стал развивать её дальше. Оригинального в ней, конечно, ничего не было, но она являлась, если и не индульгенцией, то аналогом той же истины. И чем дольше он так думал, тем больше укреплялся в своей правоте.

«Пушкин, например, — рассуждал Смагин, — разве не по легкомыслию, испытав в Кишинёве падение, пройдя там своего рода чистилище, не пал окончательно? Несмотря на молодость, понял, что с бесами ему не по пути».

Вадим Витальевич взял сигареты. Но вдруг весь напрягся, сильно смял пачку и бросил её на пол.

«Сколько было тогда Пушкину, а сколько сейчас ему — Смагину!.. В сорок пять пора бы научиться понимать. И не только мозгами».

Мысли вновь начинали путаться, вращаться возле надоевшей и давно закрытой, казалось бы, темы:

«Какие такие письма Пушкина Волконский мог передать Мари? — снова задавался вопросом Смагин. — Или... или никаких

писем не было. И эта фальшивая от начала до конца сцена допроса Волконского. В ней всё перевёрнуто с ног на голову...»

Смагин искал глазами пульт, намереваясь включить телевизор, найти этот фрагмент фильма, который первую минуту более напоминал доверительную беседу добрых знакомых, нежели допрос арестанта, и ещё раз внимательно посмотреть его. Но передумал. Вся сцена эта, разбитая на два эпизода, представилась ему теперь настолько отвратительной, что даже актёр, пусть и в образе Волконского, однажды восхитивший юного Смагина великолепно сыгранной ролью мечтателя Девушкина в «Белых ночах», показался ему теперь кощунником и предателем. Общее разочарование от всего этого было настолько несносным, что Вадим Витальевич впал в несвойственное ему уныние.

«Ну зачем?.. зачем?.. Почему?..» — непонятно кого спрашивал он, вряд ли отдавая себе отчёт, сможет ли получить ответы на все эти, в общем-то, бессмысленные вопросы.

Архивные документы, с которыми Смагину в своё время посчастливилось работать, подтверждали: во время допроса князь Сергей Григорьевич Волконский выставил себя в таком невыгодном свете, показал себя таким редким сумасбродом и солдафоном, так убедительно «сыграл роль» подонка, что своим поведением удивил даже нового императора Николая Павловича.

«Сергей Волконский набитый дурак, таким нам всем давно известный. Лжец и подлец в полном смысле...» — отозвался о нём русский царь-богопомазанник.

Действительно, Смагин скорее поверил бы версии, обыгранной в сценарии, лежавшем теперь у него на журнальном столике, где князь инкогнито встречается с пэром Франции, чем той постыдной уловке знаменитого режиссёра, который тем и прославился, что снял первый советский вестерн.

Используя архивные документы, Трояновский в сцене допроса нравственную основу переворачивает как песочные часы, выставляя государя Николая жестоким самодуром и хитрым тираном.

Вадим Витальевич пролистал сценарий. Тяжело вздохнул и присел на диван.

«Странно, ничего, вроде бы, не делал, а устал, будто вагоны разгружал», — подумал он. Закрыв глаза и уронил затылок на спинку дивана...

...Высокий шитый золотом ворот вицмундира маршала слегка подпирал его тщательно бритые щёки с рыжевато-роскошными бакенбардами. Искусно повязанный шейный фуляр придавал лицу несколько излишнюю сосредоточенность и строгость, а красная лента с орденами Святого Людовика и Почётного Легиона — несвойственную ему чрезмерную напыщенность.

— Excellence, le prince Volkonskyi,* — ледяной голос Жаклин, её сверкающие злобой глаза предвещали бурю.

— Je vous attends**, — не сразу, но подчёркнуто вежливо, даже мягко для члена военного совета ответил Ней. Жестом руки, которую тут же заложил за спину, он дал понять вошедшим, что они могут располагаться. Сам он стоял боком у стрельчатого готического окна и смотрел куда-то вдаль. Возможно, надеялся таким образом избежать взгляда уже ненужной ему любовницы. Но ласковая вкрадчивость тона его не могла обмануть опытную куртизанку. Да и своим поведением, интонацией он, недавно назначенный Людовиком XVIII пэром, обнаруживал в себе не столько дамского угодника и дипломата в амурных делах, сколько сурового полководца, блюстителя законов и законодательной власти. Что и подтвердил брошенной с прохладцей фразой:

— Je suis bien heureux de vous posséder chez moi... prince...***

И это «prince», обращённое исключительно к русскому гостю, так вывело Жаклин из себя, что казалось, ещё мгновение — и она вспыхнет негодованием. Но её лицо странным образом внезапно преобразилось: приправленное страхом, с предвкушением некой дерзости и мучительного наслаждения, оно приняло невинный вид. Подойдя почти вплотную к Нею, Жаклин что-то шепнула ему на ухо.

Розовые щёки маршала покрылись бледными пятнами.

— Comment vous pouvez croire cela?!**** — произнёс он тихо: в упрёке слышались грозные нотки и одновременно плохо скрываемая ревность, но взгляд Нея был таким, словно увидел он эту женщину впервые, как будто только что её разглядел.

По меркам юных соблазнительниц, Жаклин была уже немолода. Но это и привлекало к ней. Пожалуй, она была из

*Ваше высокопревосходительство, князь Волконский. (*фр.*).

**Я вас жду. (*фр.*).

***Я весьма счастлив видеть вас у себя... князь... (*фр.*).

****Как вы можете так думать?! (*фр.*).

тех немногих «честных» куртизанок, которые не стеснялись своего возраста. Мало кто, как Жаклин, знал толк в дорогих тканях, в бархате и парче, которые при умелом покрое, выборе цвета, прочих тонкостях, как нельзя лучше подчёркивали её восхитительные формы и оттеняли зрелую красоту. И вряд ли кто, как Жаклин, знал магию драгоценных камней, волшебство кровавых рубинов, бездонность голубовато-синих сапфиров, которые придавали её облику неповторимый шарм.

— *Au revoir,** — сделав театрално-прощальный книксен, Жаклин лёгкой и гордой поступью направилась к дверям. Безусловно, опытная куртизанка добилась того, чего хотела: последнее слово осталось за ней.

Волконский был готов остановить её, но маршал упредил:

— *Laissez la donc, cher ami,*** — острый взгляд его серых сумрачных глаз заставил князя встать навытяжку.

Когда Жаклин вышла, Волконский расстегнул пуговицу мундира и достал из внутреннего нагрудного кармана небольшое письмо, скреплённое сургучной печатью. Именно для этой цели он прибыл из Лондона в Париж.

Покуда Ней распечатывал письмо и читал его, Волконский, не скрывая восхищения, жадно разглядывал маршала, и мысли одна безумнее другой сменялись с такой бешеной скоростью, что он не мог за ними угнаться.

О, если б только было возможно, князь почёл бы за честь служить под началом «храбрейшего из храбрейших». Именно так Наполеон называл своего любимого маршала. Но примет ли от русского генерал-майора такую жертву Ней — пострадать за свободу, за просвещение Франции? И поймёт ли его поступок отечество?

Волконский вдруг вспомнил ходивший долго великосветский анекдот, в коем мусолилась история о том, как Павел I вызвал на дуэль Бонапарта. Царь намеревался драться совершенно серьёзно, но Наполеон от дуэли уклонился, назвав императора «русским донкихотом». А менее года назад, в апреле, его примеру последовал сын. На Венском конгрессе государь вызвал на дуэль немецкого канцлера Меттерниха. Дипломат, как и Наполеон, тоже ловко избежал дуэли. А жаль. Волконский не упустил бы удобного случая поквитаться с помазанником. Хотя бы за то, что тот прилюдно называл его уничижительно «мсье Серж» и часто не хотел с ним здороваться.

*До свидания. (*фр.*).

**Оставьте её, друг мой. (*фр.*).

Князь поймал себя на мысли, что смог бы взять на себя такой грех. Как взял его однажды Александр, подославший убийц в спальню отца. Не потому ли здесь, в этой комнате, устланной пушистым ковром, скрадывающим шаги, Волконский испытывал перед иностранцем то, что никогда не испытывал пред своим государем. «Бог, трон, отечество... всё это лишь слова, — думал он, — да если есть высшая цель, то пролить кровь, отдать жизнь ради этой цели — не истинное ли служение человечеству!»

В комнате был большой камин с чугунной решёткой, в котором, переливаясь рубиновыми огнями, тлели угли. Ней, прочитав письмо, отмерил пять-шесть шагов и, поведя головой, словно разминая затёкшую шею, вернулся к камину, прикоснулся ладонью к его тёплой стенке и погрузился в раздумье. Затем, слегка отвалив решётку, бросил на тлевшие угли скомканное письмо. Пламя почти сразу охватило бумагу, быстро превратив её в пепел.

— Prince, est-ce que vous connaissez le contenu de la letter? — спросил маршал. Казалось, золотые эполеты с тяжёлой густой бахромой, высокий ворот мундира, в который он теперь был облачён, да и сам мундир с лентой сковывали движение, мешали ему.

— Non, Votre excellence! — ответил Волконский, выдержав пристальный, почти пытливый взгляд, утаив, что догадывается о содержании письма. Да и надо ли Нейю, дававшему клятву королю Франции, надо ли ему знать то, во что посвящён он — Сергей Волконский? И в одном ли они братстве?

Князь с приятным чувством вдруг вспомнил, как на днях в Лондоне он прошёл второе посвящение. Вспомнил, что в первый раз обряд показался ему несколько наивным и даже смешным, чуть ли не детской игрой, которой забавляются взрослые мужчины.

Расхристанного, без нательного креста, в тёмной повязке на глазах, в одном лишь сапоге Волконского водили через «горы» и «пропасти», расстёгивали рубашку и приставляли к левой, обнажённой груди острие шпаги. И все эти скитания вслепую, стуки деревянного молотка, шумы, лягг оружия, крики «братьев», всё это почему-то напоминало театр. Но странно, Волконский впервые ощутил здесь, в этом тёмном пространстве «храма», нечто такое, о чём, кажется, всегда тайно мечтал. Да, да, он вдруг понял тогда, что обрёл себя

*Князь, вам известно содержание письма? (*фр.*).

**Нет, Ваше сиятельство! (*фр.*).

здесь, наконец-то нашёл своё настоящее я. И недавно, в Лондоне, при посвящении в подмастерье, стоя с линейкой и циркулем в руках и назвав цифры — три, пять, семь и одиннадцать, которые составляли ложу, он подумал о том, что всё в этом мире промыслительно. Ибо сумма этих цифр составляла возраст князя — полных двадцать шесть лет. И об этом он будет помнить до самой смерти.

Время тянулось, а маршал молчал. Стоял у камина, чуть склонившись над ним, простерев руку и прислонив к узорчатому кафелю широкую ладонь, будто хотел согреть её. Рыжие волнистые волосы живописно ложились на высокий его лоб, на котором образовались две морщины. В какой-то миг Волконскому показалось, что маршал смотрит на него как-то искоса и недружелюбно. Но, возможно, это лишь показалось: принявшие зелёно-голубой цвет глаза Нея, вроде бы глядевшие на князя, смотрели куда-то вдаль, в неизвестное и, как незадолго до этого, в них отражалось что-то неотвратимо-трагическое.

О чём или о ком мог думать легендарный маршал в эту минуту? Кто знает... О детях ли, коих у него было трое или даже четверо? А может, о судьбе Франции? Или о Бонапарте, которого боготворил и пред которым преклонялся?

Вполне, вполне вероятно, что были такие думы.

И мог ли он, пэр Франции, прошедший огни и воды, доверять человеку, находившемуся сейчас с ним в комнате? Мог ли он положиться на молодого, пусть даже в высшем офицерском чине, повесу, самовольно покинувшего русскую армию? Вряд ли. Предавший один раз, предаст и другой: у такого ни чести, ни совести, такой не только отечество — мать родную продаст. Да разве уважающий себя генерал, наделав огромных долгов, как последний каналья, станет скрываться от парижских кредиторов?

Разумеется, маршал, которому давали подробную информацию о людях, встречающихся с ним конфиденциально, знал немало из подноготной Волконского. И сцена, увиденная князем в первую минуту в боскетной, по меньшей мере, могла быть всего лишь спектаклем.

Озадаченно взглянув на стрелку стенных часов, Ней, похоже, давал понять гостю, что аудиенция подходит к концу и Волконский готов уже был откланяться.

— *Juste deux mots*, — задержал его маршал. — *Dites... Lunin... le capitaine de cavalerie Michel Lunin — votre ami?**

* Всего два слова... Скажите... Лунин... ротмистр Лунин — ваш приятель? (*фр.*).

— Pas tout a fait, — озарённый догадкой, слукавил князь. — Nous sommes, bien sûr, familiers, mais...*

— Eh bien! — резко оборвал его Ней. — Ne continuez pas.**

О, если б Волконский знал, какие страсти бушевали в душе маршала! Не знал он и о том, что из-за какого-то русского погиб на дуэли его лучший друг. А причиной тому была Жаклин де Плюси, чей трёхэтажный роскошный дом на набережной Сены, этот аристократический притон, который не единожды посещал Михаил Лунин, пользовался огромной популярностью среди русских офицеров. И уж тем более не мог он предполагать, что в нагрудном внутреннем кармане мундира пэра Франции хранилась батистовая кружевная подвязка с алмазами. Подвязка от чулка Жаклин.

И теперь, глядя на князя, Ней, кажется, видел что-то другое. Быть может, не менее отважного, чем он сам, храбреца и бретёра ротмистра Лунина? Роскошный ли будуар с расписной мебелью? Спальню, освещённую восковыми свечами? Эдакий амфиталам с эротическими фресками на потолке. С чёрным на полу ковром, окаймлённым золотой бахромой и золотыми кисточками по углам. Со стенами, драпированными голубым штофом в складку, где по одну из стен, в алькове, находилась большая кровать под шёлковым дорогим балдахином, на которой, в прозрачном кружевном пеньюаре и в чулках розового цвета, бесстыдно раскинувшись, играла болтающейся на ноге туфелькой Жаклин.

Ней опустил голову и прикрыл глаза. Живое и пылкое воображение унесло его в спальню роковой куртизанки; он увидел её полуобнажённую великолепную фигуру, её батистовые с воланами панталоны, отделанные рюшем и украшенные бантами. Увидел её роскошные волосы, ниспадающие до живота, гибкие, как у кошки, движения, говорящие о том, что узкая талия её не стянута корсетом.

Нею вдруг показалось, что он уловил терпкий аромат духов, которые оставила после себя Жаклин, почувствовал запах её кожи.

Право, её кожа нежнее самого нежного пуха цесарки. А жесты — это жесты молодой львицы. Или всё-таки кошечки...

Ему и впрямь почудилось, что он в её спальне. Вот она провела пальцами по своему бедру, коснулась обнажённой

*Не совсем так... Мы, конечно, знакомы, но... (Фр.).

**Хорошо... Не продолжайте. (фр.).

груди, шеи и вдруг, сняв с розового чулка подвязку, бросила её прямо ему в лицо.

Ней вздрогнул, резко дёрнул головой и открыл глаза.

И после всего этого... какой-то русский ротмистр...

Маршал представил, как это мог делать новоявленный «триумфатор»: привычным движением поднята юбка, затем другая, потом ещё одна, нижняя...

Отгнав от себя гадкие мысли, Ней холодно взглянул на князя и затем снова на часы, в этот раз уже твёрдо давая понять, что приём закончен. И правда, почти в ту же секунду через потайную дверь в комнату чинно вошёл высокий гвардеец и, звякнув шпорами, чётко произнёс:

— *L'audience est terminée. Son excellence vous avez tout dit**.

После ухода Волконского маршал отдал приказ, чтобы к утру следующего дня лошади были готовы к отъезду.

Напомним, было это 13 марта 1815 года, а уже 14-го числа, ещё до полудня, член военного совета и пэр Франции Мишель Ней покинул Париж. Через четверо суток, встретив Наполеона в Оксере, «храбрейший из храбрейших» со всеми своими войсками перешёл на его сторону, изменив Людовику XVIII.

Глава шестая

Не менее скверное, чем у Смагина, было настроение и у Константина Седых. А если начистоту, на душе у него было просто отвратительно. Будто где-то под сердцем, а быть может, внутри самого сердца что-то зашевелилось, стало копошиться и не давать покоя. Да чем он лучше Смагина? Эка бравировал перед ним, аргумент привел, мол, декабристы — родные отцы Троцкого и Ленина! Да кто с этим не согласится?! И с каких это пор он, Костя, смелым стал? Хочется правду сказать — так скажи, ан нет...

В том-то и дело, что хочется. Тому же Смагину. Но он и без Кости эту правду знает. Тогда убеди. Или не получается?.. А может, забыл, как с «Никой» прокатили, сколько оправдываться пришлось... По сей день косо смотрят. А сколько критики было: дескать, деградировал Седых. В чём только ни обвиняли — и в пошлости, и в безвкусице...

Конечно, на все косые взгляды слюны не хватит и всё же... плевать он хотел на этих критиков с высокой колокольни.

Припомнился случай из детства, как с отцом на рыбалку ходили. Как на берегу отец распаковал плотно завернутый в

*Аудиенция окончена. Его светлость вам всё сказал. (*фр.*).

полиэтилен шмат чёрного протухшего мяса и аккуратно переложил вонючее месиво, в коем беспорядочно копошились жирные белые черви, в кастрюлю с водой. Оказавшись в воде, почти все черви — опарыши — всплыли на поверхность. И сейчас Константину вдруг представилось, что если бросить в воду его сердце, то на поверхность воды всплывут такие же опарыши. От подобной картины, увидев внутри себя копошащихся червячков, ему стало не по себе.

Поразительная вещь: он — Константин Иванович Седых, человек искусства, давно разменявший своё сорокалетие, кое-что сделавший в российском кинематографе, поднявшись, пусть и не на самый верх Олимпа, но достаточно высоко, никогда (или почти никогда) не теряя своих принципов, неожиданно увидел себя с другой стороны. И сторона эта оказалась слишком нелюбезной. И мог ли Костя Седых не знать — **что** есть кинематографическая машина и сколько судеб она поломала?!

Он знал людей, и не так уж мало, которые через эту машину так и не пробились. А те, которые пробились... Словом, кое-кого из них он начал замечать на службах в православных храмах.

Да, спастись стало уделом многих. А может, просто стало модой? Или удобно? Кто их разберёт. Поставил свечку, исповедовался — и дело с концом. Но можно ли вообще спастись в творческой среде? Вряд ли. Если уж всё в этом мире суета сует, если в обыденной жизни человек погряз в грехах, то в творческой среде он погряз в разы. И она — среда эта — огромный вред для души.

О каких же тогда принципах он теперь печётся? И что это за принципы, если думаешь одно, а делаешь другое? Если готов пройти через все «тернии» к своей цели? И ведь проходишь, добиваешься своего. И не замечаешь, как становишься винтиком в этой громадной машине, в этом молохе кинематографа. И ведь думаешь ещё, что поступки твои благородны. И совсем не подозреваешь, что своей собственной гнилью питаешь и без тебя много раз унавоженную, выжженную адской скверной землю для будущих поколений.

Почти четверть века назад поступив во ВГИК, студент Костя Седых находился, что называется, на седьмом небе. Ещё бы... прорваться через бешеный конкурс на режиссёрский... Это было настоящим чудом. Мерещилась почти фантастическая перспектива: большие деньги, слава, поездки за границу...

Конечно, это была уже не та слава и не те деньги, как во времена «развитого социализма». К концу учёбы в стране уже многое поменялось, назревало нечто, из-за чего выпускник с красным дипломом не почувствовал себя хозяином жизни, как мечталось ранее. А чуть позже, после развала Советского Союза, кинематограф и вовсе пришёл в упадок, захирел. Кое-кто из его мэтров и вовсе пророчил ему незавидную судьбу. Для Кости Седых, как, впрочем, для многих его коллег, это были самые трудные годы, о которых он позже вспоминал с содроганием.

Но постепенно в стране стало что-то меняться. В киноиндустрии тоже. Российская чернуха и примитивный голливудский ширпотреб начали вызывать даже у массового зрителя отрывку, неприятие. Похоже, где-то далеко-далеко на горизонте, ещё очень слабо забрезжило, как будто в отечественный кинематограф кто-то впрыснул незначительную дозу морфия — так, для обезболивания, дабы выйти из шока и не погибнуть. И всё равно... на фоне нового кино многие советские фильмы казались шедеврами. Да и по праву являлись таковыми.

Не исключением был и тот, что вот уже третий день с какой-то дотошностью, чуть ли не маниакальной одержимостью смотрел-пересматривал Вадим Смагин. Седых узнал об этом из телефонного разговора с Диной — его женой. И ждал. Ждал, когда советский шедевр набьёт гендиректору оскомину. Но всему наступает предел, а тот словно нарочно тянул время. И когда он, Седых, перед самым уходом от Смагина, в общем-то, случайно включил видео, а тот почти сразу выключил телевизор, Косте показалось, что шеф как будто смутился, точно в чём-то уличённый.

Примерно такое же смущение он уловил на лице Смагина, когда однажды, войдя к нему в кабинет, увидел на стене портрет... не президента, нет, хотя давно уже вошло в моду у творческой интеллигенции вешать в офисных кабинетах что-то подобное: Костя увидел в кабинете большой портрет Петра Великого, а под ним в деревянной рамочке — «Диплом лауреата». На рабочем же столе Смагина красовалась бронзовая статуэтка императора-реформатора.

Наверное, впервые за всё время совместной работы они тогда сильно поспорили, разговаривали на повышенных тонах. А если честно, чуть не разругались окончательно. Потому что оба понимали — откуда у статуэтки с дипломом «ноги растут».

— Так ты теперь менеджер? — усмехнулся тогда Костя, делая вид, что внимательно рассматривает диплом.

— Думай, как хочешь, — с розово-бледными пятнами на щеках ответил Смагин, — но я не в последнюю очередь и государственный.

— О, да, понимаю, — уже не скрывал иронии Седых, — такие призы теперь принято давать государственным менеджерам. Не бесплатно, небось?

— Не забывайся. Ты всё-таки в моём кабинете.

— Ну, извини, вырвалось, — то ли и впрямь извинился, то ли съёрничал Костя, — лишь хотел сказать, коль ты государственный, то повесил хотя бы портрет Ивана Грозного.

— Какой уж есть, — сухо обронил Смагин. — Да и не поймут.

— А с этим, — кивнул на портрет Костя, — с этим, который на Руси колокола сбрасывал, поймут?

После этого и разругались. Седых и впрямь хотел уйти от Смагина, но как-то обошлось. А вскоре после этого разговора диплом и портрет первого рубщика окна в Европу из кабинета исчезли. Осталась лишь статуэтка. Но против неё Костя ничего не имел. А с портретом... Ох уж эти портреты! Просто беда с ними.

Константин застал ещё то время, когда в «интеллигентских» квартирах вешать портреты «великих» было модно. Их изображения нередко находились там, где искони на Руси полагалось вешать иконы — чуть ли не в красном углу. Ну как же: Фрейд, Адлер, Юнг... «Я» и «Сверх я», «бессознательное» и «психосексуальность», «трансфера и контр-трансфера»... Профессора научного коммунизма витийствовали, объясняя все эти «дикувинки» духовно обнищавшему народу.

А что сто́ит один только снимок Эйнштейна с высунутым языком! Но «чудаковатый гений» дурачил людей не только идиотскими гримасами. Лживый имидж местечкового «учёного» всех времён и народов до сих пор ещё поддерживает миф о еврейской исключительности и гениальности там, где их никогда, в общем-то, не наблюдалось. Если только в сфере финансов и в области пиара. Или шутовства.

Благо, сейчас за критику Эйнштейна не судят и не сажают в тюрьмы. Критику просто замалчивают, запрещая научным журналам обсуждать и опубликовывать работы, разоблачающие плагиат и, в немалой степени, скудоумие Эйнштейна.

Так что пусть «неизвестные мастера пиара» печатают портреты «человека столетия» миллионными тиражами,

пусть издают плакаты и календари с его гримасничающей физиономией, — обман всё равно не получился. Да и уроженец южногерманского городка Ульм мог бы, наверное, теперь спрятать свой язык и стыдливо отвернуться. Но, увы... история разного рода плагиата и чёрного пиара лишь набирает обороты.

Седых поймал себя на том, что уже немало времени его серебристый «Nissan» стоит на обочине Новорижского шоссе с работающим двигателем. В Москву, куда он теперь возвращался после визита к Смагину, на большой скорости неслись машины, но трасса в этот послеполуденный час воскресного дня была ещё свободна, и Костя решил не торопиться. Заглушив двигатель и включив «аварийку», он вышел из автомобиля и огляделся.

Восточный ландшафт, насколько хватало взгляда, был сплошь усыпан новыми дорогими коттеджами. Их строительство, кажется, тянулось чуть ли не до горизонта. У Константина Седых ничего похожего не было. То есть не было того, что в данную минуту открылось его взору — хотя бы одного из тех великолепных строений в стиле европейской современной архитектуры со всеми удобствами. Именно «со всеми», кои способен изобрести изощрённый и ненасытный человеческий мозг.

Правда, у Кости была трёхкомнатная благоустроенная квартира в кирпичной шестизэтажке на Шаболовке, а также небольшой дачный участок в Тульской области, недалеко от Оки. И домик на том участке, в общем-то, был неплохой: бревенчатый сруб из архангельской сосны, с красивой мансардой, большой светлой террасой и балконом. Даже баня была. И всё же это было совсем не то, что видел он теперь перед собой.

Особенно выделялся готического стиля с элементами модерна особняк за высоким забором из красного кирпича, по углам которого крепились на специальных кронштейнах камеры слежения. С обочины трассы, где стоял Костя, хорошо просматривалась верхняя часть этого богато декорированного здания, резко отличающегося от обычного загородного коттеджа.

Своей архитектурой, роскошной отделкой фасада этот особняк чем-то напоминал хоромы Вадима Смагина. Костя почему-то не сомневался, что и внутри дом отделан с не меньшим изяществом. Возможно, такое же дорогое убранство комнат, как и у Вадима, такой же красивый интерьер огромной гостиной, шикарные ванны на всех

этажах... В таком особняке очень даже комфортно плести нити тайного заговора.

Седых вдруг вспомнил недавнюю сцену с подвыпившей женой Смагина, которая, казалось, больше притворялась подвыпившей, чем была таковой. Вспомнил в аккуратной рамочке диплом менеджера, висевший теперь на стене в домашнем кабинете Вадима. Портрет Петра Великого, однако, не заметил. Это и понятно: лишь кретин или отпетый либерал будет держать нечто подобное в собственных апартаментах.

Ещё Костя вспомнил, как машинально включил видео, а Смагин, вдруг смутившись, выключил телевизор. И картинка, возникшая тогда на экране с сидящим у камина в глубоком раздумье Волконским, вновь всплыла перед глазами. И голос за кадром: «Кровь тирана избавит отечество...»

Разумеется, Седых тоже неплохо помнил эту сцену. Правда, начиналась она чуть раньше и тоже после кадра с огнём, пылающим во весь экран в камине, когда под напористые звуки энергичных музыкальных аккордов, словно из глубины преисподней, слышится голос:

«Вверенный мне полк произведёт арестование главнокомандующего и начальника штаба...»

О, психологизм композиционного построения здесь столь тонок, слова Пестеля так мастерски усилены движением камеры, что невольно после кадра с пылающим в камине огнём зритель тут же переносится в условный мир заговорщиков, то ли изнутри наблюдая сцену собрания тайного общества, то ли извне.

«Вы, в северной отрасли, сохраняете монархию, тогда как общество юга намерено её упразднить».

Не только Пестелю, но и всем персонажам действующей сцены сильная подсветка и слегка задымлённый фон придают некую благородную тональность, аристократизм.

«Упразднить монархию в одночасье невозможно, особенно у нас, в России, — с некой ленцой, покуривая трубку, бархатным голосом отвечает Трубецкой, — её можно лишь ограничить законом, на манер Британии».

«Так будет же республика, князь!» — это снова Пестель, и хотя без излишнего пафоса, но веско, с апломбом, несколько не сомневаясь в своей правоте.

«Господа, вы спорите понапрасну, — а это уже Рылеев. Почти игривым тоном, поднявшись со стула, с улыбкой на лице... — Позор крепостничества нам всем отвратителен».

Рылеев красив, обаятелен, жизнелюбив... Но именно он в данную минуту — олицетворение доблести, достоинства и

чести. Лишь у него есть харизма — некая исключительность, неотразимость. Даже абсурдные его утверждения воспринимаются как непостижимая мудрость, предвидение.

«Господа, вы спорите понапрасну...»

О, как это произнесено! Легко, искренне, миролюбиво, подобному... Несомненно, это один из тех многочисленных трюков Трояновского, который с чарующей силой безотказно действует на зрителя. Да разве это заговорщики?! Конечно же, нет. Это радители отечества Российского.

«Господа, вы спорите понапрасну», — повторил уже про себя Седых. Повторил ещё раз. И ещё... И это «господа...» вдруг засело у него в голове, и он уже не переставал повторять эту фразу, как заклинание: «Господа...». Он даже ощутил нечто такое... будто слова эти навязли у него на зубах. Или внутри, под черепной коробкой?... А перед глазами возник экранный образ «благородного заговорщика», его улыбающееся жизнерадостное лицо, его игривый тон и всепокоряющее обаяние.

«Нет же, нет!... — словно смахивая наваждение, встряхнул головой Костя. — Не так! не так всё!...»

...Санкт-Петербург. Квартира в доме на набережной Мойки, у Синего моста, где Российско-американская компания имеет свою резиденцию.

Внутри голубой гостиной парадно: мебель из карельской берёзы; мягкие кресла, стулья, диваны, фарфор и бронза... Атмосфера располагает к домашнему уюту и к дружеской, интимной беседе.

— Господа, вера в разум достигла вселенских масштабов. То, что было примером вчера, сегодня может быть преступно... — Рылеев бодр, весел, ироничен. Он, да ещё Каховский с Поджио и Якушкиным в штатском. Родившись в бедной дворянской семье и патологически ненавидя аристократию, на правах съёмщика комнат Рылеев всё же немного переигрывал, изображая денди.

Не так уж давно, сменив свой «пиитический» терракотового цвета двубортный сюртук на тёмно-синий фрак, туго обхватывающий талию, с расширенными у плеч рукавами, одетый теперь по последней моде, в длинных серых панталонах, он казался куда более представительным, даже изящным и мужественным, чем Муравьёв-Апостол в мундире подполковника. Лишь изредка, покуривая трубку на манер светского щёголя, в некой задумчивости Рылеев слегка теребил чрезмерно стянутый узел шейного платка,

что был повязан на стоячем накрахмаленном воротнике его белоснежной рубашки.

— Да, господа, то, что ещё вчера было нормой, сегодня может быть преступно, — выпустив небольшой клуб дыма, повторил он, оглядывая тех, кто, не считая Каховского, расположился за овальным столом, крытым плотным зелёным сукном.

— Другими словами, то, что сегодня правильно, может быть ошибочно завтра, не так ли? — тоже покуривая трубку, заметил Трубецкой, игравший, с молчаливого согласия собравшихся, роль председательствующего.

— Совершенно верно. И поэтому вся прогрессивная мысль на нашей стороне. Конечно, духовные заслуги аристократии перед русской историей бесспорны. Но она вырождается, приобретает уродливые формы... — Рылеев выжидающе посмотрел на князя.

— Отвращение к Богу, Трону, Отечеству приобретает хроническое течение, — уклончиво ответил тот.

— Вот-вот... и я о том же, — ухватился за эту мысль Рылеев, — аристократия выродилась. Впрочем, разве она когда-нибудь служила опорой власти? Увы... менялась политика, менялись тираны, но аристократия... Нет-нет, только мы — новое поколение реформаторов знаем, за что нам бороться.

— Когда в начале своего восшествия на престол Александр упразднил главный орган политического сыска, у России появился шанс, — Пестель почему-то сидел боком, ссутулившись, закинув правую руку на спинку стула. Слегка наклонив голову к плечу, почти касаясь подбородком своего эполета, он являл собой некую карикатуру на Бонапарту.

— Не забывайте, что существует ещё ведомственный надзор, — напомнил ему Трубецкой, — и я знаю офицеров, которые для военного руководства собирают сведения о поведении и настроениях своих сослуживцев.

— И всё же политической полиции как таковой у нас нет, — встал Пестель и впрямь скрестил руки по-наполеоновски, — а значит, республика в России — дело времени. Или кто-то в этом сомневается? — обвёл он всех тяжёлым пристальным взглядом и снова сел на стул, приняв прежнюю позу. Его рыхлое, привыкшее к малоподвижному образу жизни нездоровое тело словно застыло. Желтушная одутловатость на лице проявила некий скрытый недуг. Редкие, странным образом сбившиеся иссиня-чёрные волосы открыли глубокие залысины. Блеск в чёрных, широко посаженных глазах

внезапно потух, и в какой-то миг весь его застывший, неподвижный образ напомнил восковую фигуру из паноптикума.

— Господа, вы опять спорите понапрасну, — игривый тон Рылеева заставил Пестеля пошевелиться и сесть, выпрямив спину. — Вы оба правы. Но надо быть очень осторожными. Очень. Однако и медлить нельзя. Любезный друг, — обратился он к Каховскому, всё это время молчавшему, но внимательно следившему за разговором, — возлюбленный брат наш, Пётр Григорьевич... — Рылеев выждал паузу, после чего продолжил: — Ты, как и многие грешные, сир и беден на этой земле, но мы знаем твоё самоотвержение. При определённых обстоятельствах ты можешь быть полезнее, чем кто-либо из нас. В назначенный промыслом божьим день и час... истребишь ли ты царя?

Какое-то время залу окутала тишина. Все взоры устремились на отставного поручика Каховского, который, похоже, после отставки так и не привык к штатскому платью.

Глава седьмая

Уже года четыре бывший поручик Пётр Григорьевич Каховский, после того, как вышел в отставку, являлся, что называется, партикулярным человеком, а носить статское платье, как того требовал этикет, не научился.

Табачного цвета заношенный донельзя фрак сидел на нём как-то вразлад, и хотя сшит был в соответствии с модными тенденциями — в талию и с чуть пышными в плечах рукавами, при высоком росте Каховского, делал его тощую фигуру нескладной; ноги и руки казались не то чтобы длинными, а несоответствующими пропорциям тела. Да и пикейный грязный жилет, и вылинявшая от стирок верхняя сорочка с некогда стоячим, а теперь каким-то жёваным, измятым воротником, небрежно обвязанным шейным фуляром, которые должны бы подчёркивать мужскую статью — прямую спину с выгнутой грудью, говорили о том, что бывший поручик, привыкший свободно чувствовать себя в военном мундире, не умел носить хорошего штатского платья. А ведь фрак, в коем атласные лацканы и фалды-ласточки люди некомпетентные считают лишь деталями кроя — целое мировоззрение, здесь своя система взглядов, своё, особенное мироощущение должно быть. И, наверное, не в последнюю очередь — происхождение. А воспитание — так уж само собой.

Выходец из обедневших дворян, с вековыми корнями старой польской шляхты, Каховский уже с юных лет тянулся к разным неблагопристойностям, отчего и был из юнкеров разжалован в рядовые и вскоре отправлен на Кавказ. Дослужившись до поручика, получил отставку. Обуреваемый страстями, он, продув в карты родовое имение в Смоленской губернии, разорившись в пух и прах, мечтал отправиться на землю древней Эллады, дабы присоединиться к восставшим против Османской империи грекам. Оставшись без друзей-приятелей, жил одиноко, непонятно на какие доходы. Последние годы фактически бедствовал, так как родственные связи то ли разорвал, лишив себя всякой поддержки, то ли и впрямь был сиротой. Впрочем, Рылеев знал, что говорил.

Так или иначе, но был Каховский многим непонятен, с характером не то чтобы ядовитым, но мрачным. И по слухам ещё с юности он вызывал у малознакомых ему людей некую аверсию: даже положительные свои черты, кои непременно в нём имелись, мог выставить в невыгодном свете.

Словом, как тогда говорили, был он «неавантажен». О нём, кажется, и обмолвилась старая московская княгиня Варвара Петровна Усманская: «Вроде бы не горбат, не сутул, а на душе будто кап, нарост какой...»

В отличие от Ивана Якушкина, капитана в отставке, носившего лёгкую, что-то вроде картуза, каракулевою шапку, или отставного подполковника Александра Поджио — смуглого, с густыми смоляными волосами, в жилах коего бурлила итальянская кровь, предпочитавшего носить цилиндр, Каховский, прослышав о повстанцах в Латинской Америке, приобрёл шляпу Боливар и носил её с исполненным величия видом, дополняя свой гардероб длинным широким плащом без рукавов — альмавивой, вошедшим в моду тоже совсем недавно.

Сейчас, охваченный чувством тайного тщеславия, он, единственный из всех присутствующих, сидя в стороне на предложенном ему хозяином вольтеровском кресле, положив руки на подлокотники, внимательно обводил своим горячим загадочным взглядом товарищей, делая вид, что упорно обдумывает вопрос, заданный ему Рылеевым. Наконец, в глазах бывшего поручика сверкнула надменная, почти презрительная усмешка, а взор остановился на Трубецком, чьё вытянутое лицо, чем-то схожее с мордой породистой лошади, внезапно посерело.

— Ну так как, Пётр Григорьевич, — покуривая трубку, повторил Рылеев, — истребишь ты царя, коли велит того долг твой?

Каховский по-прежнему молчал. Но не потому, что не имел ответа. Истребить тирана для него, потомка шляхтичей, было великой честью. Молчал же он по причине иной, ибо чувствовал — если поторопится с ответом, то великое торжество, испытываемое в сию минуту, исчезнет, растворится, как туман, превратится в пошлую банальность. К тому же волнение, кое он теперь испытывал, спазмом сковало горло.

— Александр, придавая большое значение чистоте своего монаршего рода, ставит Романовых выше других, — неожиданно для всех нарушил молчание Пестель. — Но царский род их вот уже сотню лет венчан на немках. И князья Рюриковичи не перевелись ещё...

Трудно было не понять, к чему клонит саксонец, предки которого были родом из герцогства Саксен-Виттенберг.

Ещё юношей, учась в Пажеском корпусе, мечтал Пауль Пестель о воинской славе и почестях. И вот с годами аппетит его вырос так, что даже самых ярых заговорщиков откровения полковника приводили в ужас. Даже Рылеев, даже Сергей Муравьев-Апостол не прочь были бы ослабить позиции хитрого властолюбца, явно стремившегося переплюнуть своего отца — бывшего Сибирского генерал-губернатора, проворовавшегося самодура, аж до самого Урала «стяжавшего лавры» подлого взяточника и гнусного злодея.

Многие, многие догадывались, что лютеранин грезил о венце и бармах Мономаха. Догадывались и боялись, что он, этот армейский Наполеон, всех погубит, продаст ни за грош, как продал однажды Этерию — верхушку тайной организации, руководившей восстанием свободолюбивых греков. Единственным, наверное, кто беспрекословно подчинялся Пестелю, был Поджио: будучи майором, впервые познакомившись с ним в Линцах, что на юге Украины, где квартировал Вятский пехотный полк Пестеля, он, католик по вероисповеданию, с тех пор был самым верным его адептом.

И всё же более всего сейчас настораживало поведение Каховского: глазами бродячей собаки, чуть ощерившейся, он продолжал смотреть на Трубецкого именно с презрительной усмешкой, что явно не нравилось не только князю, но и присутствующим. А Рылееву тем паче. Ибо не кто иной, как сам Кондратий Фёдорович однажды и предложил поляку убийство императора. И денег этому «карбонарию» подбрасывал, чтобы он с голода чего не

натворил: уж если от бескормицы скотинадохнет, то человек хуже скотины — такое начудит, беды не оберёшься. Один вид Каховского чего стоит! Башмаки стоптаны, штаны изношены, фрак... о нём речь уже шла. То ли опустившийся актёришка, игравший разбойников, то ли и впрямь разбойник с большой дороги. Такой не то что царя — мать родную от нужды зарежет.

Возможно, Рылеев уже и сожалел о том, что ещё ранее, так сказать, тет-а-тет предложил Каховскому убить царя. Да что теперь... рыбку съесть и на ослика сесть не всегда получается. Сам себе хомут на шею надел. Вот и спросил во всеуслышание, чтобы никто в стороне не оставался и чтобы ответственность на всех лежала: мол, убьёшь ли ты, брат Каховский?... А тот, видно, и без Рылеева давно байронизмом заразился, ещё до первого их разговора о тираноубийстве не единожды в Царское село ездил, присматривался, как лучше Государя подкараулить.

— Господа, — каким-то утробным голосом прервал молчание Пестель, — вам не кажется, что пауза слишком затянулась? — Толстоватые, крепко сжатые его губы разомкнулись, потухший было взор вновь вспыхнул.

— Действительно, — устремил взгляд на будущего тираноубийцу Поджио, — быть может, господин Каховский нам что-то ответит?

Бывший поручик продолжал молчать. Казалось, ему доставляет огромное удовольствие держать двусмысленную паузу, испытывая терпение товарищей. А ещё — смотреть на вытянутое, чуть лошадиное лицо сухопарого Трубецкого, скрывающего за курением трубки свою нервозность.

Князю же очень хотелось ответить Каховскому — этому выскочке с физиономией захолустного армейского отставника, продувшего отцовское имение в карты, что-то вроде: глупому сыну и богатство не в помощь, но... этикет обязывал сдерживать порывы. Ибо если не обуздывать себя, то выплеснутые эмоции в неурочную минуту могут быть оскорбительны для других.

А не мешало бы, размышлял Трубецкой, напомнить этому безликому серому существу, этому невзрачному с голодными глазами отставному поручику слова княгини Усманской, с которой, надо признаться, сам Сергей Петрович — мысленно, конечно, — тогда не соглашался. Больше того — и поспорил бы, если б позволял тот же этикет. Особливо, когда Варвара Петровна перевозносила свой старинный род: «Усманские, почитай, при Андрее Боголюбском были князьями, да не простыми, а удельными».

Задела-таки она в тот раз Трубецкого. Как, впрочем, и Каховского; при нём сентенцией-то разразилась. Вот и смотрит он теперь, как ворон... смотрит, бестия, точно в глаз клонуть хочет. Поневоле вспомнишь: «Теперь князей не перечесть! Брось камень в голубя на площади, а попадешь в князя или графа».

Да-а... неприятный конфуз-то вышел, да ещё в присутствии, можно сказать, отщепенца. И кто его привёл к Усманской?... Старая же и бездетная княгиня, имевшая семь тысяч душ крепостных и необъятную дворню, тщеславившаяся своей благотворительностью, решила порадовать сироте. Но такому лишь палец в рот сунь, он и руку отгрызёт. Впрочем, княгиня тоже не промах: после того случая никто Каховского в её московских палатах уже не видел.

А если начистоту, то дело даже не в Каховском. Дело в том, что права старуха: «немало теперь сиятельств», кои служат в палатах писцами, а «грузинские князья где-нибудь в Тифлисе метут мостовые». Вот что скверно. И уж вовсе негоже, «как женятся — нынешние-то князья да графы. А за кого княжны и графини выходят замуж! Просто ужас!.. — возмущениям Усманской не было границ: — Как подумаешь, право, лучше умирать без потомства: по крайней мере, будешь знать, что к благородному гербу твоему не прибавятся ножницы портного или ступка и пестик аптекаря...»

Трубецкой выпустил большой клуб дыма, отчего прищурился и покосился на Каховского: и ведь недурён собой... Правильные черты лица, великолепные светло-каштановые волосы, живописно очерченные губы с щегольскими усиками... Если что и не скрашивало потомка шляхтичей, так это излишняя худоба и чрезмерная бледность кожи, отчего на его щеках часто выступал болезненный румянец. Но удручало вовсе не это, а янтарно-бурые, как у коршуна, глаза с тёмными крапинами на радужках. Каховский и впрямь был чем-то похож на коршуна: как обличьем, так и хищным взглядом, пылающим недобрым огнём. Казалось, такая «птица» при потворстве и заклюёт ненароком.

«Зарежет и глазом не моргнёт, — пронеслось в мыслях у князя. — Марат и Брут в одном флаконе».

Повернувшись к Пестелю, Трубецкой негромко, но внятно произнёс:

— Не забегаем ли мы вперёд с оным вопросом к господину Каховскому?

— Объяснитесь, Сергей Петрович, — тут же вскинул голову Пестель. — Что значит «забегаем вперёд»?

— Хорошо, Павел Иванович, — не заставил себя ждать с ответом Трубецкой, — я буду более конкретен. Северному обществу хотелось бы более подробно услышать о намерениях его Южного крыла.

— Позвольте, но вопрос Каховскому задал Рылеев. Мы все этому свидетели.

— Да, это так, — парировал Трубецкой, отличающийся умом, возможно, и не блестящим, но рассудительностью и врождённой смекалкой — несомненно. — Посему я и задал свой вопрос.

— «Русская Правда», в которой я изложил свою программу...

— Это мы знаем, — вежливо, но с нажимом перебил Трубецкой. — И даже понимаем. Но поймут ли это массы?..

— Масса есть ничто! — раздражённо бросил Пестель. — Она есть то, что захотят из неё сделать индивиды.

Занимая высокую степень Шотландского мастера, саксонец красиво разглагольствовал и мог много чего наобещать. «Но сделает ли? — спрашивал себя Трубецкой. — А если снова предаст, как уже бывало? Или просто — провал?..»

Мастер логи «Трёх добродетелей», означенный заговорщиками в диктаторы, Трубецкой отлично понимал: не только у Пестеля, у каждого из них, посвящённых в высшую тайную степень, в случае провала отнималось всякое «оружие», а в случае неповиновения, то есть виновности, отнимались все способы защиты.

— Наверное, вы меня не так поняли, полковник, — продолжил осторожничать Трубецкой. — Речь идёт о настроениях в войсках, о высшем и среднем офицерстве. Готово ли оно к упразднению престола?

— Идея свободы и равенства близка прогрессивно мыслящему русскому офицерству.

— Хм... свобода в войсках... — усомнился князь. — Даже самое незначительное отступление от дисциплины, как червь, подтачивает все устои государства, расшатывает его основы...

— Государство — это мы! — сказал, как отрезал, Пестель. — А расшатывание мысли в умах подчинённых нам армейских частей — первостепенная наша задача.

— Под государством, я полагаю, вы подразумеваете нечто другое, — недовольно буркнул князь. — Но если идея свободы понятна даже мелким лавошникам и аптекарям, то

равенство... В любом обществе необходима определённая подначальность чему-нибудь и кому-нибудь. И можно ли говорить серьёзно о равенстве, которого нет ни в природе, ни в человеческой натуре. Согласитесь, ведь нет ничего тоскливей и тягостней, чем плоская равнина: человеческому глазу просто необходимо некое разнообразие — какой-нибудь пригорок, холм, дерево на скале, чтобы хоть что-нибудь мало-мальски возвышалось над ним. Равенство перед законом — дело, конечно, другое, но равенство на общественных ступенях — нонсенс.

— Это всё демагогия, — лишь более хмурился Пестель. — Наши намерения вам хорошо известны. Но если вам угодно... да, мы за убийство всей царской семьи: фамилия Романовых должна быть истреблена на корню. И мной ли сказано, князь: первый нож — на бояр, на вельмож, второй...

— На попов и святош, — подхватил Поджио.

— А третий нож на царя, — как бы подытожил Муравьёв-Апостол и посмотрел на Рылеева, не так давно написавшего эти строки, который преспокойно, с лёгкой иронией во взгляде курил трубку.

— Господа! — неожиданно раздался пронзительный голос Каховского. И все разом бросили взоры на него.

— Господа, — повторил тот и встал с вольтеровского кресла, — кто из вас скажет: когда-нибудь я дал вам повод во мне усомниться?

И вновь, как полчаса назад, залу на некоторое время окутала гробовая тишина.

— Надеюсь, ваше молчание и есть ответ на мой вопрос. Тогда позвольте и вас спросить, — слова точно сами собой срывались с насмешливых губ отставного поручика: — Где сейчас пребывает господин Лунин?

— Лунин?.. — раздался удивлённый голос Якушкина.

— При чём здесь Лунин?..

— Да, при чём?..

— Если не ошибаюсь, Михаил Сергеевич сейчас в Варшаве, состоит адъютантом при Великом князе Константине, — ответил Муравьёв-Апостол.

— Вот-вот... — удовлетворённый ответом, Каховский снова уселся в кресло, — и я о том же... в Варшаве. А ходили слухи, что во время кампании он намеревался убить кинжалом самого Наполеона. Затем в монахи постричься хотел. Это русский-то офицер, герой... Романчики пописывает... С чего бы это? — и он небрежно закинул ногу на ногу. Произнесённое же загадочным

тоном «вот-вот» и явно с подтекстом заключительная фраза оставили у присутствующих неприятный осадок.

Несколько лет назад бравый штаб-ротмистр Михаил Лунин впервые за всю историю заговоров и борьбы за русский престол предложил дерзкий план царевубийства. Будучи офицером кавалергардского полка, он вызвался возглавить из отчаянных, как и сам, единомышленников «*cohorte perdue*» — обречённый отряд, чтобы, затаившись в засаде на Царскосельской дороге, скрыв лица под масками, дабы нападавших не узнала государева охрана, убить Александра.

План Лунина, как и легкомысленный замысел с покушением на Бонапарта, был настолько авантюрен, обрекая самих заговорщиков на явную гибель, что был отклонён всеми членами Северного общества. Но именно о нём, а не об убийстве французского императора, о чём однажды возмечтала горячая голова Лунина, напомнил Каховский. Ничтожество — он метил в главные царевубийцы, а его загадочное «вот-вот» вовсе не было загадкой, и весь вид его говорил: дескать, болтунов всегда хватало, а он, Пётр Каховский, слов на ветер не бросает, и если молчит, то неспроста, а с умыслом. И где теперь этот Лунин... в Варшаве. Возможно, заодно с Константином...

Глава восьмая

Сергей Муравьёв-Апостол, говоря о Луnine, был не совсем точен: «Друг Марса, Вакха и Венеры» в это время находился в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку и ещё утром с четырьмя эскадронами, кроме пешего резерва, выехал из Седлецкого повята, направляясь в Варшаву. Ночной сильный дождь успел размыть большак, и лошади, проваливаясь в бочажины, скользили по вязкой глине, точно пьяные, разбрызгивая хлябь во все стороны, и это Лунина злило.

В гвардейском зелёном доломане, что был присущ польскому офицерству этой воинской части, в накинутах поверх плеч такого же цвета ментике с малиновой подкладкой и меховой опушкой, весь в бахrome и шнуровке с серебряными петлями, в малиновых чакчирах, ухарски-красивый в парадном кивере подполковник Михаил Сергеевич Лунин мыслями метался от Парижа до Петербурга и от Петербурга до Варшавы.

Думы зависели от сиюминутного настроения, от какой-нибудь пустяшной вещи. Например, от блестящих, ещё утром смазанных ботишков, которые были в грязи по самый верх

голенищ. А так как голенища были чуть выше середины икр, то и брюки от колен тоже были заляпаны грязью и если ещё не промокли, то по чистой случайности или потому, что подполковник часто и довольно-таки резко натягивал поводья, осаживая свою караковую, чтобы лошадь шла в нужном направлении и не спотыкалась.

И сейчас Лунин, иногда поглядывая на небо, недобрыми словами поминал Великого князя Константина, который был шефом полка и по чьему приказу все эскадроны в такую ненастную погоду выступили торжественным маршем с места дислокации. А зачем? Скорее всего из-за какой-нибудь очередной прихоти его Высочества, возможно, в связи с переименованием полка на Клястицкий. И мысли Лунина шли нестройно, как лошади, разбрызгивающие грязь.

Например, он думал о том, что именно католичество в самодержавной России могло бы ускорить путь к свободе; что на русском языке не только писать, но в приличном обществе и говорить-то стыдно; что французский и английский языки — дело другое. Лишь они, да ещё, может быть, немецкий с латинским — архиважны для всей нынешней цивилизации.

Да, Лунин был убеждён, что даже польский язык, на котором он неплохо изъяснялся с офицерами полка, в основном состоявшего из потомков некогда вольнодумной, но давно разложившейся шляхетской аристократии, даже он, пусть и шепелявист, всё равно благороднее. А русский — кто ж его знает?.. Хоть в той же России...

С малых лет просвещённый французскими и английскими учителями, воспитанный в строгом католичестве аббатом Вовилье — некогда настоятелем иезуитского монастыря, разрушенного во время Французской революции, барчук Миша Лунин, сын крупного помещика, и ведать не ведал, как день за днём его учителя, волки в овечьей шкуре, убивают в нём дух русского. И в свои тридцать семь лет, став ярым приверженцем карбонаризма, Лунин не прочь был убить русского и в других.

Участник разных тайных обществ, он не оставлял надежды истребления всей династии Романовых. Разумеется, и Великого князя Константина, у которого служил адъютантом. Но теперь, находясь вдали от Петербурга, от Пестеля и Муравьёва-Апостола, от Рылеева, недавно вошедшего в директорию Северного общества и возглавившего его, вдали от закадычного друга Сержа Волконского, Лунину оставалось только мечтать и на чём свет стоит проклинать Константина.

Почему-то вспомнились французские учителя Бюте и Картье, швейцарец Малерб... И впервые вдруг подумалось, как-то даже неожиданно, что, обучая его разным предметам, его наставники словно бы учили его чему-то одному. Даже швед Кирульф. Даже аббат Вовилье...

При воспоминании об аббате на сердце Лунина немного потеплело, стало не так промозгло и сыро, как под пасмурным тяжеловатым небом. Вспомнились несколько строк из поэмы Рылеева, список которой месяц назад ему прислал в письме Никита Муравьев:

*Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...
Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу, —
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
На душу я принять готов...*

Если что и не нравилось Лунину в пафосном отрывке, так это «преступления сарматов», под коими подразумевались исключительно поляки. Впрочем, и они ему были постылы: пусть и европейцы, а какие-то захоластные. Но это, скорее, личное, о чём подполковник старался не вспоминать, *то*, что, в некотором роде, поменяло его отношение к жизни, не меняя, однако, веры и убеждений. Лунин даже в монахи подумывал уйти. И хотя сам был в *том* виноват, признать собственную глупость было мучительно больно. И он утешал себя мыслью, что дворянское благородство среди славян давно истлело. Даже у Волконского с Пестелем, даже...

Рылеева Лунин знал больше понаслышке, но и о нём был невысокого мнения. И мог ли разорившийся мелкий дворянчик, служащий ныне правителем дел в канцелярии российско-американской компании, живущий исключительно за казённый счёт, привнести в русскую либеральную идею что-то свежее, если кроме Америки, где, по его мнению, «люди живут и дышат свободно», куда мечтал уехать, ни о чём больше и думать не желал. Разве что о заговоре, который есть обычная измена и чёрная неблагодарность. Повидал Лунин на своём веку таких. Не Богу живому служат, а мертвецам.

Да что там... он и сам через всё это прошёл. Останься он тогда во Франции, был бы уже главой какого-нибудь тайного общества, а так — сумасбродство одно, театр. Только и помнит — ветку акации с мастерком да верёвку на шее...

Лунина, точно в ознобе, вдруг передёрнуло от случайного и какого-то внезапного озарения.

«Что ж, сколько верёвочке ни виться... — злорадно усмехнулся про себя. — Теперь уже не свернуть. Таков их удел: через тление — к вечности, через пропасть греха — к очищению. Такова их пламенеющая звезда разума — звезда Соломона».

Странно, произнося мысленно притяжательное местоимение «их», Лунин почему-то увидел Пестеля, Рылеева и других как бы извне, словно наблюдая за ними со стороны, исключая себя из той среды, к которой давно принадлежал и чьим главным организмом всегда являлся. Вероятно, сказывалась временная и пространственная отдалённость, его длительное отсутствие, подчас долгое молчание тех, кто готовил заговор.

«В самом деле, что их ждёт? — снова подумал Лунин, как бы отсекая себя от «них». — Неужто тлен?.. Вот и Рылеев — стишки сочиняет...»

Он снова усмехнулся: ведь и сам в литераторы однажды подался. Однако стишками не баловался. И как бы их писал?.. На французском?... Его он знает лучше отеческого, но писать на нём стишки... Э, нет, это слишком. Проза — другое дело. И разве «Лжедмитрий», написанный им в Париже, не имел там успеха. О, ещё какой!.. Если французики, конечно, не врут. Хотя... они соврут — недорого возьмут.

Волконскому, похоже, роман не очень понравился. Но тут дело вкуса. И вообще: понимает ли что-нибудь Серж в изящной словесности? Сомнительно. Ему бы только пьянствовать да деньгами сорить. Набрал снова долги у парижских кредиторов и скрылся. Это когда Бонапарта окончательно разбили. Ужаснейший курьёз вышел: французы лично к Александру обращались. Где только ни искали Волконского — и в России, и за границей. А он у полячки какой-то прятался — не то в Кракове, не то ещё где... Хм, герой войны... Если б не его матушка — статс-дама княгиня Александра Николаевна, взявшая уплату долгов на себя, неизвестно, чем бы вся эпопея с французами для Сержа кончилась. А мать-княгиня и после за него все долги исправно платила. До Лунина дошёл слух, что Волконский собирается жениться. Что ж, может, и остепенится. Да только судьбу не передёрнешь — это не игра в штосе, не банк метать.

Лунин вспомнил, как в молодые годы, будучи в Петербурге, они с Сержем снимали на Чёрной речке, в одном из самых живописных мест, шестистенную избу у отставного прапорщика. Или подпоручика... Что, впрочем, неважно. А важно, что место и впрямь было очень уж привлекательное. По многим причинам. К тому же неподалёку от усадьбы графов Головиных. Запомнилось это потому, что через несколько лет там был построен Головинский мост.

Когда Лунин с друзьями появлялись на Чёрной речке, старый отставник вместе с вдовцом сыном и внуком перебирались из шестистенки во флигель. Была у хозяев ещё и псарня. Вернее, псарня и бревенчатая, обитая железом, решетчатая клеть. В первой они держали охотничьих собак, в другой, более напоминающий зверинец, двух полудиких медведей. Но лучше всё по порядку.

Лунину тогда было лет двадцать. Может, чуть больше. С Волконским, который был на год моложе, они тогда уже были не разлей вода. Разумеется, оба холостые.

Нагрянуло их на Чёрную речку человек пятнадцать. Частью — юные корнеты и поручики, частью — офицеры. Вход в избу был через сени, что делили дом на две половины — летнюю и зимнюю. Но каждый жил там, где желал. А точнее, где уложит Бахус. Словом, места хватало всем.

В просторной светёлке, почти во всю длину комнаты — от стены до стены — стоял сколоченный по заказу Лунина простой деревянный стол, с которого никогда не снимались закуски и вина. Всю провизию хранили в стряпной, а иную поклажу — упряжь или мелкие пожитки — складывали в хозяйский куть. Военную же амуницию держали при себе или там, где отсыпались после дневной или ночной попойки. А пили очень много, что было делом обычным.

Душою компании, конечно же, был Лунин. Волконский старался не отставать, тем более что деньги у него не переводились. Иногда казалось, он вообще не знал им счёта. Но оба они отличались изрядным буйством и беспечностью. Про них и сказано кем-то: Серж и Мишель — государева мишень.

Короче говоря, шампанское лилось рекой, пробки отскакивали с хлопками пистолетных выстрелов. По вечерам непременно играли в карты, и когда кто-нибудь метал банк, многие закуривали трубки, невзирая на то, что густой табачный дым резал глаза. Поэтому распахивали окна, и если в комнате ещё играла гитара, то до глубокой ночи далеко на другом берегу Чёрной речки под звуки струн слышался настоящий ансамбль кавалергардских голосов.

Но это были ещё невинные развлечения. Когда же откладывались карты и смолкали песни, когда весёлый разгул, казалось, вот-вот пойдёт на спад, как по волшебству, на столе появлялись свежие закуски и новые принесённые вина. И вот уже весёлость переходила в некую бешеную, лишённую рассудка лихость. Начинали пить на спор, держать пари — кто кого перепьёт. Разумеется, Лунин с Волконским в этом отношении были первыми соперниками. Кто-то делал ставку на Мишеля, кто-то — на Сержа.

Иногда трудно было определить победителя: путались в количестве выпитого или кто на кого делал ставку. Хотя пьянством хвастался каждый, даже самый молоденький юнкер. И тогда спор мог дойти до нежелательного курьёза. Но если в полку буйство было поветрием, нормой, дуэли случались постоянно, то здесь, в узком кругу друзей, это было не в моде, а, скорее, наоборот: грубая выходка могла и обесчестить. И никакие доводы на «беспечную юность» и даже излишество выпитого не принимались.

И всё равно пистолетные выстрелы гремели до самого утра. И чем разгорячённее, чем хмельнее становился бахвал, подбадриваемый смехом товарищей, тем настойчивее он рвался продемонстрировать своё искусство стрельбы из пистолета. А стреляли в любую более-менее подходящую мишень — будь то муха на стене или прищипленная куда-нибудь игральная карта. Сбить же пулей с головы изрядно подвыпившего смельчака какой-либо предмет, скажем, яблоко или сливу размером с детский кулак, считалось достижением исключительным. Разумеется, всё зависело от количества шагов. Почему и были все стены комнат в отверстиях от пуль.

Пистолетные выстрелы гремели и днём: после буйного ночного веселья и очередного обильного похмелья офицеры упражнялись в искусстве стрельбы по пустым бутылкам. Но вовсе не поэтому петербургские обыватели старались обходить это место стороной, причина была куда веселее.

Избалованные ещё в детстве безусые корнеты и поручики, найдя пристанище на Чёрной речке, давали такую волю своим пылким нравам, такую аномальную фантазию потехам, что во время диких гульбищ кто-нибудь из местных жителей непременно становился жертвой.

Ранее упоминалось, что у отставного прапорщика имелась псарня с охотничьими собаками и зверинец с двумя полудикими медведями на цепи. Одна из легавых по кличке Мавр, неплохо выдрессированная Волконским, приученная

к некоторым его командам, по слову «Бонапарт», например, могла кинуться на любого указанного натасчиком прохожего и сорвать с него шапку или шляпу.

Подобный «номер» проходил почти всегда, когда ничего не подозревающий бедолага мирно прогуливался вдоль берега. И если он отделялся простым испугом, то смело можно было утверждать, что ему очень даже повезло, так как изобретательность пьяных кавалергардов порой была куда изощрённей и явно не знала границ.

Не секрет, что Лунин с Волконским, как многие русские бары, любили зверовые забавы, а посему и заказали однажды бывшему прапорщику выстругать для потех дубовые рогатины и закрепить на концах металлические острые наконечники с выгнутыми крюками. На берегу же, аршинов двенадцать от воды, наказали вкопать толстый, в сажень высотой, деревянный столб. Точно такой же вкопать на другом берегу. Так что когда наши герои брали рогатины и шли к зверинцу, многие уже знали: «гусары идут медведями тешиться».

Сначала выводили медведя поменьше — овсяника, но и он, если вставал на задние лапы, казался гора горою. Его вели к деревянному столбу, с двух сторон поддевая острыми рогатинами в мохнатый загривок, не давая поднять приплюснутую голову, держа, на всякий случай, наготове пистолеты. Длинная кованая цепь, тянущаяся от прочного с шипами ошейника, волочилась по земле, подминая траву металлическим, тоже кованым кольцом подогнанного под диаметр врытого на берегу столба. Когда кольцо накидывалось на столб, рогатины убирали, не обращая внимания на то, что шкура под загривком зверя была проколота и оттуда сочилась кровь.

Топтыгин кряхтел и порывивал, но на обидчиков не бросался. Это молодых людей лишь подзадоривало: охочие до лютой страсти, некоторые начинали поддевать косолапного остриём сабель, травить его собаками, пуская на него двух-трёх легавых. После долгого заточения в тёмной клетки мишка подслеповато щурился от яркого света и равнодушно зевал, показывая желтоватые клыки и чёрное небо, на провокацию не поддавался, терпел. Лишь иногда — то ли от скуки, то ли ярясь на собачью наглость — начинал на легавых рыкать, неспешно, вразвалочку, грузно, не шибко набирая скорость, ходить по кругу. И тогда мохнатый воротник его, шерсть по бокам и спине красиво переливались волнами. Он и не замечал, как длинная цепь наматывалась на столб. А

когда потапыч, вскидывая плоские свои великаныи пяты, уже готов был пойти на рысях, тяжёлая цепь вдруг натягивалась и крайние шипы ошейника вонзались в зашеек, где шкура была пробита рогатиной и ещё кровоточила свежая рана.

Космач, разинув пасть, ревел утробным рыком от боли и от безысходности и подлости людской, усаживался по-волчьи на седалище, не понимая, что от него хотят. Его какое-то время оставляли в покое и шли за другим лешаком, более матёрым.

Это был настоящий гигант: встав на задние лапы, старый пест достигал роста в сажень с гаком. Требовалась недюжинная сила и сноровка, чтобы вывести топтыгина из клетки, из коей шёл тяжёлый звериный запах. Двумя дубовыми рогатинами здесь уже было не обойтись, поэтому у Михайла Потапыча, помимо шипованного ошейника, на задних лапах, чуть повыше щиколотки, были надеты железные хомуты с проушинами, куда легко просовывались крепкие цепи. Косолапого так и вели: двое смельчаков направляли зверя, поддавливая его рогатинами в зашеек, другие, натянув цепи, при каждом его взбрыкивании дёргали цепи так, что задние лапы его разъезжались в стороны; распластываясь, он падал на живот, волоча по траве ятра, издавал злобный рык. Пистолеты и в этом случае держали наготове.

Труднее же всего было переправить мохнача на другой берег: здесь уже требовались и удаль, и ловкость, и хладнокровие. А ещё смекалка. Так как зверя надо было заставить зайти на плот. Словом, зрелище было не для слабых. Мишка мог взбрыкнуть так, что даже у людей с крепкими нервами от сердечного напряжения ноги подкашивались. Иной раз из-за малого недогляда топтыгин мог и мундир редкому смельчаку в ключья разодрать. А то и вовсе, увернувшись от рогатин, встать на задние лапы и одним лёгоньким мановением содрать кожу с затылочья по самую бровь. К счастью, до этой жутки дело, вроде бы, не доходило.

Короче говоря, как только оба Михайла Потапыча оказывались по разным берегам, то есть на цепи и каждый у своего столба, кто-нибудь из офицеров заманивал случайного простака в дом, угощал шампанским или пуншем. Когда же подвыпивший гость, надев свой цилиндр или картуз, благодарил за угощение, прощался и шёл восвояси, Волконский с собакой уже поджидал его. Поглаживая Мавра по холке, князь тихо произносил: «Бонапарт». Легава тут же срывалась с места и гналась за гостем, на ходу срывая с него головной убор.

Очумев от страха, бедняга бежал к Чёрной речке, но на берегу его ждало куда более тяжёлое испытание.

Ранее натасканный на арапистый трюк ни в чём не повинный Потапыч встречал подвыпившего простягу, так сказать, во всеоружии, доводя его до исступления одним своим видом, отрезая ему отход по суше, оставляя единственный путь через Чёрную речку, которую в этом месте можно было перейти вброд по мелководью. Но и на другом берегу злключения бедолаги не заканчивались.

Промокнув до нитки, не успев ещё очухаться от недавней напасти, он вдруг снова наталкивался на рыже-бурое лесное чудище, но куда более страшное. И чудище это, встав во весь гигантский рост и распахнув широко лапы, оскалив зубы с белёсо жёлтыми клыками, словно бы хотело заключить человека в свои объятия. И если тот терялся от внезапного смертного ужаса, если не успевал вовремя отскочить, мохнач мог просто помять несчастного, и «потеха» закончилась бы роковым исходом.

Но именно в такой рискованный момент на помощь приходили brave гусары. Например, не ведающие страха Лунин с Волконским. Или другие шутники не робкого десятка.

В ход шли и рогатины, и сабли, и даже вилы.

Громада-зверь, конечно же, отступал: сверкая оловянными глазками, вобрав голову в мохнатый воротник, уже наученный прошлым опытом, медведь сначала сам себя осаживал. Но его продолжали задорить, колоть вилами и саблями, изнуряя и изматывая его дьявольскую силу до предела. И тогда он злобно, как полковая труба, начинал реветь и рваться с цепи, взрывая лапами комли земли.

Шерсть на его загривке вставала дыбом. Бряцающая цепями, бегая вокруг столба, словно стараясь его вырвать, мишка хрипел, роняя из полураскрытой пасти яичного цвета пузырящуюся, точно мыльная пена, слюну. Набрасывался на своих недостижимых мучителей и старался зацепить хотя бы одного из них своей огромной когтистой лапищей.

Постепенно по Петербургу поползли слухи, что некоторых людишек Михал Потапыч всё-таки помял, а уж напугал до исступления и смертного ужаса столько, что и не сосчитать. Слухи эти дошли до Особой канцелярии, но дело раздувать не стали. Да и медведей кто-то застрелил. Но когда императору доложили, что Лунин во весь опор скакал по Невскому в чём мать родила, да ещё и цесаревича Константина на дуэль вызвал...

Словом, считая «Нарцисса» и «мьсе Сержа» пьяницами и развратниками, находя их гусарство социально опасным, царь предпринял меры: Лунин, получив той же осенью штаб-ротмистра, ещё долго ходил в означенном чине, а Волконский и вовсе был выслан из армии. Однако последний казался монарху не столь испорченным, и, надеясь, что беспутный потомок благочестивого дворянского рода со временем избавится от лихачества и прочих дурных привычек, Александр приблизил его к себе, пожаловав ему звание флигель-адъютанта и удостоив чуть позже чином генерал-майора.

Глава девятая

Как только Костя Седых покинул дом Смагина, Вадим Витальевич, преодолев охватившую было его апатию, вновь взял с журнального столика сценарий и стал перечитывать. Разумеется, не первый уже раз. Некоторые излишне подробно прописанные сцены явно смущали, а иные просто выпячивали, шли вразрез с нынешними его воззрениями. И это угнетало, подавляло дух.

Возможно, поэтому, быстро утомившись (не фильм всё-таки смотрел), Смагин развалился на диване, стараясь, тем не менее, вообразить тайное собрание заговорщиков, создать в мыслях образы тех, кто был описан в сценарии, увидеть сцены, что происходили в голубой гостиной у Рылеева; представить обстановку комнаты и каждого персонажа в отдельности.

Вадим Витальевич так увлёкся, так сосредоточился на этом, особенно на сцене с упоминанием Каховским Лунина, что почти увидел их вживую. Немного странным, правда, было то, что они — эти, в определённом смысле, антиподы — даже внешне были чем-то схожи: оба — высокого роста, с правильными чертами лица, одинаковой худобы. . . Даже овал головы — и тот схож. Но первый — обрусевший шляхтич, потомок разорившихся поляков, нищ и сир, а второй — сын статского советника, русского барина, богат и чрезмерно избалован. И хоть самого Лунина в сцене тайного собрания не было, это ничего не меняло: такова природа человека — видеть невидимое, дополнять прочитанное фантазиями, тем, чем перенасыщен воспалённый образами мозг.

В настроении общества заговорщиков Смагин даже ощутил некий сбой, вызванный претенциозной репликой Каховского, но после краткого замешательства дискуссия продолжилась.

Поджио, по стечению обстоятельств оказавшийся на этом собрании, мечтавший, как и Рылеев, покинуть Россию и переселиться в Америку, с трудом скрывая улыбку, очень осторожно поглядывал на «шляхтича». В конце концов, не выдержав распирающих его чувств, незаметно склонился к плечу Муравьёва-Апостола и, покашливая в кулак, совсем тихо произнёс:

— Этот дурак и впрямь возомнил себя главным тираноубийцей. Не иначе вместе с Рылеевым в истории остаться хочет.

— Но Рылеев-то не дурак, — шепнул в ответ Муравьёв-Апостол, — подстраховался, шельма.

— Прежде он Якубовича к этому делу привлёк. Только Каховский об этом не знает. Узнал бы — Рылееву, верно, несдобровать.

Драгунский капитан Александр Якубович, коего ещё называли «храбрым кавказцем» за его лихие набеги на горцев, не так давно объявился в Петербурге. Несколько лет назад этот неуёмный бретёр и покоритель женских сердец был сослан на Кавказ за четвёртую дуэль, в которой, как это ни печально, пришлось играть роль секунданта.

— Но они друг друга стоят, — усмехнулся итальянец.

— Ты о ком? — не понял Муравьёв-Апостол.

— О Каховском с Якубовичем, — сказал Поджио и уже совсем тихо, но ядовито добавил: — Иностранные языки, изучаемые дворянскими мальчиками в училище при императорском университете благородного пансиона, благородства не прибавляют.

— Обыкновенные позёры. Байронизмом заразились, хотя вряд ли его читали. — Подполковник черниговского полка, уязвлённый небрежно брошенным «дворянские мальчики», нахмурил бровь: воспитанный в Париже в пансионе Хикса, получив отличное образование, Муравьёв-Апостол свой дворянский род чтит и помнит свою родословную.

— Смельчака Каховского гувернантка бросила, Якубовича чином обошли, — ничего не замечая, продолжал Поджио.

— Относительно смельчака... — Муравьёв-Апостол выдержал паузу: — Убить-то Каховский убьёт, даже с лёгкостью, да будет ли в том доблесть?... — и уже холодно произнёс: — Сожалею, что Лунина здесь нет, он бы этого ляха поставил на место. О Якубовиче плохо не скажу, но слышал — офицер он дерзкий, самому Грибоедову на дуэли руку прострелил. Говорят, в Тифлисе дело-то было.

Якубович и впрямь славился безудержной, лихой смелостью. Во время экспедиции на Кубань был ранен в голову и теперь, даже после того, как рана зажила, точно с роковой печатью на челе и каким-то юношеским романтизмом, всё ещё носил чёрную повязку, красуясь ею, как бантом ордена Святого Владимира четвёртой степени, которым был награждён. Со дня на день надеялся получить майора, но что-то где-то не клеилось. Вот и обиделся на всех, сошёлся с Рылеевым. А тот даже не удосужился Якубовича сегодня пригласить.

Однако Муравьев-Апостол был омрачён не столько легкомысленным замечанием Поджио о «дворянских мальчиках» (итальянец и сам гордился своей древней фамилией, занимая видное место в свете), сколько двусмысленной репликой Каховского, по сути, отщепенца, случайно примкнувшего к их обществу. И если б тот вновь попробовал иронизировать по поводу «монашества» Лунина, подполковник непременно вызвал бы его на дуэль. Несмотря на то, что для такого ничтожества, как отставной подпоручик Каховский, даже презрительный взгляд был бы слишком большой честью.

«Пусть с Трубецким переглядывается, — решил он, — а со мной такой номер не пройдёт».

Муравьев-Апостол не просто дорожил дружбой с Луниным — их связывало родство: они были двоюродными братьями. Упоминание же Каховским о том, что Мишель однажды намеревался уйти в монастырь, было скверной подоплёкой, об этом давно ходили анекдоты, и не только в Петербурге.

А всё случилось лет десять назад, когда Лунин познакомился с молодым французом — Ипполитом Оже. Смазливый как юная девица, подпрапорщик этот отличался очень вольным нравом. Будучи ещё в Париже роялистом, определился на русскую службу в Измайловский полк. В Вильно, где в то время находилась его часть, он и встретил Мишеля. Привязался к нему, точно Патрокл к Ахиллу, ходил за ним тенью, ко всякому юнцу ревновал. Да и Мишель к нему привязался, полагая, что женственный молодой человек, как и он, Лунин, сродни байроническому началу.

Товарищи по полку первое время смотрели на это как на чудачество Мишеля, но когда Ипполит кому-то по глупости сболтнул, что хотел бы, если предстоит погибнуть, быть похороненным как Патрокл — в золотой урне с Ахиллом, слухи поползли, точно змеи во время пожара. Да и страсть не скроешь. И кто бы там ни утверждал, что дуэль под

Вильно была без какой-либо серьёзной причины, — это неправда.

Казалось бы, чего уж теперь вспоминать?.. Все живы, никто не погиб. Но именно злополучный зимний день под Вильно сломал жизнь красавца кавалергарда Лунина. Польский уланский офицер выстрелом из пистолета нанёс Мишелю довольно опасную рану: пуля засела глубоко в паху.

В тот год капитан Сергей Муравьёв-Апостол, офицер для особых поручений при штабе Гренадёрского корпуса, должен был возвращаться из заграничного похода в Россию. Он ничего не знал о дуэли и без всяких на то, казалось бы, причин, повинаясь лишь внутреннему наитию, решил из Лейпцига направиться в Вильно, а оттуда в Петербург.

Он застал кузена лежащим навзничь на плюшевом зелёном диване в чистой и светлой комнате с большими окнами и высоким потолком. Несколько офицеров, находившихся здесь же, о чём-то негромко переговаривались. Одного из них, штаб-ротмистра от кавалерии, что стоял в проходе и уступил дорогу, он узнал, но имени его не вспомнил. А когда увидел осунувшееся, бледное, с каплями пота на лбу и ввалившимися глазами лицо Мишеля, сердце у Муравьёва-Апостола сжалось.

Рядом, прямо на полу, склонив голову и держа Лунина за тонкую аристократическую руку, полулежал-полусидел Ипполит Оже. Его сабля с потускневшим серебряным темляком и позолоченным наконечником ножен небрежно валялась между диваном и ножкой продолговатого стола. Можно было легко переступить её, но капитан в сердцах ударил по ножнам сапогом. Француз вздрогнул и поднял взгляд: глаза его были красны и на щеках ещё оставались следы от слёз.

Макового цвета доломан Мишеля был расшнурован и распахнут. Распоротый под ним и задранный на животе подол белой рубашки был в крови. Испачканы были и синие чакчиры от пояса и до бёдер. С золотыми гомбами цветной кушак, тоже пропитавшийся кровью и потемневший от этого, валялся в углу комнаты.

Алый ментик, ташка с ремнями, красной кожи портупея, кивер — были брошены в кресла небрежно, кое-как. Другие вещи тоже находились в беспорядке.

Ждали доктора.

Лунин, которому предстояло вынести трудную и, вероятно, очень болезненную операцию, лежал неподвижно с чуть приоткрытым ртом, слабо дыша. Лишь изредка, словно в тике, дёргалась одна из его ступней.

Когда Муравьев-Апостол склонился над ним, он приоткрыл глаза, узнал. Попытался улыбнуться. Но улыбка получилась страдальческой, горькой гримасой. Лишь хватило сил освободить руку от назойливого Ипполита и протянуть её для пожатия кузену.

— Помнишь: «Обжоры, пьяницы! Хотите житьё-бытьё моё узнать? — решил подбодрить Муравьев-Апостол родственника, чувствуя, как напряглась рука Мишеля. — Вы слух на песнь мою склоните и мне старайтесь подражать».

Лунин вновь попробовал улыбнуться, но вздрогнул, спёкшиеся губы скривились от боли.

— Всё шуточки шутят, — слышался шёпот среди офицеров.

— Недобрые шуточки-то...

— Один, кажется, дошутился...

Муравьева-Апостола это взбесило: он готов был уже бросить вызов насмешникам, но вновь почувствовал, как пальцы Лунина сильно сжали его кисть: «Не надо».

— Где доктор?.. — сдерживая себя, чтобы не сорваться на грубость, обратился он к присутствующим. — Или его не было?

— Был, — ответил тот, чьё лицо показалось знакомым, — но у него не было при себе нужных инструментов.

— Так надо послать. Пусть найдёт...

— Послали. Ждём...

В эту минуту офицеры расступились, и с добротным кожаным футляром в одной руке и меховой шапкой в другой, в расстёгнутом пальто на пороге комнаты появился высокий молодой человек. За ним, запыхавшись, по пятам следовал старик лет за шестьдесят — сухой, кряжистый, с длинными сильными руками и аккуратно подстриженной седой бородкой.

— Кто доктор?! — Муравьев-Апостол хотел уже было задать им хороший разнос, но старик опередил:

— Все вон! — скидывая торопливо шубу, командирским тоном, не требующим возражений, произнёс он. — Двоих прошу остаться, — бросил он шубу одному из уже выходивших офицеров.

Муравьев-Апостол и знакомый ему штаб-ротмистр, имя которого он так и не вспомнил, остались.

— Во-первых, я не доктор, — засучивая рукава, сказал старик, — а во-вторых...

— Не доктор!.. — удивился Муравьев-Апостол. — Тогда зачем...

Незнакомец спокойно взглянул на офицеров, вытянулся по стойке смирно и как по уставу отрапортовал:

— Я, господа, штаб-лекарь первого класса, ещё при Бородино самому Гангарту, Иван Ивановичу, ассистировал у Семёновских флешей, — и он воздел палец верх. — Надеюсь, вам не надо объяснять, что такое...

Стон раненого не дал ему закончить:

— Быстро принеси воды и поставь кипятить, — обратился он к своему помощнику.

Подготовка к операции заняла немного времени. Лунину дали выпить стакан анисовой водки, раздели, оставив на нём лишь рубашку. Затем осторожно перенесли на стол.

Только тогда Муравьёв-Апостол понял, что кузену сразу после дуэли была оказана первая помощь.

— Кровотечение я остановил, — подтвердил старик, обнажая нижнюю область живота Лунина и омывая рану уже приготовленным тёплым вином, — берёзового трута и корпии было достаточно. Но я не нащупал пули.

— Разве можно нащупать пулю без должных инструментов?

— Лучшим щупом, молодой человек, является палец! — категорично заметил лекарь.

Муравьёв-Апостол ожидал, что тот вновь возденет свой костистый палец вверх, но этого не произошло.

Бледное лицо Мишеля напоминало гипсовую маску. Красивые его черты заострились. Выражение невозмутимости, какого-то насмешливого равнодушия отпечаталось на нём. Словно он надеялся найти утешение не в жизни, а в смерти. Может, поэтому Муравьёв-Апостол и торопил доктора скорее начать операцию.

— Если б Господу было угодно, чтобы ваш друг умер, он сто раз уже мог бы умереть от болевого шока.

— Это мой брат, — сказал Муравьёв-Апостол. — Двоюродный...

Штаб-лекарь с пониманием кивнул.

— Проникающее ранение само по себе дело нешуточное, а тут пуля вошла в верхнюю часть бедра на линии паха, — осматривая внимательно рану, значительно произнёс он.

Офицеры крепко держали Мишеля за руки. После неудачной попытки вновь нащупать пулю пальцем (что было менее болезненно), штаб-лекарь стал зондировать канал щупом, и это причиняло Лунину ужаснейшую боль. Скрипя зубами, мгновениями он впадал в беспамятство. Приходя в себя, с неслыханной дерзостью начинал шутить. После

второго стакана анисовой водки, которой дали ему выпить, стал читать стихи Баркова.

— Странно, сухожильная пластина пробита, отверстие есть, а пули нет, — всё больше мрачнел лекарь. — Похоже, она засела очень глубоко.

Взяв скальпель, он сделал надрез и расширил рану. Не издав ни звука, Лунин вздрогнул. Муравьев-Апостол отвернулся, стал смотреть на раскрытый кожаный футляр с хирургическими инструментами. Но и от такого зрелища было не по себе: пилы, ножи, иглы и всякие крючки одним лишь видом своим приводили в содрогание.

— Кажется, задел, — наконец произнёс старик, но голосом ничего хорошего не сулящим.

Офицеры переглянулись.

— Пулю задел, — пояснил он и осторожно вынул из раны щуп. Тяжело вздохнул и присел на диван, где ещё недавно лежал Лунин. Но тут же поднялся и попросил добавить света.

Через минуту рослый гвардеец внёс в комнату тяжёлый шестирожковый канделябр с зажжёнными свечами и встал напротив лекаря, по другую сторону стола.

Очистив рану, старик пинцетом вынул из неё кровавый сгусток и бросил в маленький тазик.

— Щипцы и Бромфильдов крючок, — поднял он перепачканные в крови руки, мелко шевеля умелыми пальцами, потирающая помощника. Тот ловко вложил в его ладони медицинские инструменты.

Несколько расширив рану, лекарь вставил в неё щипцы.

Процедура изъятия пули длилась так долго, что державший канделябр гвардеец перехватывал его то одной, то другой рукой и, в конце концов, стал держать его двумя руками.

Лунин переносил мучения стойко: изнемогая от боли, в полубоморочном состоянии он продолжал шутить, заплетающимся, иссохшим от жара языком цитировал стихи такого содержания, что привыкший ко многим шуточкам кузена Муравьев-Апостол морщился и кривил лицо.

— Могу ли я чем-то помочь? — спрашивал он тогда старика, чтобы отвлечь его от непристойных виршей.

— Достаньте льду и засуньте ему в рот, — безучастно отвечал тот, видно, наслышавшись за свою практику всякого.

За неимением льда лицо Мишеля опрыскивали холодной водой, а когда он впадал в бесчувствие, давали нюхать спирт.

Штаб-лекарь весь взмок, и помощнику приходилось всякий раз промокать корпией выступающий на его морщинистом

задубелом лбу крупные капли пота. Но все попытки извлечения пули щипцами или пулевытягивателем оказались неудачными.

Мрачнее тучи, недовольно побряхтывая, штаб-лекарь обвязал кровеносные сосуды лигатурой, зашил рану вощёными нитками и наложил английский пластырь. Тем операция и кончилась.

От большой кровопотери Лунин был белый, как полотно.

Все, кто находился в комнате, понимали, что хирургическое вмешательство ожидаемого результата не дало. И каверзный вопрос повис в воздухе, как «дамоклов меч».

— Надеюсь, сухие жилы и нервы не задеты, — сказал перед самым уходом старик, когда Лунина снова перенесли и уложили на диван. — Советую рану не трогать. Послезавтра сам её осмотрю и сделаю перевязку. Рекомендую прикладывать холод...

— Он будет жить? — спросил Муравьёв-Апостол.

— Надеюсь, — ответил тот. — А вот насчёт половой жизни... гарантий дать не могу.

— Но это для Мишеля...

— Всё в руках Господа. Сами, небось, знаете, бывает хуже, но за психологической травмой могут стоять и скрытые физические повреждения. При такой ране — это дело обычное. Так что молитесь, голубчик, да прикладывайте своему кузену холод, авось и обойдётся всё. И поменьше бесстыдных стишков. Половое бессилие, знаете ли, штука опасная. Особенно в таком возрасте.

И штаб-лекарь с помощником ушли.

Глава десятая

Острая боль в нижней части живота вернула Смагина в реальность. Боль была настолько неожиданной, пронзительной и режущей, что он чуть не вскрикнул: издав слабый протяжный стон, какое-то время лежал неподвижно, приходя в себя, не решаясь пошевелиться. И лежал так до тех пор, покуда не сошла испарина, выступившая на лице. Но и после этого он поостерёгся звать жену, полагая, что даже негромкий оклик, незначительное голосовое дрожание может спровоцировать новый приступ.

Такое уже с ним случалось. Первый раз — в детстве, когда ему было лет пять или шесть. Тут же вызвали «скорую», но к приезду врача боль абсолютно исчезла, будто и не было её вовсе.

Второй раз подобное случилось, когда он заканчивал десятый класс. В больницу его увезли прямо из школы. И

пока везли, у него опять всё прошло. Медицинское обследование результатов не дало. В том смысле, что ни аппендицита, ни других симптомов заболеваний органов брюшной полости обнаружено не было. Смагин был полностью здоров. То есть настолько «полностью», как и большинство его сверстников.

Вадим Витальевич смотрел в потолок и успокаивал себя, что и теперь всё обойдётся.

И верно, боль незаметно отпустила. А вскоре казалось, будто её вовсе не было. Не изгладилось только ощущение испуга. Наверное, из-за возраста: хоть и не старый, но и молодым Смагин давно себя не считал. Поэтому и старался не делать резких движений.

Поглаживая нижнюю область живота, слегка надавливая кончиками пальцев на то место, где резанула боль. И почему-то утверждался во мнении, что тогда, много лет назад, и сейчас — явления родственные, примерно одного порядка, а значит — ничего страшного. Когда же, распахнув халат и приспустив широкий эластичный пояс трусов, взглянул туда, оторопел: справа, ближе к паху, величиной с обычную монету, розовело пятно. И постепенно оно становилось всё ярче и ярче, пока не приобрело густо-красный цвет.

— Дина! — позвал он жену. Укутался в халат и стал ждать. Но терпения хватило ненадолго: — Дина!!! — снова крикнул он.

С тем же бокалом в одной руке и бутылкой коньяка в другой, в том же шёлковом халате, из-под которого соблазнительно выглядывало нижнее бельё, распахнув дверь, появилась Дина. Казалось, время, копируя нечто непристойное, странным образом остановилось на этой женщине. Вряд ли она была пьяней прежнего: складывалось впечатление, что, играя некую роль, она никак не могла из неё выйти.

Короче говоря, Дина, как и во время прихода Седых, встала у порога в кабинет и оценивающим взглядом окинула мужа. В глазах её угадывалась злая ирония, что-то вроде: «Ну же, милый, будь в своём репертуаре, скажи очередную гадость».

Но Смагин молча, почему-то внезапно присмирив, кивком головы попросил её подойти.

Плеснув в бокал коньяку, и сделав маленький глоток, недоумевая, она прошла в кабинет и села на стул, поставив бутылку с бокалом на журнальный столик.

— Ну?.. — после непродолжительной паузы, видя нерешительность мужа, спросила она.

Смагин поднялся. Затем снова присел на диван. Он ещё колебался. Вновь встал и заходил по комнате.

— Что случилось? — спросила она.

Неожиданно он схватил бутылку коньяка и стал пить прямо из горлышка. И пил до тех пор, пока не поперхнулся.

— Прекрати! — вырвала она у него бутылку. — Тебе же нельзя...

Откашливаясь, брызгая слюной, он ходил по комнате и бил себя кулаком в грудь. Когда алкоголь возымел действие, успокоившись, он встал в двух шагах от жены, распахнул халат и показал область паха, где образовалось багровое пятно.

— Что это? — удивилась она.

— По-твоему, я знаю?

— Та-ак... теперь, кажется, догадываюсь, почему весь этот сыр-бор... Но причём здесь я?

— Ты же у нас до ГИТИСа в медицинском училась...

— Всего два курса... И вообще, разбирайся со своими бабами сам, — раздражённо бросила она и встала, намереваясь уйти.

— Постой, — удержал он. — Сядь. Бабы здесь ни при чём. Уверю тебя.

— Даже не краснеет. — Не скрывая насмешки, она снова села.

— Клянусь, сам не знаю в чём дело, — сел на диван Смагин. — Утром было всё нормально. Я ходил в душ, помню. Пятно появилось недавно, можно сказать, на моих глазах.

— Как это?

— Вдруг острая боль, — продолжал он, — вот здесь, в паху. Потом боль прошла. Я не придавал этому значение, подобное и раньше случалось. И без последствий. Всякий раз обследовался, а врачи ничего не находили. И вот сегодня... такое впервые.

— Впервые что? — не поняла она.

— Пятно это. Откуда? Почему? Не пойму.

— Болит?

— В том-то и дело, что не болит, — покачал он головой.

— Покажи ещё раз.

Не вставая с дивана, он вновь распахнул халат.

— Может, натёр... или съел что?.. Может, ударился, а сам не заметил? Впрочем...

— Вот именно — «впрочем»... Ничего *такого* я не ел. И не ударился. На диване весь день лежал, сама же знаешь. Вот это читал, — кивнул на сценарий. — Потом вроде бы задремал. А может, и не дремал. Не помню. Всё очень странно было, как во сне, словно в операционную попал.

— Вот видишь, ты даже не помнишь. — Дина взяла сценарий и бегло пробежала глазами текст. Вернулась к абзацу, выделенному оранжевым фломастером, и без всякого выражения стала зачитывать его вслух: — «Офицеры крепко держали Мишеля за руки... Штаб-лекарь стал зондировать канал щупом, что причиняло Лунину ужаснейшую боль...»

— Ну зачем, зачем эти подробности? — Смагин вскочил с дивана нервно заходил по комнате. — Зачем все эти детали? Кому это надо?..

— «Взяв скальпель, он сделал надрез и расширил рану...» — продолжала она читать, и ей вдруг показалось, что Смагина при этих словах как будто передёрнуло.

— Довольно! — почти вырвал он у неё текст. — Не хочу это слушать. И кто так пишет?! Кто?! Разве это сценарий?..

Дина пристально глядела на мужа.

— Ты почему на меня так смотришь? — кипятился он.

— Кажется, я понимаю...

— Что ты понимаешь?

— Откуда у тебя пятно.

— Ну?..

Она снова налила в бокал коньку, немного отпила, поставила бокал на столик и, закинув ногу на ногу, выпрямилась и слегка отвалилась на спинку стула.

— Я слушаю, — торопил он.

— Видишь ли, милый, Господь создал первого человека путём вдохновения Своего духа в сотворённую Им же плоть, то есть в тело человека. И человек получил душу живую, стал дышать благодатью Божьей...

— Ты что тут несёшь? Совсем мозги пропила? — грубо оборвал он. — Или решила мне ликбез устроить по богословию?

— Если хочешь понять причину, — невозмутимо, но жёстко сказала она, — тогда слушай, а нет, я уйду.

— Ладно, — посмурнел он, не очень-то охотно принимая её условие, зная, что жена иногда отличалась рассудительностью. Да и два курса медицинского института тоже немало значили.

— Так вот, милый: человек, как мы знаем из Библии, является образом и подобием Божьим. Проще говоря, Его воплощением. И если в нас происходят некие процессы, какие-то духовные перемены... словом, если в человеке происходит перевоплощение, то последствия могут быть самые непредсказуемые.

— Ты можешь говорить яснее?

— Изволь, — Дина взяла бокал и зло, с вызовом заглянула в глаза мужа: — Поздравляю, Вадим, наконец-то ты хоть раз побывал в моей шкуре. И за это я с удовольствием выпью! — и она тут же опустошила то, что оставалось в бокале.

— Дура! — почти выкрикнул он. — Объясни толком!

— Ты невольно, сам того не подозревая, прошёл процесс перевоплощения. Понимаешь, что такое *пере?*.. — лёгкий надрывный смех её вдруг перерос в настоящую истерику и Смагину понадобилось немало времени, чтобы её успокоить.

— Всё хорошо, хо-ро-шо, — стоя перед ней на коленях, кончиками пальцев несильно пошлёпывал он по её щекам. — Ну, успокойся. Только успокойся. Чёрт с ним, с пятном, пройдёт, ничего страшного...

— Ничего страшного... — повторила она и вдруг расплакалась. — Это для тебя «ничего страшного», а для меня...

Теперь он старался заглянуть в её глаза, понять, что она хотела этим сказать, но жена отворачивалась, и он терялся в догадках.

— Ничего страшного... — как заклинание, снова и снова повторяла она, — ничего страшного...

Смагин поднялся с колен, оставив её в покое и решив дать ей поостыть, прийти в себя. Когда истерика прекратилась, она машинально потянулась к бутылке.

— Сначала объясни, что сейчас с тобой было, почему истерика? — убрал он коньяк. — Подозреваю, что всё это как-то взаимосвязано.

Но что именно «взаимосвязано» он уточнять не стал.

Она вытерла ладонями слёзы, размазав по лицу косметику. Он достал чистый носовой платок и протянул ей.

— Можешь не переживать, — всё ещё всхлипывая, приводя себя в порядок, сказала она, — с тобой ничего страшного не произошло. Такое случается.

— Что именно?

— Красное пятно.

— Откуда знаешь?

Всхлипнув ещё пару раз, она горько усмехнулась:

— Никогда бы не подумала, что мой муж стигматик.

— Стигматик! — удивился он.

— Да-да, не удивляйся. Такое иногда бывает. У писателей, например. Впрочем, у кого угодно может быть. Даже у актёров. В каком-то театре, не помню уже в каком, один трагик так вжился в образ своего персонажа, которого по ходу действия

спектакля должны были зарезать, что у него ещё «до убийства» под левой лопаткой образовался кровавый рубец.

— Ты сама видела?

— Сама не видела, но в медицинской литературе таких случаев достаточно. Даже описан случай стигматизации в результате сна.

— Час от часу не легче, — Смагин прошёлся вдоль высоких окон, распахнул стеклянную дверь и вышел на веранду.

Солнце уже начинало клониться к Западу, но до сумерек оставалось ещё далеко. Горячий воздух был сух и прозрачен, как линза, и создавал в пространстве удивительный мираж в виде маленького лазурного озера, хотя там, куда теперь смотрел Смагин, никакого озера и в помине не было. Не было даже никакого водоёма.

— И всё же не понимаю, — вернулся он в комнату, оставив дверь веранды открытой, — как это может быть? Как, если даже во время сна... Нет, не понимаю.

— Я тоже многое сначала не понимала, — ответила Дина. Похоже, она успокоилась. — До тех пор не понимала, пока в храм не пришла и с батюшкой не познакомилась.

— Так почему ты пьёшь? — чуть не сорвался он на крик. — Почему ведёшь себя, как...? — испугавшись, что истерика у жены может повториться, он замолчал.

— Как кто? — спокойно спросила она. Встала и направилась к секретеру. Открыла дверцу и достала убранный мужем коньяк. — Ну, как кто? — повторила она вопрос. — Договаривай.

— Сама знаешь...

Он снова хотел забрать у неё бутылку, но передумал.

— Правильно, — не без издёвки улыбнулась она, — коньяк не причина.

— А что причина? Что? Объясни. Может, я пойму.

Дина критически взглянула на стул, на котором только что сидела, встряхнула головой, словно смахивая с себя наваждение, и устроилась удобно на диване, поджав под себя ноги.

— Вот ты, дорогой муженёк, ты директор солидной кинокомпании, делаешь бизнес, общаешься с актёрами, творческими людьми, учишь даже их, советы им даёшь, а можешь ответить, что такое процесс перевоплощения?

Смагина изначально резануло «дорогой муженёк», но он это «проглотил» и на вопрос ответил двусмысленным пожатием плеч.

— Не можешь... — она налила коньяк в бокал, но пить сразу не стала. Так и сидела, поджав ноги, держа бутылку в одной руке, а бокал в другой.

— Если я даю кому-то советы, то дельные, — сказал он.

— О, нет... ты стараешься учить, пробуешь учить. И только потому, что у тебя есть деньги, что многие от тебя зависят. Но скажи мне, рассуждая о высоком искусстве, в котором ты ни черта не смыслишь, рассуждая о театре и кино со своего директорского кресла, попивая вот этот самый коньячок, — и она пригубила бокал, — ты хоть раз в жизни задумывался — что есть человек? Ты хоть подумал когда-нибудь, что человек — это тварь Божья, изделие Божье? Что, предлагая актёрам, пусть самую пустяшную, ничтожную роль в фильме, ты и такие, как ты, советуя им создать так называемый художественный образ, посвящаете на образ Творца?

— Я не стараюсь никого учить, — начинал злиться Смагин, — я просто делаю своё дело, даю людям возможность заработать.

— Заработать... А что же ты Костю на побегушках держишь, мурыжишь с этим вот?.. — указала на сценарий, всё ещё лежавший на журнальном столике. — Ведь ты его уже до дыр зачитал, перечеркал весь своим фломастером. Не карандашом, а фломастером. Убедительнее чтоб было — фломастером-то?..

— Ты что несёшь?

— Ведь ты можешь ему помочь. Можешь!

— Не твоё дело! — резко оборвал он. — И вообще, кажется, мы уклонились от темы.

— Ты губишь души людей, — точно под гипнозом, вполголоса произнесла она.

— Та-ак... нашла козла отпущения, — стараясь сдерживать себя, он закурил. — Назови хотя бы одну душу, которую я загубил?

— Ты мою душу загубил... и... и мальчик наш... Если б не ты... если б не ты, он, возможно, был бы жив.

— Ах, вот оно что... — лихорадочно заметался он по комнате, хаотично бросая фразы: — Значит, я во всём виноват... Так? Ну да, а кто же ещё... Конечно, я... Теперь всё можно валить на меня. А на кого же?!. — Он выбежал на веранду, но тут же вернулся. — Он был безнадёжен! Безнадежен! — вдруг сорванным, почти голосом кастрата выкрикнул Смагин. — Ты же знаешь, врачи сделали всё, что могли. И я сделал всё, что мог. Мы оба неделями не отходили

от него. И если кого винить... Кто, кто после смерти сына заставлял тебя делать аборты? Скажи?! Я?!.

— Но с твоего молчаливого согласия.

— Не лги, хотя бы ради памяти нашего малыша!..

— Ты мог бы меня удержать...

— А чьи слова всякий раз приходилось мне слышать? Мол, задача актёра — отыскать образ, привлечь его... сформировать и оживить его в своей фантазии и воображении... слиться с ним... — Смагин, похоже, старался передразнить жену, сделать ей как можно больнее, но у него это плохо получалось. В какой-то миг голос его вновь сорвался на визг. Сделав паузу, отдышавшись, он уже более спокойно сказал: — Видишь, наизусть запомнил. Кто мне всё это твердил? Не ты?

— Чехов, — готовая расплакаться, произнесла она тихо. Руки её мелко затряслись. Смагин, затушив сигарету в пепельнице, осторожно взял у неё из рук бокал и бутылку и снова убрал их в секретер. Она не сопротивлялась, будто и впрямь находилась под каким-то воздействием. Больше всего Вадим Витальевич сейчас боялся, что с ней опять случится истерика, но с ней происходило что-то другое, то, чего он никак не мог понять.

— Я не ослышался? — подсев к ней на диван, решив, что она просто пьяна, как можно мягче, обращаясь к ней, как к ребёнку, спросил он. — Мне это Чехов говорил?

Она утвердительно кивнула. Затем, взглянув на него в упор, сказала:

— Михаил Чехов.

— Аа-а... — проникновенно, с показным чувством выдохнул он. — Ну, тогда понятно. А то я уже, было, подумал...

— Что я сошла с ума, — догадалась она. — Нет, я не сошла с ума. И говорю тебе в полном рассудке: то, что с тобой произошло, своего рода — наивысший акт творчества.

— Ты снова издеваешься?

— Повторяю: это наивысший акт творчества, — продолжала упорствовать она.

— Успокойся... — Он хотел погладить её волосы, но она отдернула голову.

— Да, Вадим, хотел ты или нет, вольно или невольно, ты воплотил сценарный образ в себе. Ты слился с персонажем... А это есть дух. Но он бывает двух родов: Дух Божественный и дух сатаны. Но кто мы такие, чтобы творить самих себя, изменять свою суть в угоду страстям? Правильно ли это по

отношению к Творцу нашему? Неужто не знаешь, что первый, кто посягнул на природу человеческую, был сатана?

Она медленно, как в наркотическом сне, встала с дивана и прошла в угол комнаты, где у Смагина находилось несколько старинных икон, висевших на стене.

— Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас? Что тела ваши — суть храм живущего в вас Духа Святого, Которого вы имеете от Бога? — перекрестилась Дина. — Если кто растлит храм, того покарает Бог. Ибо храм свят, и этот храм вы...

Сняв со стены икону Божьей Матери с младенцем, она, повторяя слова апостола Павла, опустилась на колени.

«Театр», — решил про себя Смагин.

Он слушал и не слышал. Не видел, как слёзы жены капали на светлый лик и тунику младенца.

— Я знаю, ты в раю, радость моя, мальчик мой единственный... — нащёптывала она.

Вадим Витальевич открыл секретер, взял бутылку и залпом выпил из горлышка оставшийся коньяк.

Глава одиннадцатая

Полчаса уже Смагин стоял на открытой веранде второго этажа и, облокотившись о перила балкона, выкуривая сигарету за сигаретой, смотрел на запад: он любил наблюдать заход солнца. И хоть день близился к концу и до заката было ещё далеко, ему нравился сам вид горизонта с этой точки из своего дома, находившегося на возвышенной местности. Возможно, поэтому окна его кабинета и спальни были расположены с тыльной стороны здания, а не с фасада.

Не раз уже он намеревался вернуться в комнату, но боялся застать там жену, боялся услышать её душераздирающий молитвенный шёпот, её причитания на грани истерики. Он даже не решался заглянуть туда, чтобы снова не увидеть коленопреклонённую Дину с прижатой к груди иконой. И думы его были одна мрачнее другой.

Он почти забыл о красном пятне, появившемся после внезапной и острой боли в нижней области живота, убедив себя в том, что это действительно стигматизм. Лишь изредка, на подсознательном уровне, как бы вскользь размышляя об этом, стараясь уйти от гнетущей реальности, он неожиданно для себя пришёл к твёрдой уверенности, что дуэль Лунина в Вильно с неизвестным поляком как раз и повлияла на дальнейшую судьбу храброго гусара.

Именно тогда, после не столь успешной операции, вернувшись в Петербург с пулей в паху, Лунин резко изменился: его часто видели раздражённым и чем-то озабоченным. И, наверно, тогда у него появилось желание уединиться, жить где-нибудь в пустыни, отшельником. Но можно ли развращённую натуру молодого человека, привыкшего к праздной жизни, можно ли масона-католика без глубокой истинной веры в Бога за короткое время изменить к лучшему? Вряд ли.

Вот почему все разговоры, все мемуарные записи о многолетнем безбрачии Лунина, о его бездетности и одиночестве — красивый миф, который, если обнажить, окажется с неприятным душком.

Да взять хотя бы мемуары того же Ипполита Оже: под неточностями, небрежной лакировкой или умышленной подтасовкой фактов явно угадывалось, что Лунин — этот блестящий кавалергард был обычным...

Напрашивалось слово, которое Смагин всегда воздерживался произносить вслух. И теперь, даже в мыслях, он как бы гнал это слово от себя. Ибо в данную минуту небо на горизонте было настолько голубым и чистым, что даже в мыслях не хотелось осквернять этот символ иного, вечного мира, это *слово*, соединявшее в себе земное и небесное; не хотелось опакостить *его* подменой тех понятий, что уже давно вкладывались в него, что стало нормой в лексике современного языка не только у содомитов, но у большинства людей.

И всё же, если называть вещи своими именами... немало находилось свидетельств тому, что в Париже Михаил Лунин весьма тесно дружил не только с Ипполитом Оже, но и с французским философом Сен-Симоном, с которым проводил ночи напролёт в «интимных беседах». Да и среди окружения Лунина в тот период его жизни были такие приятели (в основном из числа британских унтер-офицеров и мелких клерков английского дипкорпуса), что любовные игры Ахилла с Патроком, возможно, кое-кому показались бы детскими шалостями.

Так что «Нарцисс» крепко сидел на крючке тайных обществ и секретных служб: шантаж гомосексуальными связями тогда (как, впрочем, и сейчас) был излюбленным приёмом для вербовки в разведку во многих государствах, а тем более — в коварном Альбионе.

Но не только это обстоятельство изменило характер Лунина. Став импотентом после рокового выстрела в Вильно,

постоянно находясь в состоянии нервного напряжения и беспокойства, иногда просто на грани срыва, Лунин потерял всякий интерес к жизни. Не поэтому ли своё половое бессилие, что для молодого блистательного офицера равнозначно смертному приговору, он возмещал ненавистью к Российскому самодержавию; вынашивая самые абсурдные планы, совершал такие безрассудные поступки, что многие товарищи от него отвернулись, а родной отец даже отказал ему в деньгах?

От выкуренных сигарет во рту Смагина появился прогорклый привкус, но он ещё не решался вернуться в комнату. Последние слова жены саднили сердце, отчего на душе было также горько, как и во рту. Единственным лучиком света, а точнее, искоркой утешения, способной облегчить душевный недуг, была неугасимая вера жены, что их мальчик, их трёхлетний Илюша в раю.

...Его привезли в детское отделение с высокой температурой, которую не могли сбить почти двое суток. Первоначальный диагноз — «кишечная инфекция» — оказался неверным. И хоть его вскоре сняли, прививка и дальнейшее лечение лишь усугубили истинное заболевание. К тому же после прививки ребёнку стало ещё хуже, у него открылась сильная рвота. Да и время было упущено.

В реанимацию Илюша попал уже в тяжёлом состоянии. Врачи спасали его три недели, но тщетно. Лишь развели руками: сделали, что смогли. Официальная же причина смерти — гемолитико-уремический синдром. Но всё тайное становится явным: Смагин узнал, что малыш умер от полиомиелита, который давно излечивается. Вот и получается: их с Диной сынишка погиб из-за врачебной ошибки.

Комиссия Минздрава два года твердит, что идёт служебная проверка, а в прокуратуре, куда Вадим Витальевич подал заявление, дело так и не сдвинулось с места. Но что толку теперь: Илюшу не вернуть, не воскресить. Вся жизнь с его смертью изменилась в корне. А ведь раньше они с Диной жили душа в душу. Даже разница в возрасте, а он старше жены на пятнадцать лет, не ощущалась.

Смагин вспомнил, как впервые увидел (тогда ещё будущую) жену на сцене одного столичного театра. Это было что-то... Он не мог оторвать от Дины глаз, влюбился в неё с первого взгляда. И, похоже, на всю жизнь. Что-то в ней было такое, что трудно выразить словами. Почти по

Достоевскому... Даже непонятно из-за чего полюбил: то ли из-за трещинки в голосе, особого ли поворота головы или, как говорил Карамазов-отец, из-за ямочки под коленкой у Грушеньки. Но уж точно — не только за внешность. Хоть Дина и безумно красива. Так красива, что Смагин страдал из-за этого, ревнуя её без всякой причины.

После смерти сына и вовсе всё пошло наперекосяк, вся их жизнь. Жена изменилась так, будто её подменили. Смагин и предположить не мог, что такое случается. Вернее, могло случиться именно с ним и с Диной. В ней как будто бы находилось сразу несколько разных женщин. Но лишь одна из них, которую он любил и желал, всё реже являлась ему. И всё чаще обнажались те её сущности, которые он ненавидел и подчас с трудом сдерживал себя, чтобы не оскорбить жену.

Разумеется, Смагин понимал, что сам в немалой степени виноват и, наверное, многое усложняет, что если подходить философски, в жизни всё гораздо проще, но вдруг она, жизнь, такие коленца выкидывает, что никакая человеческая фантазия с ней не сравнится.

Лет двадцать назад, занимаясь подборкой материалов для диссертации, ему случайно — впрочем, случайно ли?! — попался дореволюционного издания «Исторический вестник». Журнал достаточно хорошо сохранился: потёртость полукожаного переплёта, небольшие надрывы по краям корешка, следы почти вековых штампов (возможно, давно уже не существующей библиотеки) придавали антиквариату некую пикантность. И всё же самым неожиданным, что, наверное, потрясло бы Смагина, не будь он в то время ярким атеистом, заключалось в содержании, в загадочном письме, опубликованном в том журнале. Автором письма была Анастасия Матвеевна Рылеева — мать одного из вожakov декабризма.

Но даже теперь, по истечении двух десятков лет, усомнившись в том, что Бога нет, Смагин считал, что письмо это — результат воспалённого воображения матери, у которой трёхлетний Кони, как звали в младенчестве будущего заговорщика, находился при смерти, переболев то ли дифтеритом, то ли крупом.

Вряд ли Вадим Витальевич вспомнил бы сейчас о той публикации, если б не смерть собственного сына, если б не молитвенный плач жены. Что-то схожее, личное казалось ему во всём этом, даже провидческое. С одной лишь разницей, но такой огромной, вселенского масштаба разницей, что загадочное послание, напечатанное в старом журнале, стало чуть ли не сакральным. И пусть письмо

Анастасии Матвеевны считается историками подделкой, подвергается сомнению — умерла-то она за два года до казни сына и не могла знать о его судьбе, Смагину очень хотелось верить, что всё увиденное бедной женщиной, неистово молящейся у кровати умирающего дитя, было в действительности.

И явление ангела в ту ночь, когда не оставалось никакой надежды на выздоровление малыша, и, казалось, что он вот-вот умрёт. И шесть таинственных завес, кои постепенно отодвигал ангел, и, держа над собой свечу, точно по анфиладе, вёл Анастасию Матвеевну из комнаты в комнату, показывая этапы жизни её сына от младенчества и до его кончины. И последние клятвенные строки послания, что всё ею написанное — светлая правда!..

В воображении Смагина виделась картина, как ангел скорбным голосом просил плачущую мать опомниться, не молить Бога о выздоровлении сына, позволив любимому чаду уйти на Небеса, дабы не совершить ему на земле величайшего зла и не претерпеть ужасных мук. Но женщина, не вникая просьбам ангела, уже не молила, а настаивала:

«Всемогущий Боже! Мой сын невинный младенец. Я требую: да будет воля *моя* — оставь жизнь моему ребёнку!»

И как пред шестой завесой, воззвись на женщину огненными очами, ангел в последний раз предостерёг её и просил одуматься, предупредив, что если она зайдёт за эту завесу, то это будет воля *её*, а не Господа, и обратной дороги уже не будет — свершится зло!

«Да будет воля *моя*! — воскликнула мать. — Да оставит Господь мне сына!»

И ангел раздвинул шестую плотную пелену завесы, точно занавес: в просторной комнате, на размытом фоне Кронверкского равелина находился эшафот, на котором чернела виселица...

Возможно, за двадцать прошедших лет кое-что из «послания» Анастасии Матвеевны и забылось, но картина была примерно такой, которая только что представилась воображению Смагина. И ему, некогда отъявленному атеисту и нынешнему маловеру, посещавшему церковь от случая к случаю, собирателю старинных икон, очень хотелось верить, что душа Илюши — да, да! — душа его мальчика пребывает теперь в вечном блаженстве, где-нибудь на Небесах, в цветущих райских садах среди ангелов и праведников.

Осознание этого и в самом деле приносило некую отраду и утешение, доставляло искреннюю радость и мир в сердце.

Вадим Витальевич, поддавшись чувствам, которые его теперь переполняли, вдруг захотел выплеснуть их наружу, поделиться ими с женой, рассказать ей о чуде, вычитанном однажды в «Историческом вестнике», — чуде исцеления приговорённого врачами к смерти младенца. Просить у Дины прощения, очиститься от всего ненужного, наносного, недостойного и, как когда-то, слиться с ней в одно целое и начать всё сначала.

Но, вернувшись в свою комнату, в уют своего домашнего кабинета, он, к великому разочарованию и удивлению, обнаружил там не жену, а Костю Седых. На лице Смагина отразилась такая явная растерянность, чуть ли не смятение, будто ему помешали совершить некое священное действие или, наоборот, уличили в чём-то непристойном.

— Ты?.. — только и смог вымолвить он.

— Вот, решил вернуться, — как ни в чём не бывало, привстав с дивана и вновь на него присаживаясь, ответил Костя. — Не хотел тебя сразу тревожить...

— А где?.. — Смагин запнулся, встряхнул головой. — Как ты здесь оказался?

— Да как всегда, вошёл в дверь.

— Ну да, ну да...

— Тебя что-то удивляет? — вскинул брови Седых.

— Нет... пожалуй, нет. Впрочем... где Дина?

— Наверно, у себя. Кстати, она меня и впустила. Ведь ты был на веранде.

— Да, да-да... — машинально поддакивал Смагин, пребывая ещё в некотором замешательстве.

— Почему ты не спросишь — зачем я вернулся?

— Между прочим, зачем? — удивление хозяина дома сменилось настороженностью.

— Это другое дело, — и, как пару часов назад, Костя взял с журнального столика испещрённый фломастером сценарий и с грустью в глазах пролистал его. — Скажи честно: ты поможешь или?..

— Или?! — тут же перебил его Смагин, произнеся это «или» так неопределённо, с таким туманным подтекстом, в коем ещё проблескивала надежда... И всё же трудно было понять — что он имел в виду.

— Так да или?..

— Или что?!

— Вадим, я вернулся не за тем, чтоб играть в кошки-мышки, — резко встал с дивана Костя, когда Смагин, усевшись рядом, попытался дружеским жестом положить ему руку на плечо.

— Какая помощь от меня требуется? — посерьёзней Вадим Витальевич.

— Ты сам знаешь...

— Деньги... — с лёгкой усмешкой на лице произнёс он. — Так их у меня нет.

— Но ты говорил, что найдёшь, что сможешь найти.

— Говорил, не отрицаю. Но ситуация изменилась. И чем ты будешь возвращать? Прокат, даже если фильм состоится, вряд ли окупит затраты. Дачу продашь? Квартиру?..

— Надо будет — продам, — мрачно ответил Седых.

— А не твой ли это сценарий, Костя? — вдруг осенило Смагина. Поднявшись с дивана, он обошёл приятеля по кругу, иронично осмотрел его с ног до головы, словно какую-нибудь пустяшную диковинку, и, заглядывая ему в глаза, снова спросил: — Так это ты написал? Хм... а я-то не пойму...

Седых отвёл потухший взгляд в сторону, свернул страницы сценария трубочкой и сунул во внутренний карман джинсовой куртки.

— Вот видишь, — добродушно улыбнулся Смагин, — ты и сам всё понимаешь: затраты вряд ли окупятся, а ждать чуда... Чудес не бывает. А деньги... Я и так по уши в кредитах. К тому же нас просто не поймут. Или просто не заметят. Да вспомни историю с «Никой», вспомни, олух царя небесного!..

— Да, с «Никой» мне не повезло, это правда, — Косте почему-то с трудом сейчас давались слова. — Зато ты получил Диплом лауреата...

— Всё, разговор закончен! — добродушие Смагина как ветром сдуло. — Нет у меня денег.

— Неправда, — язвительный женский голос привёл мужчин в некоторое замешательство. В дверном проёме, приняв эффектную позу, стояла Дина.

Глава двенадцатая

Сменив шёлковый халат на однотонное платье в пол с глухим верхом, сделав скромную причёску, словом, приведя себя в порядок, Дина выглядела вполне достойно и очень впечатляюще, вовсе не такой, какой увидел её сегодня Костя или ожидал теперь увидеть Смагин. И смотрела она, в общем-то, трезвыми глазами, как будто не было выпитого коньяка и не было никакой истерики.

«Цирк», — снова подумал Смагин, чувствуя, как внутри наполняется гневом — от язвительного её голоса, от

брошенного ему вызова, а больше от того, что она посмела уличить его во лжи.

— Что неправда? — сдерживая раздражение, спросил он.

— Всё неправда. Есть у тебя деньги. А кредитов никаких нет.

— Знаешь, что всё это напоминает? — спросил он её, глядевшую на него с нескрываемой издёвкой: «Ну, что же, говори?...»

— Шапито на ярмарке, — с сарказмом сказал Смагин. — Торжище и зрелище сразу.

— Я с тобой торговаться не собирался, — обронил Седых и направился к двери. Но Дина не тронулась с места, а крепко упёрлась ладонями в боковые косяки.

— Не уходи, — сказала ему. — Если ты сейчас уйдёшь, я не знаю... не знаю, что сделаю...

— Что ты можешь сделать?! Что?!. — воскликнул Смагин. — Напиться?.. Так это для него не секрет.

— Прошу тебя, Костя, — умоляюще смотрела на него Дина, — останься хотя бы на пару минут.

Седых, безнадёжно вздохнув, под тяжёлым взглядом Смагина неохотно вернулся и сел на стул.

— Ты дашь ему денег! — слегка надтреснутым голосом, но требовательно, отменяя всякие возражения, произнесла Дина.

— Вот как! — изумился Вадим Витальевич. — И как же ты собираешься это сделать?

— А я ничего не буду делать, это ты... сделаешь то, о чём тебя просит Костя.

Смагин стиснул зубы. На лице, как часто случалось с ним в подобной ситуации, выступили бледно-розовые пятна. Он даже не заметил, как невольно под приливом злости его пальцы сжались в кулак.

— Ты ведь читала... Это же он написал... — закипая новой порцией негодования, почти сквозь зубы выдавил он.

— Я догадывалась... — Дина прошла в комнату. Поискала глазами сценарий и, не обнаружив его, встала возле Седых, положив руку на спинку стула. — Читала, Вадим, очень внимательно читала. Это как раз то, что тебе надо.

Он с минуту смотрел на жену выпученными глазами.

— Ну почему?! — сбитый с толку, наконец спросил он.

— Да потому что ты давно превратился в банального торгаша. Тебя даже за глаза называют... — она потёрла пальцами висок. — Сейчас, сейчас вспомню... Вспомнила, фритрейдером. Надеюсь, я правильно употребила это слово.

Это ведь кто плохо знаком с тобой, считает тебя творческой личностью, высокодуховной тонкой натурой, чуть ли не гением. А ты всего лишь талантливый имиджмейкер, способный за деньги создать любой виртуальный образ — от губернатора и мэра до президента.

— Остынь! — попытался он её остановить.

— Ты ещё и неплохой... — она опять задумалась, что-то снова вспоминая. — Ну да, спичрайтер... слово-то какое дурацкое. Да бог с ним. Так вот: ты ещё и спичрайтер. Скажи, сколько текстов для бездарей и тупиц ты написал и отредактировал? А?..

— Прекрати! Что ты в самом деле...

Но Дину уже несло:

— Правду говорю, Вадим, правду... Ведь это ты всё пытаешься доказать, что кино — это бизнес, а фильмы должны окупаться...

— Качество фильма проверяется его рентабельностью.

— Вот-вот... поэтому ты у нас большой специалист по сериалам и рекламным роликам. Ещё бы!.. Снять фильм так, чтобы он выглядел дороже, чем на самом деле, потратить рубль так, чтоб казалось на десять... О! Такой способностью обладаешь лишь ты.

— Но это... это не совсем так, — возражал он.

— «Не совсем так», — усмехнулась Дина. — Да Костя просто не вписывается в ваш проклятый оскотинившийся мир обитателей «Садового кольца» и Рублёвки, в вашу озверевшую творческую интеллигенцию. Это же вы, так называемая элита, обожатели Запада и Америки, вы, паноптикум обезьян-подражателей, тянете весь русский народ во мрак преисподней. Да ты всегда, слышишь, всегда подстраивался под настроение всех этих... картавых адвокатов и обсыпанных перхотью либеральных писак, всех этих прелестников тлена, лишь бы не выпасть из обоймы и не остаться одиночкой. Под видом религиозной свободы вы вновь и вновь распинаете Христа...

— Да что ты вообще в этом понимаешь?! — почти выкрикнул он. — Ты, которая... — он вдруг осёкся, махнул рукой и неприязненно поглядел на Седых.

— Ну, продолжай... — явно провоцировала Дина. — Которая... что?

— Я хотел сказать, что ты ничего в этом сценарии не понимаешь, — вывернулся он, сбавив тон.

— Это я-то ничего не понимаю?! — Дина мелко и несколько нервно расхохоталась. — Да ты сейчас хоть что-

нибудь вразумительное сказал, знаток истории? Учишь всех, как триста лет назад землю пахали, а сам — плуг от сохи отличить сможешь?!

— При чём здесь плуг?

— А при том: ты хоть «Отче наш» наизусть знаешь? Хоть какую-нибудь молитву знаешь?

Смагин молчал.

— Тогда что ты вообще понимаешь про этот сценарий? Выпей коньяку, ложись на диван и смотри свой телевизор. Только не делай вид страдальца и не симулируй затяжную усталость: хандрящие Печорины и хроменькие подражатели Байрона давно не в моде, их эпоха закончилась. Да и не твой это стиль. И возраст уже...

— Ты это к чему... про возраст? — насторожился он.

— В твоём возрасте пора бы уже понимать... Впрочем, ты всё отлично понимаешь, — грустно вымолвила она. — Просто вирус хронической трусости давно превратил тебя в такого духовного паралитика. Ведь когда он уйдёт, — кивнула она на Костю, — ты уляжешься на свой диван, уставившись в телевизор и снова, даже не сомневаясь, будешь смотреть эту мерзость. Смотреть и себя оправдывать, найдя сотню причин своей правоты.

— Не спорю, фильм оставляет желать лучшего, — согласился, вроде бы, Смагин, — но в целом...

— Да что в целом... — опять усмехнулась Дина. — Если б не музыка Шварца... эту лживую от начала до конца мелодраму даже пародией назвать нельзя: надо же так изуродовать русскую историю!.. Нет, здесь явно не свинья прошла, в этом фильме отпечатались копыта всех этих Трояновских, Хазариных и Осетринских. Потому и все декабристы как под копирку... А жёны их... прямо жёны миносицы, хоть к лику святых причисляй, так трогательно...

— Ну что ты такое несёшь?

— Ты же сам мне говорил, Вадим, что жёны декабристов в фильме — полная противоположность тому, что было в действительности, что красавица-жена Трубецкого, эта обаяшка, показанная во всём блеске, — фантазия режиссёра, что в реальности... — она вдруг осеклась и махнула рукой. — Да что я тебе толкую, ты лучше меня знаешь, что тогда всё делалось для пропаганды, чтобы у зрителя выбить слезу.

— Ну и что из того, что говорил... Может быть, я ошибался. Ты это не допускаешь?

— Да они — все эти жёны, что и мужья, тоже, как в ворде: копировать-вставить... точно мученицы какие...

— И всё же я прав. Если ты внимательно читала его сценарий... — Смагин на этот раз не взглянул на Седых, — если ты его внимательно читала, то хорошо подумай... И тогда поймёшь, что он там нагородил...

— А что там не так, Вадим? — не мог уже молчать Костя. — Убийц и воров часто ссылали в Сибирь, и нередко жёны осуждённых шли туда вместе с мужьями. Чего же здесь особенного? И какая здесь доблесть? Тем более, что некоторые из них и вовсе оставили детей, лишив их материнской заботы. Об этом не знает теперь только ленивый. А что все декабристы — герои 1812 года, это ведь неправомерное утверждение. Героем войны был Милорадович, а вовсе не его убийца. И разве князь Трубецкой, это ничтожество, этот доморощенный диктатор — не предатель? Разве он не ползал в ногах того, которого накануне величал тираном? Разве он не молил царя о пощаде, чуть ли не лобызая его сапоги? А трусость Пестеля, выдавшего на первом допросе всех своих товарищей? А Рылеев?..

— Он покался, — сухо произнёс Смагин, демонстративно не глядя на Костю. — Исповедовавший его священник утверждал, что Рылеев — истинный христианин.

— Но ты же не хуже меня знаешь, что этот «истинный христианин» сразу после ареста выдал всю верхушку своих соратников. И выдал не под пытками, которых и в помине не было: признание было получено в Зимнем дворце, рядом с кабинетом Николая.

— На эшафоте Рылеев воздел руки к небу и молился Спасителю, — стоял на своём Вадим Витальевич.

— Вот видишь... молился Спасителю, — повторил за ним Костя. — А в фильме разве так? Да и ты говорил, что не так.

— Да что не так-то?! — вспыхнул который раз Смагин.

— Да всё не так. Например, есть свидетельства, что перед казнью четверо приговорённых прощались друг с другом, как братья, а Каховскому даже руки не протянули...

Глава тринадцатая

Назначенная на три часа утра казнь откладывалась. Тюремный двор со стороны рavelина всё ещё был погружён во мрак: до восхода солнца оставалось около часа. Слабые, размытые в предутреннем тумане багровые угасающие всполохи за Петровскими воротами не были признаками

первых зарождающихся лучей дневного светила: то догорали костры, на которых сжигали мундиры и другую военную амуницию бунтовщиков.

Последняя партия осуждённых стояла понуро на коленях, лицом к бастиону кронверка. Каждому был зачитан приговор, и над каждой склонившейся головой была сломана шпага. Ждали, когда закончится позорная церемония и всех поведут в казармы. А покуда это продолжалось, было грустно наблюдать, как часть людей, прошедших конфирмацию, стоя у высоких стен крепости — кто в ботфортах, а кто в офицерских помятых двуголках, — куталась в нелепые, похуже на лазаретные, поужлого цвета халаты.

Во взглядах многих осуждённых сквозила пустота и полное равнодушие, словно всё происходящее было очередной формальностью и фатальной неизбежностью. Да они, все эти несчастные, наверно, и не замечали происходящего. И подари им судьба дивную возможность вновь обрести свободу, дай им шанс снова восстать во всеоружии, они вряд ли бы на это решились. И когда под конвоем их вели обратно в крепость, разводили по казематам, каждый, похоже, думал о своём будущем с полным безразличием, обречённо. Лишь кое-кто при свете костров обратил внимание, что на валу одного из бастионов появилось некое сооружение. Но трудно было ещё разобрать, что сооружение это являлось эшафотом, над которым возвышались два столба с перекладиной. И тем более никто не заметил в размытой туманности предрассветного утра висящие на перекладине верёвки.

Примерно в это же время, а может, чуть позже из камер вывели пятерых заключённых, закованных в тяжёлые цепи и одетых в белые холщёвые балахоны. На груди каждого висела чёрная кожаная табличка, на которой мелом было написано имя преступника.

Приговор был объявлен накануне, в полночь, в доме коменданта Петропавловской крепости, где на площади, против монетного двора, было выстроено каре из солдат Павловского гвардейского полка.

Муравьёв-Апостол, держа под руку Бестужева-Рюмина, смотрел на сутулую худую спину шагавшего впереди и отринутого всеми ими Каховского без всякого сочувствия. Рылеев с Пестелем тоже шли под руку, не разговаривая, лишь пару раз, под глухое бряцанье оков, обменялись короткими фразами по-французски.

Все пятеро шли в сопровождении полицмейстера Чихачева и конвоя из тех же солдат Павловского полка. Возглавлял

шествие квартальный надзиратель, освещая путь двумя ночными фонарями. Тусклый их свет направлял идущих к месту казни, воровато раздвигал сгущавшуюся ещё местами туманность в предрассветной дымке, давая возможность разглядеть неровности на пути, какой-нибудь мелкий выступ в виде камня или кочку в траве.

Рылеев старался казаться спокойным, держаться с достоинством, хотя не раз, наверно, уже пожалел, что не покинул однажды Россию и не уехал в Америку, где намеревался купить участок земли и основать колонию независимости. И спроси его теперь, доволен ли он своей судьбой, которая до декабрьских событий была к нему благосклонна, баловала и хранила его на каждом шагу, он бы не был столь категоричен, как девять лет назад...

...Комната деревенской избы была не очень просторной, но чистой, светлой и уютной. Небольшая группа младших офицеров, расположившись за столом, метала банк. Рылеев стоял у распахнутого окна: казалось, ему было душно, но кое-кто, и не без оснований, считал, что жизнь в полку была ему просто нелегкой.

Рылеев смотрел в голубую даль, на густые волны золотого ржаного поля, туда, где на горизонте тёмной окантовкой просматривались очертания леса. «Пиитический» террактового оттенка двубортный его сюртук, несуразный фасон которого он самолично когда-то придумал, в коем недавно, то ли по рассеянности, то ли по дерзости, выехал в конный фрунт (за что и был посажен на гауптвахту), давно уже не вызывал насмешек. Казалось, в полку все уже привыкли к чудачествам нерадивого офицера, к его «пиитическому» облачению с нелепыми нагрудными карманами, шутовскими шнурами и кистями.

— Скажите, Кондратий Фёдорович, — отвлёк Рылеева от мыслей один из игравших в карты, — зачем вы, человек отнюдь не военный, поступили в кадетский корпус?

— Вам этого не понять, — отрешённо ответил он.

— Что же здесь непонятного, — усмехнулся в драгунской гвардейской форме офицер со шрамом на щеке. — Военная служба куда престижнее, чем статская.

— Это уж точно, — поддержал сидящий напротив него товарищ, — жить без службы и не иметь чина, слыть фрачным «рябчиком», ходить в недорослях... — нет, увольте...

— Уверяю вас, господа, вы заблуждаетесь, — карие глаза Рылеева сузились, отрешённый его взгляд сделался презрительным.

— В чём же мы заблуждаемся? — спросил драгунский офицер со шрамом на щеке.

— Вы не можете знать моих мотивов поступления на военную службу, как не можете знать и моих мыслей. Да если б я и объяснил, поняли бы?..

— А вы постарайтесь, Кондратий Фёдорович, может, мы и поймём.

— Только без шуток, господа...

— Слово чести! — пообещал за всех драгунский офицер.

— Видите ли, — начал Рылеев, — иногда мне кажется, что во мне существует нечто такое, что может предсказывать мою будущность, предвидеть досель неизвестные никому факты. Даже те, действия которых направлены против меня.

— Но предсказывать под силу лишь пророкам, — возразили ему, — или гениям.

— Судьба всегда будет благоволить гению, ведущему меня к славе, — неожиданно для всех изрёк Рылеев.

— Ого! — воскликнул кто-то.

— Не много ли вы на себя берёте, Кондратий Фёдорович?

— Вижу, господа, вы по сю пору остаётесь в заблуждении, и что бы я вам ни говорил, вы всё равно не поймёте меня, вы — жалкие, неинтересные люди, участь которых — умереть в неизвестности.

— Так вы жаждете известности?! Ну-ну... И какой же голос вам это нащёптывает?

— Вы обещали без шуток!..

— А никто не шутит, — серьёзно ответил офицер со шрамом.

— Так знайте, — с волнением произнёс Рылеев, — имя моё займёт в истории не одну страницу, и кто из вас меня переживёт, сможет в этом убедиться.

— Вздор! — возразил офицер, метавший банк. — Пугачёв тоже затевал много, но кончилось всё тем, что злодея четвертовали.

— Мне решительно всё равно, какою смертью я умру. Даже если буду повешенным, имя моё останется на века!..

...На мгновение Рылеев закрыл глаза. Но тут же споткнулся. И если б не твёрдая рука конвоира, даже Пестель вряд ли б его удержал.

«Быть повешенным», — пронеслось в голове, как заклинание.

Похоже, таинственный гений и впрямь привёл его к славе. Но к какой славе? А может, это чья-то мрачная шутка? Всего лишь розыгрыш?..

Всю жизнь он стремился к идеалу, под вечным факелом Прометея шёл к свободе, равенству и братству. И что же... всё это химера? Неужели священник, простой полуграмотный священник, исповедовавший его сегодня ночью, прав? А он, Рылеев, потомственный дворянин, вслепую брёл за своим гением? И куда? Не в храм Божий, а в ложу. Все эти годы варился в кипятке вышних градусов, рассуждал о долге, чести и достоинстве, о судьбе России, а в итоге — получилась такая гремучая смесь, что оторопь берёт.

«Как же так, — думал он, — ведь жизнь ещё не кончилась, она продолжается...»

Он чувствовал, как бьётся его сердце. Оно билось спокойно, но оно... всё же билось. И все внутренние органы его работали так же, как и вчера, как неделю, месяц, как и десять лет назад. И желудок его функционировал вполне нормально. И сам он, в общем-то, здоровый, способный ещё на многое человек — заведомо обречён. Ведь что бы он теперь ни делал — даже эти шаги, эти вздохи и жесты, уже заведомо бессмысленны.

Вместе со всеми он взошёл на эшафот и посмотрел на небо. Многие звёзды уже поблекли, а некоторых почти не было видно. Если только взглядеться... Лишь одна звезда, слабо мерцающая, словно сопротивляясь зарождающемуся дню, светила ещё ярко.

«Может, это моя звезда, — подумал он, — может, это она — звезда пленительного счастья...»

А ещё подумал, что пройдёт совсем немного времени, и её тоже не будет. Вполне возможно, её угасание совпадёт с угасанием его, Рылеева, жизни.

Он вдруг увидел себя зарытым в землю. Вспомнил, что у мёртвых ещё долго растут волосы и даже ногти. И от представившейся мрачной картины ему стало противно. А когда всё было готово и палач, накинув ему петлю на шею, стал надевать ему на голову небольшой хлопчатобумажный колпак, Рылеев ещё раз взглянул ввысь. Но своей звезды не нашёл.

Эпилог

Смагин смотрел по телевизору последнюю сводку новостей. Стоя перед экраном в своём шёлковом домашнем

халате, слегка пригубив коньяк, он с каким-то грустным безразличием смотрел на красивое, излишне бесстрастное лицо дикторши, ждал, когда она своим ровным, хорошо поставленным голосом наконец скажет то, что должно было бы его взволновать. И когда он решил, что и на этот раз ничего интересного для себя не услышит...

— Сегодня арбитражный суд Москвы признал банкротом продюсерскую кинокомпанию «ВЕСТА FILM», — сообщила дикторша. — Процедура банкротства уже началась. Генеральный продюсер кинокомпании Вадим Смагин надеялся мирно завершить этот скандальный процесс, однако заявителю стали известны подробности, которые свидетельствуют, что финансово-хозяйственная деятельность должника не велась уже более года, и у него нет собственных средств...

— При этих словах Смагин горько усмехнулся.

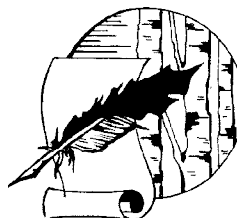
— ...Суд признал обоснованными требования заявителя по делу о банкротстве на сумму...

Вадим Витальевич потянулся за пультом, который лежал тут же на тумбе.

— ...Заявитель также сообщил, что ему не известно имущественное положение «ВЕСТА FILM» и выразил готовность взять на себя расходы, связанные с делом о банкротстве...

Смагин выключил телевизор. Теперь можно было напиться, на время всё забыть. Или сделать что-то ещё. Но... он вдруг ощутил внутри себя нечто странное, будто с души слетело некое омертвление. Он не верил самому себе: ничего подобного он уже давно не испытывал. Впервые за много лет он почувствовал, что в грешном этом мире, кроме несвободы, которая связывала его по рукам и ногам все эти последние годы, есть что-то, что выше всякого «высокого смысла», даже дороже жизни. Что все эти критики, презрительно на него смотрящие, все эти зависимые от денежных воротил узники Мельпомены, называющие себя творческой интеллигенцией, — ничто по сравнению с тем, что есть настоящая жизнь. И никто и никогда уже не помешает ему любить эту жизнь. Хотя бы ради Илюши. Хотя бы ради тех, кого он сам любит и ради которых надо жить.

г. Подольск Московской обл.

Михаил ПОЗДНЯКОВ

ЭТО — НАВСЕГДА

ПЕЧНИК

Из хаты в хату... Не ленился,
Цены себе не набивал.
Он с каждой печкою возился,
Как будто памятник ваял.

Положит ряд... Вздохнет устало,
Дел не отложит на потом.
Казалось — музыка звучала
Где он прошелся мастерком.

Он всё умел... И в миг единый,
Когда сбегалась малышня,
Спешил нам вылепить из глины
Свисток и быстрого коня.

Кирпич подбросит... Чуть пошепчет...
Вздохнет, судьбе наперекор.
Чтоб кирпичи держались крепче,
Добавит солнышка в раствор...

...Стою один... Я дома снова.
Пуста деревня. Листьев медь.
И только печь в дому готова
И щи варить, и воду греть.

* * *

Двух умельцев издавна ценило
Наше молчаливое село.
К одному, счастливое, спешило
Ко второму — горюшко вело.

Первый повторял: «Живем — не тужим»,
Гостя поздравляя всякий раз.
А второй печалился, что нужен
Он соседям в самый черный час...

Первый по утрам перед иконой
Всё просил работы, всё молил.
А второй, работой обделенный,
Проклинал её что было сил.

Оба — ладны, оба — всё умели,
Оба — будто вестники судьбы.
Только первый ладил колыбели,
А второй выстругивал гробы.

ТАНЕЦ

Враз тишину прогнав из зала,
Неспешно выплыв из угла,
Ликуя, женщина плясала,
Как лебедь белая, плыла.

Кружилась... Юбка, будто парус,
Вилась, колени обнажив...
По залу истово металась
Под нестареющий мотив.

Лицо... О, как оно светилось...
Не чуя пола под собой,
Она была, как божья милость
На волнах музыки живой.

И никого не замечала,
И лишь один был в этот час
Ей нужен... С самого начала
Они вдвоём пустились в пляс.

А он, любовью опьянённый,
Коленца бил, неутомим...
Весь мир, тем танцем покорённый,
Смотрел... И тоже был любим.

ГЛУХИ

Июль и в Глу́хах не глухой,
Безоблачный, пахучий.
И пчел извечный непокой,
И вереск — самый лучший.

В колодце, где не видно дна,
Меж недоспелых вишен
Лицо твое голубизна
На доньшке колышет.

Стоишь под звонким «журавлём»,
На грудь забросив косы,
И взор такой, что тонет в нем
Сосед светловолосый.

Неспешно вёдра подняла,
Листва зашелестела.
Чуть улыбнулась — мол, дела,
И не пошла — взлетела.

— Не уходи!.. Со мной постой
На улочке немного...
Паришь над сочною травой,
Ступая легконого.

Тебе пеняют небеса,
Что к парню бессердечна.
Ты в дом уйдешь на полчаса,
А, кажется, навечно.

О, ожидания часы,
В которых столько смысла...
И только вёдра, как весы,
Качает коромысло.

* * *

Вновь спешу тропинкой васильковой —
Мимо Грезы путь ведёт домой.
О, Забродье, край боровиковый!
О, Забродье, край мой боровой!

Здесь душа блуждает среди вёсен,
В жаворонка вслушиваясь вновь.
И ручей петляет между сосен —
Из любви да в новую любовь.

Аромат вдыхаю, чуть не плача,
И куда б дороги ни вели,
Всё отсюда видится иначе...
Пусть столицы светятся вдали.

Эта песня солнечной природы
Душу выворачивает вновь.
Я её мелодию сквозь годы
Проношу, как первую любовь.

И сюда от всех цивилизаций,
От фальшивых ценностей и лжи,
Приезжаю Родиной спасаться,
Солнечной росинкою во ржи.

Хатою родной, где детство бродит,
Стареньким сиреневым кустом,
Чучелом, поникшим в огороде,
Васильками в поле золотом...

Деревенькой — той, что вместе с кровью
Всё спешит по венам сквозь года...
Белым садом... Утреннею новью...
Здесь родился... Это — навсегда!

* * *

Сколько ясности дивной в далёких годах,
Сколько первых тревог среди птичьего гама!
Там пионы царили в роскошных садах,
Мне трепала вихры синеокая мама...

И особенный дух в нашей хате витал —
Тёплый дух золотистого свежего хлеба.
А над хатою клён, как всегда, подпирал
Своим чубом густым бесконечное небо.

И берёг мои тайны, лелеял мечты
Вместе с узкою тропкой, что мчалась далёко...
И виденья казались тогда золоты,
Ну а боль?.. Боль в душе задержалась до срока.

И поныне являются в утренних снах,
Те года, что сквозь жизнь проступают упрямо.
Эта звонкая даль... Этот светлый распах...
Эта с хлебом в руках синеокая мама.

* * *

В деревушку пустую, где рос,
Я приехал опять из столицы
Побродить среди печальных берез,
Землякам до земли поклониться.

Мама, тесно в могилке лежать? —
Не обнимешь меня никогда ты...
Папа, видишь? — я дома опять...
Только тени на окнах распяты.

Дед Кузьма! Дед Иван! Дед Петрок!
Дядьки Миша, Сергей и Микола!..
Ах, какой лучезарный денёк!..
Луг не кошен... Зброшена школа...

Бабки Анна, Прасковья — со мной
Ваши добрые, светлые взгляды.
Тетки Маня, Надежда! — травой
Поросли и сады, и ограды.

Вы простите, родные, меня,
Что давно — городской и упрямый,
Что ветра пролетают, звеня,
Сквозь пустые оконные рамы.

По родной деревушке пойду,
Где уныла заря золотая,
Где лишь ветер кричит про беду,
Одинок в трубе завывая...

В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ

Скрипел мороз... И ветер прыткий
Толкал в подземный переход,
А там тревожный голос скрипки
Всё ждал от публики щедрот.

Купюры мелкие... Подачки...
Смешки... Футляр... И, Боже мой! —
Девчушка, юная скрипачка,
У этой стенки ледяной.

Студил колючий холод руки,
Но голос скрипки не слабел.
Рвались торжественные звуки
Под своды, белые, как мел.

Зачем сюда талант загнала
Судьба?... Здесь мать и перемать...
Ей околдовывать бы залы,
Букеты гордо принимать...

Как мне стоять под этим взором,
Где тайна высшая небес?..
Спешу уйти... А вслед с укором
Звучит Огинский... Полонез...

* * *

Звуки вальса Шопена...
С поволокою взгляд.
«Всё, что было — нетленно!»
Мне глаза говорят.

Этот жест звонкорукий —
В целом мире один.
И вливаются звуки
Прямо в гемоглобин.

Будто вновь за плечами
Молодое крыло.
То, что было меж нами —
Неужели прошло?

Звуки вальса Шопена
В такт сомнениям душ...
Почему ж все мгновенно?
Почему ж? Почему ж?

Звуки вальса прощают
Всех обманов вино...
Нам Шопен возвращает
То, что было давно.

Будто всё — неизменно,
Будто всё — на века.
Звуки вальса Шопена...
И любимой рука...

КОНИ

Мы поздно ехали... Темнело...
Гудели от косябы ладони.
Вдруг на лугу, из дымки белой,
Неясно проступили кони.

«Притормози!» — сказал шофёру
И к табуну пошёл по травам
Всмотреться в их глаза-озёра,
Что греют взглядом величавым.

Они, послушные, спокойно
И мирно встретили чужого.
Какое это чудо — кони!
Я поклонился... Что такого?..

И что-то ласково шептал им,
И гладил с нежностью по холкам...
Им, горделивым и усталым,
Звезда светила над просёлком.

Эх, кони, кони... Вы от века
Во все суровые години,
Служили верно человеку,
Дивя отвагою былинной.

Столетия войн... Герои — в звёздах...
А у коней судьба иная:
«Что конь?.. Для всадника он создан,
Пусть гибнет, воина спасая!..»

Я целовать готов им холки,
И извиняться, извиняться
За плети свист, сухой и колкий...
Столетия мчат, и кони мчатся...

Так и бродил бы... Холки трогал,
От тихой нежности бессильный.
Но вновь позвал меня в дорогу
Глухой гудок автомобильный.

Ну, вот и всё... Пора прощаться,
Мне снова в путь под небом гордым.
И чудится, что кони мчатся...
И что-то горькое под горлом...

г. Минск

Перевёл с белорусского Анатолий АВРУТИН

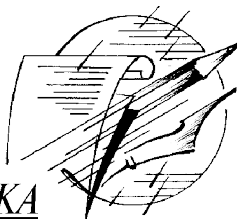
ЗОЛОТО

О золотых резервах России

О золотых резервах современной России я писал неоднократно. В данной статье повторю кое-что из сказанного ранее. И раскрою некоторые моменты, которые раньше не затрагивал. Принято считать, что золотые резервы государства — часть международных резервов, которые также называют золотовалютными резервами.

Правовой статус международных резервов одновременно и прост, и сложен. Некоторые считают, что международные резервы и золотовалютные резервы Центробанка — синонимы. Применительно к некоторым странам это справедливо. Но специалисты предпочитают говорить более осторожно: международные или золотовалютные резервы находятся в управлении денежных властей. Т.е. в управлении Центрального банка, Министерства финансов, иногда некоторых других организаций (например, в ведении которых находятся суверенные фонды).

В России международные резервы, включая золотые резервы, согласно российским законам, находятся в ведении Банка России и Минфина (действующего по поручению

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

правительства РФ). К международным резервам, находящимся в ведении Минфина России, относятся золотовалютные активы Фонда национального благосостояния (ФНБ), о чем я подробнее скажу ниже.

Но золотые резервы Российской Федерации не ограничиваются только тем золотом, которое входит в состав международных резервов. Второй частью золотых резервов РФ является то золото, которое находится в Государственном фонде драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации. Решения о пополнении и расходовании этой части золотых резервов принимаются президентом и правительством РФ.

Банк России регулярно дает информацию о золотых резервах, находящихся на его балансе. Прежде всего в стоимостном выражении (в долларах США — еженедельно). Также в физическом выражении (в тоннах, тройских унциях — ежемесячно). Дополнительно дается информация о доле золота в международных резервах (кроме золота в состав резервов входит иностранная валюта, средства России в специальных правах заимствования и резервная позиция России в Международном валютном фонде).

Например, на 1 сентября 2025 года объем золота на балансе ЦБ РФ составил в стоимостном выражении 254,971 млрд. долларов. В физическом выражении 2326,54 т или 74,8 млн. тройских унций. Также сообщается, что на указанную дату доля золота в международных резервах составила 36,98%.

А спустя месяц, на 1 октября 2025 года, стоимость золота выросла до 282,213 миллиарда долларов. Физический объем драгоценного металла составил 2329,65 т или 74,9 миллиона унций. Доля золота в международных резервах — 39,56%. В физическом выражении прирост на 3,11 т или на 0,13%. А вот в стоимостном выражении прирост составил 27,24 млрд. долларов или на 10,7%. Таких абсолютных и относительных приростов стоимости золота в международных резервах еще не было в истории Российской Федерации.

Кроме того, нынешняя доля золота в международных резервах РФ — рекордная за последние тридцать с лишним лет. Более высокая была только в самом начале существования Российской Федерации. На 1 января 1993 года показатель составил 56,88%. Правда, столь высокое значение тогда объяснялось не тем, что золота было много (его было всего 267,28 т), а тем, что иностранной валюты в международных резервах почти не осталось.

Как я уже отметил, резервное золото также имеется у Минфина. Это золото в составе Фонда национального благосостояния. Он возник в 2008 году после упразднения ранее существовавшего Стабилизационного фонда. На базе Стабфонда были созданы Резервный фонд и ФНБ. В 2017 году ресурсы Резервного фонда были исчерпаны, он был упразднен, остался только ФНБ. Первоначально в составе ФНБ была лишь иностранная валюта. И лишь с 1 июня 2021 года в состав ФНБ было включено золото в обезличенной форме с долей 20%.

После заморозки российских валютных резервов в конце февраля 2022 года на сумму свыше 300 млрд. долларов Минфин принял решение об изменении состава ФНБ. 30 декабря 2022 года Минфин утвердил новую структуру Фонда. Он исключил евро, иены и фунты стерлингов из состава валют Фонда. Одновременно долю юаня было запланировано увеличить до 60%, а долю золота — до 40%.

На середину 2021 года в Фонде находилось 340,6 т золота. В конце 2022 года его объем увеличился до 554,9 т. В конце 2023 года было уже меньше — 359 т. В 2024 году золотой запас ФНБ уменьшился почти на половину, в начале 2025 года он составил 187,7 т.

Согласно бюджетному правилу, пополнение ФНБ золотом и валютой (китайскими юанями) происходит при превышении цены на нефть и природный газ выше нормативного значения (которое время от времени пересматривается). Последняя закупка золота, по данным Минфина, была произведена в июне 2025 года — 74 тонны. С учетом уже имевшегося золота в Фонде к середине года золота было без малого 214 тонн.

При снижении цены ниже нормативной планки, наоборот, золото и валюта продаются из Фонда, а вырученные рубли идут в бюджет РФ. Со второй половины 2025 года из-за того, что экспортные цены на углеводороды по причине мировой конъюнктуры и антироссийских санкций просели, Минфин начал продавать валюту и золото из ФНБ. В результате серии продаж на 1 сентября 2025 года объем золота в ФНБ снизился до 178,3 т. По данным на 1 октября 2025 года объем золота был уже 173,1 тонны. Это уже в три с лишним раза меньше тех объемов, которые были в «золотые» годы ФНБ.

Некоторые эксперты утверждают, что уже «сытые» годы для России как экспортера нефти и газа заканчиваются. И что запас золота и юаней в ФНБ может истощиться. Еще в августе Банк России в обнародованном проекте «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики» достаточно откровенно намекнул, что ФНБ может

быстро «обнулиться». Т.е. его может постигнуть судьба Резервного фонда, который, как я выше отметил, прекратил свое существование в 2017 году.

У некоторых возникает вопрос: какова общая величина золотых резервов России? Не надо ли складывать цифры золота Банка России и цифры золота Минфина? — Отвечаю: «Не надо». И это вопрос далеко не формальный. Мало кто знает, что Банк России является агентом по управлению золотовалютными резервами Минфина. И золотовалютные резервы Минфина отражаются в активах Банка России. Такая схема обосновывается тем, что, мол, Банк России обладает большим опытом и компетенцией для управления золотовалютными резервами, чем Минфин, который работает с рублями. Кроме того, якобы активы Банка России (как и любого другого Центробанка) имеют иммунитет от заморозок и экспроприаций. В отличие от активов государственных, в том числе активов минфинов. Заморозка коллективным Западом российских валютных резервов на сумму свыше 300 млрд. долларов показала наивность подобных аргументов. Я в свое время даже делал оценки потерь Минфина. Сумма «токсичных валют» в составе ФНБ на начало февраля 2022 года составила 55,6 млрд. долл. В одночасье из ликвидной части ФНБ испарилась ровно половина! В ФНБ остались лишь золото и юань. Банк России как агент по управлению активами Минфина без особого афиширования постепенно покрыл убытки Минфина — прежде всего путем перечисления из своей части международных резервов китайских юаней.

Что касается продаж и покупок золота по линии ФНБ, то тут всё предельно просто. Путем нажатия кнопки безналичное золото переводится со счета Минфина на счет Банка России и наоборот. А то некоторые наивные люди думают, что когда Минфин закупает золото для пополнения ФНБ, он закупает его у отечественных золотодобытчиков или еще у кого-то на внутреннем рынке. Нет, Минфин имеет дело с Банком России, который, как я уже многократно писал и говорил, с 1 апреля 2020 года золото почти не закупает. На начало второго квартала 2020 года в золотых резервах РФ, по данным Банка России, находилось золота в объеме 2 299,2 т. А на 1 октября 2025 года объем золота составил 2 329,6 т. Получается, что за пять с половиной лет золотой резерв России в составе международных резервов увеличился на жалкие 30 тонн!

И это в стране, которая занимает второе место в мире по объемам добываемого золота. В среднем годовая добыча драгоценного металла превышает 300 тонн. По итогам 2024 года она составила 330 тонн. И это, не считая производства драгоценного металла из золотосодержащих отходов и попутной добычи. Даже если исходить из цифры 300 тонн в год, то получается, что за пять с половиной лет в России было произведено драгоценного металла 1650 тонн! Даже если бы Банк России закупал половину произведенного в стране драгоценного металла, то на сегодняшний день золотой резерв Российской Федерации был бы равен примерно 4 тысячам тонн! Т.е. Россия должна была бы занимать не пятое место по величине золотого резерва, как сейчас (после США, Германии, Италии и Франции), а второе — сразу после США. А, может быть, даже первое, учитывая, что данные американского Минфина по золотому резерву США (8 133,5 тонны) сильно фальсифицированы.

Золотой резерв России был бы еще больше, если бы закупки драгоценного металла осуществлялись не только внутри страны за рубли, но также на международном рынке за счет иностранной валюты. Прежде всего, за счет той валюты, которая сегодня получила название «токсичной». Это те валютные активы России, которые были заморожены в конце февраля 2022 года — евро, доллар США, британский фунт стерлингов и некоторые другие. Я еще с 2014 года (когда против России были введены первые санкции в связи с Крымом) призывал конвертировать международные резервы в «токсичных» валютах в золото. Сегодня точно известно, что российских валютных резервов было заморожено на сумму 311 млрд. долларов.

Давайте представим, что эти валютные резервы были бы конвертированы в начале февраля 2022 года в драгоценный металл. На тот момент 1 тонна золота на мировом рынке стоила 60,73 млн. долларов. Следовательно, на сворованные 311 млрд. долларов валютных резервов мы могли тогда купить золота в объеме 5 121 т. С учетом уже имевшихся на тот момент запасов золота Россия могла бы и должна была бы накануне СВО иметь золотые резервы не менее 7,5 тыс. тонн.

А с учетом того золота, которое мы могли бы приобрести на внутреннем рынке за последние пять с половиной лет мы сегодня имели бы золота в международных резервах более 9000 тонн!

Цифры моих расчетов условные, но они позволяют задуматься о том, какие потери мы понесли в этом

десятилетия из-за того, что пять с половиной лет назад прекратили накапливать золото в международных резервах, отдавая предпочтение «токсичным» валютам.

Золото и «хозяева денег»

Почти в любой стране мира есть золотой резерв. Обычно его определяют как часть международных резервов, которые состоят из иностранной валюты и монетарного золота (драгоценный металл в слитках). Золотой резерв находится на балансе денежных властей — центрального банка, министерства финансов, управляющих суверенными фондами организаций. Далеко не во всех странах правовой статус золотых резервов четко прописан. В какие-то моменты времени такая правовая невнятность может создавать острые ситуации. С другой стороны, острые ситуации лишний раз заставляют задуматься: каково предназначение золотого резерва и кому в конечном счете он принадлежит? Особенно если золотой резерв находится на балансе центрального банка. Ведь во многих странах мира центральные банки считаются независимыми от государства.

Принадлежит ли золотой резерв государству, а ЦБ лишь управляет по поручению государства этим резервом? Или же ЦБ полностью распоряжается золотым резервом, а государство здесь вообще ни при чем? Имеет ли правительство право при необходимости забрать у ЦБ часть золотого резерва для покрытия каких-то чрезвычайных расходов? Или такое в принципе невозможно?

Кажется, наиболее часто подобные вопросы звучат в Италии. Для нее это вопросы не праздные, поскольку золотой резерв этой страны очень внушительный. Италия занимает третье место в мире по величине своего золотого резерва — 2 452 тонны. Впереди по этому показателю только США (8 133 т) и Германия (3 350 т). Кстати, по доле золота в международных резервах Италия находится на одном из первых мест в мире. На сегодняшний день эта доля равняется 71%. Скажем, у Великобритании этот показатель меньше 15%.

В то же время экономическое положение Италии на фоне других стран-членов Европейского союза весьма незавидное. В конце 2024 года государственный долг Италии составил 135% ВВП. А по итогам 2024 года, согласно многим оценкам, достиг 139% ВВП. В рамках ЕС (27 стран) только одна страна опережает Италию по этому показателю — Греция

(153% ВВП). Дефицит бюджета Италии по итогам 2024 года составил 72—73 млрд. долларов. А золотой резерв по состоянию на ноябрь 2025-го оценивается примерно в 300 млрд. долларов. Получается, что золотого резерва может хватить для закрытия бюджетного дефицита, как минимум, на четыре года. Мысль о том, чтобы задействовать для стабилизации финансового положения итальянского государства золотой резерв, не раз приходила политикам Италии. Тем более что с 1976 года (когда на Ямайской конференции был отменен золотодолларовый стандарт, а золото было разжаловано в обычный биржевой товар) золотой резерв Италии лежит без дела. Золото перестало быть инструментом денежно-кредитной политики, как это было в первые десятилетия после Бреттон-Вудса. Скоро уже будет полвека, как величина золотого резерва Италии замерла на отметке 2 452 тонны.

По крайней мере, уже двадцать последних лет в парламенте и в правительстве Италии поднимается вопрос о том, чтобы правительство могло задействовать золотой резерв, который находится на балансе центрального банка (Банка Италии), имеющего статус акционерного общества, естественно, «независимого от государства».

Последний мощный всплеск такой активности имел место в 2018—2019 гг., когда в парламенте Италии образовалась вроде бы критическая масса консервативных политиков, ратовавших за экономическое возрождение Италии и хотя бы частичное восстановление суверенитета республики от Брюсселя. В ноябре 2018 г. «народный избранник» Клаудио Борги, глава бюджетной комиссии палаты депутатов, представляющий «Лигу Севера», внёс в парламент законопроект, предусматривающий устранение «аномалии», а именно нахождения резервного золота на балансе Банка Италии. Оно, по его убеждению, должно перейти под непосредственное управление правительства.

11 февраля 2019 г. тогдашний вице-премьер правительства и министр внутренних дел Маттео Сальвини на пресс-конференции заявил, что правительство готово довести до логического конца решение проблемы золотого резерва. Он прямо сказал, что золотовалютные резервы страны принадлежат её гражданам, а не центробанку, в котором они хранятся. Это заявление было широко растиражировано итальянскими СМИ.

В апреле 2019 года группа депутатов парламента Италии от «Движения пяти звёзд» внесла на рассмотрение два взаимосвязанных законопроекта. Первый из них

предусматривал передачу золотого резерва Банка Италии правительству страны (конкретно Минфину). Второй — национализацию Банка Италии путём продажи акций, которые принадлежали частным банкам и другим частным организациям, итальянскому казначейству. Причём продажи по ценам 1930-х годов, когда они были приобретены.

«Золото принадлежит итальянцам, а не банкирам. Мы готовы сражаться везде и при необходимости выводить итальянцев на улицы», — сказала тогда Джорджия Мелони, лидер «Братьев Италии», правой оппозиционной партии, которая поддержала оба законопроекта. Казалось, оба законопроекта получали поддержку, по крайней мере, половины «народных избранников», но по причинам, которые в СМИ до конца не были объяснены, они так и не стали законами.

И вот спустя несколько лет, в 2025 году, в Италии возобновилась горячая дискуссия по золотому резерву республики. В самом конце ноября в итальянском сенате в ходе обсуждения бюджета на 2026 год опять вспомнили о золотом резерве. В закон о бюджете была предложена одна очень значимая поправка. Ее инициировал Лучио Малан, представитель партии «Братья Италии», входящей в правящую коалицию премьер-министра Джорджии Мелони (той самой, которая в 2019 году требовала национализации золотого резерва и Банка Италии). В упомянутой поправке было сказано, что «золотые запасы, находящиеся в ведении Банка Италии, принадлежат государству от имени итальянского народа».

Еще в 2018—2019 гг. в процесс подготовки двух законопроектов по национализации золотого резерва и центрального банка Италии вмешался Европейский центральный банк (ЕЦБ) и напомнил «народным избранникам», что указанные национализации находятся в непримиримом противоречии с нормами Европейского союза. Было сказано, что любые попытки поставить центральный банк под контроль государства «грозят дестабилизацией». Также чиновники ЕЦБ напомнили, что золото центрального банка может использоваться лишь как инструмент денежно-кредитной политики, но не становиться источником пополнения государственного бюджета. Своими предложениями по национализации золота и центробанка правые и консервативные политики Италии фактически ставили под сомнение всю финансовую архитектуру Европейского союза. Тогда Франкфурту-на Майне (штаб-квартира ЕЦБ) удалось подавить инакомыслие консервативных итальянцев.

Кстати, тогда президентом ЕЦБ был итальянец Марио Драги. Однако итальянцем он был только по месту рождения и по документам. Впрочем, с Италией его также связывало и то, что в 2005—2011 гг. он был управляющим Банка Италии. Но по духу и по послужному списку Марио Драги был космополитом на службе «хозяев денег». А потому для него национализация золотого резерва и центрального банка была страшной крамолой.

Вот и на этот раз ЕЦБ, возглавляемый Кристиной Лагард, моментально предупредил, что любое нарушение автономии центрального банка, например, в управлении золотыми резервами, будет несовместимо с договорами ЕС. На «народных избранников» в парламенте Италии было оказано давление. И в конце концов они отказались от данной инициативы. В новой редакции закона сказано, что золотой резерв принадлежит народу, а государство из нее убрали. Слова «принадлежит народу», «достояние народа» ни к чему особенно не обязывают, просто красивые фразы без юридических последствий.

А вот опасное слово «государство» из документа исчезло, чтобы у парламента и правительства не было искушения использовать золото для покрытия бюджетных расходов. В итальянских СМИ подобное послушание чиновников и политиков Рима расценили как признание того, что золотыми резервами (да и всеми международными резервами) Италии управляет ЕЦБ.

Конечно, история с золотым резервом Италии лишняя раз высветила истинную роль центрального банка, который абсолютно автономен от государства и подчиняется лишь каким-то наднациональным институтам. В случае с Банком Италии это Европейский центральный банк. Попытки некоторых других стран в ЕС хоть как-то поставить свои центральные банки под контроль государства были безуспешными.

В частности, в конце 2011 года в Венгрии по инициативе нового премьер-министра Виктора Орбана было изменено законодательство, регулирующее статус центрального банка Венгрии — MNB («Венгерский национальный банк»). Он должен был напрямую контролироваться правительством. В МВФ и ЕС всполошились. Они усмотрели в новом законодательстве угрозу тому, что страна может выйти из-под контроля «хозяев денег» (другое их название — «Финансовый интернационал»). Преобразование MNB на основании принятого закона предусматривалось провести до

конца марта 2012 года. Но в апреле 2012 года парламент был вынужден проголосовать за восстановление «независимости» Венгерского национального банка. «Хозяевам денег» быстро удалось подавить «бунт на корабле».

В мае 2012 года Виктор Орбан дал волю своим чувствам. Он в сердцах заявил: «Шайка бандитов, захватившая власть в Евросоюзе, занимается банальным порабощением всех, кого удаётся туда заманить! В Венгрии это поняли и пытаются спастись. Но международная финансовая мафия крепко держит венгров за горло...» Также можно вспомнить тогдашнее откровение Orbana: «С Венгрией обошлись, как с колонией».

Как мне кажется, с Италией в очередной раз обошлись точно так же, как с Венгрией в 2012 году. В заключение отмечу, что положение Италии как «колонии» «хозяев денег» дополнительно усугубляется тем, что золотой резерв Италии не очень подконтролен даже Банку Италии. Это только на бумаге значится, что на балансе Банка Италии находится 2 452 тонны драгоценного металла на сумму 300 млрд. долларов. А ведь на территории самой Италии хранится только 44,9% всего запаса золота в подвальных помещениях дворца Палаццо Кох на Виа Национале в Риме. Остальное — за пределами республики.

43,3% хранится за океаном, в Федеральном резервном банке Нью-Йорка на Манхэттене.

6,1% размещено в Швейцарии, в хранилище в Берне.

5,8% депонировано в Банке Англии в Лондоне.

Золотые резервы многих стран традиционно хранились не только на своих территориях, но также за рубежом. Преимущественно в Нью-Йорке, Швейцарии и Лондоне. Кое-что по мелочи в Париже и Брюсселе. Но последние примерно десять лет денежные власти многих стран стали потихоньку возвращать золото на родину. Понятно, что не без сопротивления со стороны стран-депозитариев (США, Швейцария и Англия). Так, Германия вернула на родину с 2013 года по август 2017 г. около 1710 тонн золота. Сейчас уже на территории Германии находится 50,3% всего немецкого золотого резерва. А вот у Италии всё еще более половины золотого резерва остается за рубежом. В отличие от Германии Италии до сих пор ничего вернуть не удалось. «Хозяева денег» цепко держатся за золото, которое только номинально принадлежит центральным банкам. А уж назвать его «достоянием народа» язык не поворачивается.

Анатолий ПОДОЛЬСКИЙ

ВЕРНОСТЬ ЛОВЕЛАСА

РАССКАЗ

В детстве бывал я в доме дедушки и бабушки, и мне позволяли иногда заходить в так называемую летнюю комнату. Это было неотапливаемое помещение, пристрой к основному дому, где хранилось много старых вещей. Моё внимание всегда привлекали книги, сложенные ровными стопками на старой резной этажерке. Книги старинные, с необычным шрифтом, в кожаных переплётах. Они были совсем не похожи на те книжки, которые я брал в сельской или школьной библиотеках. Как-то раз, вернувшись домой от дедушки и бабушки, я спросил отца, что за книги лежат в летней комнате. Отец, немного подумав и закулив самокрутку, рассказал мне историю о родственнике, которому мой отец приходился внучатым племянником, Дмитрие Павловиче.

Дмитрий был старшим из трёх сыновей у Павла Ивановича Подольского, и ему надлежало унаследовать основное поместье зажиточного отца-крестьянина, но Дмитрий не захотел оставаться в своей деревне, и когда ему исполнилось 14 лет, вместе с заезжими купцами отправился в Санкт-Петербург. Дело было в

ПРОЗА

конце 80-х годов XIX века. Трудно сказать, почему, но Павел Иванович, известный в округе своими патриархальными взглядами, отпустил старшего сына попытать счастья на чужой стороне. Более того, он сумел дать Дмитрию тот уровень образования, который был возможен для мальчиков того времени. Поэтому, прибыв в столицу российскую, Дмитрий не оказался не у дел, а был пристроен с помощью купеческих рекомендаций в лавку одного из предприимчивых торговцев. Жил он на постое в хозяйских хоромах и вскоре, благодаря своей природной смекалке и честолюбивым замыслам, зарекомендовал себя незаменимым работником, умевшим разговаривать вежливо и учтиво с покупателями, доброжелательно и уважительно с хозяином и его семейством. Дмитрий проявлял несвойственный его сословию вкус в одежде и, идя в город, одевался не как приказчик, а как господин. Учитывая, что черты лица его были тонкими, выразительными и нравились женщинам, а приобретённые манеры позволяли общаться с людьми высоких сословий, вскоре молодой человек стал бывать не только в театре и на обедах в купеческих семьях, куда его охотно приглашали как потенциального жениха, но также его можно было видеть и среди молодых людей из дворян, с которыми он охотно заводил знакомства. Ему нравились их манеры, образованность и определённое свободомыслие, которое всегда присутствует в кругах молодых образованных людей. Одним словом, когда Дмитрию исполнилось 22 года, он был не просто старшим приказчиком и распорядителем в одной из самых больших книжных лавок Санкт-Петербурга, жил в отдельной просторной комнате в центре города, он был ещё и успешным заядлым ловеласом. Вместе с компанией молодых людей он часто посещал различные вечера разночинного стиля.

К дамам в своих многочисленных и коротких романах он относился легко и непринуждённо, не обременял себя какими-либо обязательствами и всегда говорил, что непременно женится на богатой и обязательно красивой дворянке, перейдёт на государеву службу, выслужит дворянское звание и будет богат, уважаем и знаменит. Учитывая незаурядную личность Дмитрия, можно было предположить, что всё бы так и сложилось, если бы не его величество случай.

Однажды в опере Дмитрий увидел в одной из лож ослепительной красоты молодую женщину, окружённую тремя дамами и сопровождавшими их двумя офицерами.

— Даже не думай, — сказал ему Алексей Куранов, поручик, приятель Дмитрия, служивший в штабе, сидевший рядом с ним и знавший все любовные наклонности, завидные способности и амурные шалости Дмитрия. — Это молодая жена графа, генерала Разбросаева. Она даже в свете редко появляется. Больно ревнив генерал. Сейчас он с полками на полевых учениях. Вот Натали и приехала в оперу в окружении своих родственниц. По-другому нельзя.

— Но представить меня как-то можно? — стал горячо убеждать Дмитрий. — Или одну её встретить? Дальше я всё сделаю сам. В долгу не останусь. С меня — ящик шампанского.

— Ладно, — согласился Алексей. — Моя кузина Мария Граевская знакома с племянником генерала, бывает в их доме, и я тебе кое-что расскажу, но дай слово: я здесь не при чём.

Уже после спектакля, неспеша прогуливаясь по гранитной набережной Невы, где уже горели не только газовые, но и первые в России электрические фонари, Алексей рассказывал:

— Летом Натали почти всё время живёт не в Санкт-Петербурге, а в загородном доме, где полно слуг, нянек и мамок. Туда на карете часа полтора езды, верхом, конечно, быстрее.

В солнечные дни, перед обедом, она ходит купаться на небольшой пруд, расположенный в их поместье. Её всегда сопровождает многочисленная, исключительно женская свита.

— Почему только женская?

— В этом и секрет. Натали купается без ничего. В общем, голой.

Уже через два дня Дмитрий был на пруду возле загородного дома графа. День был жарким, солнечным, и он в тени густых зарослей на берегу пруда сидел тихо и незаметно. Женская процессия появилась неожиданно, хотя именно этого момента и ждал Дмитрий. Окружённая говорливыми няньками и тётками с зонтиками, Натали, в белом кружевном платье, подошла совсем близко к камышам, где прятался Дмитрий, сняла с помощью нянек платье, сорочку, и, оставшись без ничего, шагнула в воду. Этот шаг обнажённой прекрасной молодой женщины, решительно направившейся в чистоту озёрной глади, совершенно снёс голову молодому ловеласу. Он видел немало обнажённых дам, но, как правило, в их же женских будуарах или в его апартаментах. Но на фоне девственной

июльской природы изящная стройная фигура Натали показалась ему верхом совершенства, а её непринуждённое бесстыдство только усилило его влечение.

Натали плавала, наслаждаясь обволакивающей и ласкающей её тело прохладой воды, беспечно улыбаясь пению птиц и щебетанию тёток на берегу... Она смирилась с расписанной до мелочей жизнью замужней дамы, когда вышла замуж за статусного генерала. Мужа выбирал её отец, ещё более знатный дворянин, служивший при дворе и убедивший её выйти замуж за генерала Разбросаева. Якобы сделать это надо было во имя их рода, чистоты крови и чуть ли не ради отечества.

Натали была единственной дочерью в семье, она получила прекрасное образование в духе того времени, но даже выйдя замуж, оставалась такой романтической девушкой с мечтами и грёзами, о которых даже лучшим подругам рассказать нельзя.

Её любили родители, оберегали от всех невзгод, да и в новой семье её приняли как родную, позволяя некоторые капризы, как, например, купание в редкие жаркие дни.

Затаив дыхание, Дмитрий наблюдал, как Натали одевали няньки и как она, закрытая со всех сторон от солнца зонтиками, неторопливо удалялась от пруда.

Вечером дома Дмитрий сидел на диване, отказался от ужина и вдруг понял: ему сегодня не уснуть. Впервые в жизни он осознал, что не уснёт из-за женщины, не в объятиях страсти, а в думах и мечтах о прекрасной даме, покорившей его сердце. План созрел мгновенно, осенив его своей безрассудностью, но в этом и была основа его бесшабашной идеи.

Утром на службе хозяин, Кирилл Афанасьевич, спросил своего управляющего, чем он так опечален. Не случилось ли чего с родными в деревне? Дмитрий рассказал, что видел в театре молодую жену генерала Разбросаева и был поражён её красотой.

— Да ты, я смотрю, мечтатель! Не про тебя честь!

— Это почему же?

— Да потому что на такого, как ты, она и не посмотрит. Да и замужем она. По христианским законам большой грех мужу изменить.

— Это почему же не посмотрит? А если посмотрит? Давай на спор!

— Давай, — тоже разгорячился Кирилл Афанасьевич. — Где это видано, чтобы дворянка с простолюдином

связалась?! Добьёшься свидания с госпожой — забирай лавку. Отдам. А если нет, год без жалованья работать будешь. За еду. Вишь, что надумал. Я тебя образумлю!

Книжная лавка была не единственным доходом именитого купца, но стоила больших денег. Оба это знали. А потому спор был нешуточный, настоящий. Они ударили по рукам, и каждый занялся своим делом.

Вечером Дмитрий ещё и ещё раз прокручивал детали своего плана. Отступить было некуда.

Через день он верхом на лошади приехал к поместью графа, привязал поодаль коня и стал ждать процессию на пруд. Но он уже не прятался в зарослях, а находился в паре сотен метров от пруда, где обычно купалась графиня. Как только Натали отплыла подальше от берега, Дмитрий побежал к месту, где стояли мамки и няньки, и громко закричал:

— Пожар! Пожар! Господский дом горит, полыхает! Всё горит!

Няньки и мамки, приподняв свои юбки, с криками и шумом тотчас побежали к дому графа. Натали, неожиданно оставленная своей свитой, растерянно смотрела им вслед, и тут она увидела Дмитрия.

— Что случилось? Кто вы? — обеспокоенно спросила она.

— Простите меня, Наталья Андреевна. Это я отослал ваших нянек и девок.

— Зачем?

— Мне нужно с вами объясниться. Я влюблён в вас и не могу более молчать об этом.

Немного успокоенная таким оборотом, но всё ещё рассерженная, Натали улыбнулась снисходительно.

— Да позвольте же мне одеться. Отойдите в сторону.

— Да, конечно.

Пока Натали, раздосадованная и обескураженная, одевалась, Дмитрий, стоя за кустами, декламировал стихи. Голос у него был поставленный (в юности пел в церковном хоре), стихи он знал, любил их читать, а потому получилось всё экспромтом, но мило и романтично.

Дмитрий представился, рассказал, где он впервые увидел Натали и протянул ей новую, только что привезённую из Парижа книгу модного светского писателя.

Молодой человек неожиданно предстал в глазах графини не в виде бесцеремонного нахала, а как влюблённый романтик, герой её книг, грёз и мечтаний.

— Разве вы, Дмитрий, не могли использовать другие, более привычные способы для знакомства с дамой? — Натали всё ещё испытывала неловкость и смущение.

— Я хотел, я интересовался. Но вы живёте замкнуто, редко бываете в свете. Мне сказали, что представить меня вам — это просто невозможно.

— Люди нашего круга склонны к преувеличению. А вы действительно любите читать и знаете русских и европейских авторов? Сейчас так много новых имён в литературе. Что скажете о стихах святейшего князя? Представляете, член императорской семьи пишет лирические стихи. — Натали говорила беспрестанно, стараясь оправиться от смущения. Через несколько минут их разговора графиня встрепенулась:

— Мы не можем долго здесь находиться. Сейчас вернутся мои нянечки, и будет скандал. Уходите, Дмитрий. Нет, подождите!

У вас есть знакомые, которые представлены нашей семье?

— Да. Мария Граевская.

— Мы по четвергам принимаем. Передайте Марии, что она приглашена с вами.

Дальнейшие события развивались стремительно, по классической схеме: взаимный интерес молодых людей перерос в увлечение, увлечение в страсть и, спустя несколько недель, они стали любовниками.

Дмитрий был счастлив, всё реже бывал на светских мероприятиях и вечерах. Натали вся светила, была весела и приветлива с окружающими. Даже к своему суровому мужу она стала относиться не просто уважительно, но даже с какой-то теплотой и нежностью. Генерал, уверовавший, что жена его стала более к нему благосклонной, дарил ей подарки и драгоценности. И всем было хорошо и радостно. Но долго это длиться не могло.

Как-то неожиданно для Дмитрия Кирилл Афанасьевич напомнил ему об их споре.

— Я тебе, Дмитрий Павлович, жалованье исправно плачу. А, похоже, должен ты работать без содержания. Что молчишь? Сказать нечего?

Здесь бы Дмитрию принять простецкий и виноватый вид, объяснить хозяину, что погорячился он тогда, виноват, кается. И Кирилл Афанасьевич, скорее всего, посмеялся бы и простил своего управляющего. Но характер молодого человека не позволил сделать этого.

— Нет, содержание я не зря получаю. И спор я выиграл. Изумлённый купец аж дар речи потерял.

— А чего молчал?

— Так разговора больше на эту тему не было. В общем, лавка должна мне перейти. Уговор дороже денег.

Кириллу Афанасьевичу ничего не оставалось, как согласиться, но он потребовал доказательств.

— Кирилл Афанасьевич, побойтесь Бога! Неужели вы думаете, что я вас обманываю? В пятницу в четыре часа пополудни у нас с графиней свидание у неё в доме. Я в таких случаях незаметно прохожу через сад и чёрный ход. И видит меня только одна верная служанка.

Дмитрий почему-то сдвинул время назначенного свидания на целых два часа.

— Ладно. Я бумаги подготовлю. Слово своё сдержу, если всё так, как ты говоришь.

Кирилл Афанасьевич был человеком старой закалки, слово своё ценил, но вот так по-глупому, на спор, отдать лавку! Это было слишком.

В четверг вечером он написал записку и послал её с утра нарочным в штаб, недалеко от адмиралтейства, генералу Разбросаеву, где, как анонимный доброжелатель, сообщал о предстоящем свидании его жены с любовником.

В этот день Дмитрий в покоях Натали был как никогда нежен и растроган. Признавался в любви, смотрел в глаза и снова, как при первой встрече, читал стихи.

Два часа пролетели незаметно, и они уже собирались попрощаться, но неожиданно верная служанка Пелагея, единственная знавшая об амурных делах хозяйки, вбежала в комнату и сообщила, что генерал в доме и вот-вот нагрянет в покои графини. Натали не растерялась. Пригодился богатый запас сюжетов из книжных романов.

— Садись на корточки, пригнись, — сказала она любовнику.

И как только Дмитрий это сделал, уселась на него, как на стульчик, и широким веером юбок накрыла сверху молодого человека.

— А ты, Пелагея, книжку мне подай и сама рядом на стул садись.

Когда генерал вошёл в комнату, Натали, подняв голову от книги, спросила его:

— Вы, Владимир Константинович, уже без стука в женские покои входите? Да вы бледны. Здоровы ли? Не заставляйте нас переживать. А я вот книгу с обеда читаю. Рекомендую и вам.

Генерал был несколько смущён.

— Простите, графиня. А где же ваш гость?

— Какой гость? Вы же знаете, после обеда моё личное время: отдых, прогулки, чтение. Я в эти часы никого не принимаю. Право, вы сегодня странный.

Граф поцеловал жене ручку, попросил прощения за бестактность, вышел из дома, сел в карету и уехал.

Прощаясь с Дмитрием, Натали попросила:

— Нам надо быть осторожнее. Увидимся через неделю. Пелагея поможет тебе зайти и уйти незаметно.

Через день Дмитрий спросил Кирилла Афанасьевича о бумагах на лавку.

— Да готовы они почти. Я тебе дарственную оформляю. А как свидание прошло?

— Представляете, генерал приезжал. Но мы его перехитрили.

И Дмитрий рассказал, как он сидел под юбками графини.

— Что, теперь, наверное, туда ни ногой? Генерал-то ведь в Сибири сгноить может.

— Нет, Кирилл Афанасьевич. Охота пуще неволи. Больно мила мне Натали. Не смогу без неё. Через неделю снова у неё буду. Мы так договорились.

В четверг снова купец написал записку и снова нарочным с утра в пятницу послал генералу в штаб. Он подробно расписал, как жена одурачила генерала и где находился искуситель во время неожиданного визита графа в покои жены. Генерал был озадачен. С одной стороны, он не хотел выглядеть смешно, как в прошлый раз, ведь он не видел причин не доверять жене, с другой стороны, аноним писал убедительно.

В четыре часа пополудни он в сопровождении взвода всадников приехал к своему загородному дому.

— Окружите дом. Никого не выпускать. Всё обыскать. Кто найдёт постороннего или чужого — награда.

Сам граф вбежал в покои жены. Натали сидела на табуретке и читала. Генерал подошёл к ней, схватил, приподнял и стал шарить руками среди её многочисленных юбок.

— Что вы делаете, граф?

— Говорите, где он?

— Кто он? Помилуйте! Объяснитесь!

— У вас есть любовник. И я его найду.

Солдаты обыскали весь дом. Перепуганные слуги прятались по углам, но солдаты, надеясь на награду, каждого волокли к генералу и показывали. Генерал плевался и, наконец, немного успокоившись, снова зашёл к Натали. Но графиня не хотела слышать никаких извинений, плакала и грозила всё рассказать папеньке.

Обескураженный и рассерженный генерал вынужден был удалиться.

Через день лавка была передана от Кирилла Афанасьевича Дмитрию Павловичу, бумаги все оформлены и уже равные партнёры сидели за бутылкой французского вина.

— Так неужели генерал так ни о чём и не догадался? — спросил Кирилл Афанасьевич.

— Догадался. И ещё как! Весь дом солдаты перетрясли. Граф в юбках Натали меня искал. Только я в это время в сундуке, в его кабинете, прятался. В сундуке этом он ценные бумаги и деньги хранит. Сколько богатства! Едва я вместился. Натали меня купюрами присыпала, конечно, но если бы сундук открыли — конец мне.

— А дальше что будешь делать?

— Денег прикроплю. Дом построю. Натали говорит, жениться мне надо. Пока не до свиданий будет. Да и она встревожена. Но надо с ней попрощаться на время как положено. В пятницу через две недели тайком съезжу. Хотел в четверг официально ехать с Граевской к ним, но, чувствую, расстанемся надолго, хочу увидеться тет-а-тет.

В очередном послании генералу Кирилл Афанасьевич подробно описал, где находился любовник его жены во время тщательного обыска. И генерал решил раз и навсегда покончить с этой историей. Слух о том, что он устроил обыск в собственном доме, уже расходился по светским салонам, и ему светила слава рогоносца. Генерал мог стать посмешищем. Поэтому ещё накануне, незаметно, он увёз из загородного дома сундук с ценным содержимым, оружие, серебро и свой гардероб.

В пятницу после обеда дом был окружён двумя взводами солдат.

— Закройте все входы и выходы. Под окнами поставьте солдат, а теперь пусть вынесут всех животных, собак, кошек. Пусть выходят слуги.

Через единственный оставшийся выход после слуг вышли и все домашние.

— Теперь заколачивайте все окна и двери. И поджигайте дом.

Солдаты побежали исполнять приказ. Натали упала перед мужем на колени.

— Граф, вы совершаете опрометчивый поступок! Но если вы решили сжечь наш дом — пусть будет так. Прошу об одном: в доме иконостас византийский, привезённый моим отцом из последней военной кампании. Это не военный трофей, а священная церковная реликвия. Церковь нам не простит. И государь разгневается.

Генерал знал, на что способна Церковь, если дать ей повод быть заподозренным в бесовщине и дал команду солдатам:

— Вынесите иконостас.

Четверо солдат тотчас вытащили короб, обставленный древними иконами.

— Ружья наготове! Поджигай! — скомандовал генерал, и дом запылал.

Плачь слуг, няnek и мамок огласил округу.

— Замолчать! — крикнул генерал. — Кто взвизгнет, бить нагайками. Иначе не услышим крик супостата перед тем, как он живьём сгорит.

Сцена, что была сразу после пожара, впечатляла: вокруг пепелища стояли потрясённые люди, кто-то тихо плакал, кто-то крестился, но в большинстве своём стояли молча. А чуть погодя все домашние и слуги как-то тихо переезжали в большой дом в Петербурге. Дмитрий же затемно благополучно выбрался из иконостаса и тоже вскоре был у себя в квартире.

Через два дня к нему пришёл взволнованный Алексей.

— Дмитрий, тебе бежать надо.

— Зачем? Дом сгорел, никого не нашли. Натали чиста перед мужем. В чём меня могут обвинить?

— Граф оказался хитрее. Он приказал задержать последнего нарочного. Тот вчера на допросе назвал автора записок. Надеюсь, ты понимаешь, что Кирилл Афанасьевич о тебе сразу и всё расскажет. Не сегодня завтра тебя арестуют. По любому поводу. Заставят, например, Кирилла Афанасьевича донести, что ты угрозами забрал у него лавку, и сошлют в Сибирь. Бежать надо. Карета под окнами. Возьми самое необходимое. Карету с лошадьми оставь на первом постоялом дворе. Я потом заберу.

Дмитрий осознал всю серьёзность своего положения. Раздумывать было некогда. Погрузил вещи в экипаж, собрал две связки книг, наиболее дорогих ему, написал доверенность Алексею на управление имуществом.

— На штаб не пиши. Письма отсылай только на мой дом, что у Собора. В Петербург не суйся. Генерал не успокоится. А я с лавкой разберусь, и деньги тебе передам, найду способ. Не тужи. Ну и погуляю малость за твоё здоровье. Чай мне, как посреднику, не пожалеешь.

— Спасибо. Дай Бог свидимся. Кланяйся кузине своей Марии. Вот записка. Когда всё успокоится, и Натали снова будет бывать в свете, пусть ей передаст. Не поминай лихом. Отгулял, видно, я своё.

Друзья обнялись. Через несколько дней Дмитрий был уже в доме своего отца. Родные ахали, рассматривая его сюртуки из дорогого сукна, белые рубашки, кожаные сапоги и башмаки с бантиками. А когда Дмитрий продемонстрировал им большой чёрный зонт, красивую трость и дорогую шляпу, они и вовсе решили, что Дмитрий Павлович — настоящий барин.

Спустя какое-то время Дмитрий женился на девушке из соседней деревни. Деньги, вырученные от продажи книжной лавки, Алексей передал через знакомых купцов Дмитрию Павловичу. На эти деньги Дмитрием и его братьями Иваном и Александром была открыта сапожная мастерская, а потом и школа, где дети обучались не только грамоте, но и ремёслам.

Каждый год зимой, в розвальнях, с ног до головы укутанный в тулупы, Дмитрий Павлович уезжал на две недели в губернский город. Что он там делал и зачем ездил, он не рассказывал, но известно, что в те годы в городе открылись женские педагогические курсы, попечителем которых была графиня Наталья Андреевна из Петербурга. Зимой она всегда приезжала почти на месяц из столицы, причём не просто инспектировала новое учебное заведение, а всячески помогала тамошним девушкам-институткам. Дмитрий Павлович возвращался из города всегда с подарками, особенно для женской половины родственников.

Вскоре у Дмитрия и его жены Марины родилась дочка Евгения. Больших успехов в делах Дмитрий уже не достигал. Постепенно всю мастерскую он передал младшему брату Александру, а сам всё больше занимался школой. Так и остался он в памяти земляков щёголем, ходившим в перчатках, и тем, что все деревенские жители ждали лета, а Дмитрий Павлович всегда с нетерпением ожидал наступления зимы.

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

Игорь ДОНСКОЙ

РЫЖКА

РАССКАЗ

Осень. Нижний Дон, станица на Задонском тракте.
Сельская районная больница.
За окном идет дождь, третий с апреля месяца.
Пожилая нянечка моет полы. Больных почти никого,
время позднее. Так доктор хирург назначил. Занят он
сильно: и операции, и прием. Да и такие, как я, «случайные
пассажиры».

Нет возможности сейчас лечиться в госпитале, да и как
пацанам-ампутантам в глаза смотреть? Здоровый дед с
руками-ногами, и они, покалеченные в боях за Родину.

Мне стыдно. Вот и нашел через общих знакомых сильного
врача-хирурга, чтобы он сделал обезболивающий укол в
сустав. Сижу, жду, когда освободится доктор.

И вот тут появляется главный
герой моего рассказа: идет по
коридору, хромает, опираясь на
палку, и рука переломанная
торчит. Руку держит, как галка
скачет с перебитым крылом.
Мобилизованный сержант, артил-
лерист. Высокий, худой, с суро-

ПРОЗА

вым взглядом. Чем-то похож на волка, зажатого на дне балки охотниками. Который никогда не сдаётся живым. Подошел.

— Вы крайний к доктору, отец?

— Какой я крайний? Ты защитник Отечества и пораненный вдобавок. Вперед, сержант. Не спорь со старшим по званию.

На Дону еще работает базовая система уважения к старшим и военным.

— Спасибо, отец. Мы вот с Рыжкой, это кошка, на перевязку. Пораненные оба. Она осколок, предназначенный мне, на себя приняла.

Расстегнул целой левой рукой пуговицы защитной куртки. Высунулась рыжая мордочка кошки. Осторожно достал ее из-за пазухи. Левый глаз вытек, тело перебинтовано, нога правая задняя ампутирована. Сердце сжалось от боли. Одно дело, когда люди страдают, и совсем другое, когда беззащитная животинка.

— Нет сейчас толкового ветеринара в районе. В Батайск поехал в клинику, а там врач ни о чем. Могу, говорит, помазать зеленкой и усыпить. А толковый врач только в Егорлыкской, это далеко. Рука больная, за рулем машины находиться не могу. Вот доктор перевяжет сейчас и меня, и Рыжку. Эта Рыжка реально жизнь всей батарее спасла, заслуживает районной больницы.

Вот рассказ Сергея, как зовут моего станишника, слово в слово:

— Я призвался осенью 2022-го. Попал в артиллерию, еще срочную в ней служил. Дома жена, две дочери, родители. Хозяйство большое — быков на откорме держал. Хотя и работы много и тяжелая, жили хорошо, и материальный достаток был хороший. А тут война... Пошел без особой охоты — ну надо, значит, надо. У нас все мужчины в роду воевали. Дед — танкист, Прагу брал. Отец в Афганистане воевал. Вот и моя очередь пришла страну прикрыть собой от басурманов и нацистов.

Как я воевал? По-разному. И мы били, и мы потери несли. Тоска по семье, правда, всегда сильная. Но умереть в бою не боялся, лишь бы инвалидом не вернуться и в плен не попасть. Всегда гранату в кармане таскал. На всякий случай. И патроны рассыпью.

Это лето на Донбассе жаркое было, засуха и поля не засеянные. Вот и попёрли полёвки голодные в наш блиндаж. Грызут всё, портят, да и противно дюже.

Когда я собрался в ближайший тыл за продуктами, комбат поставил задачу — без кошки не возвращаться. Приказ есть приказ.

Ближний тыл недалеко — недавно освобожденный нами шахтерский поселок. А вот добыть кошку — проблема.

Обратился за помощью к местным товарищам. Они возле пивнушки околачиваются, на опохмелку стреляют. «Это, мил человек, проблематично, — ответили. — По ним нацики стреляли из автоматов, как по живым мишеням. Стрелковую подготовку улучшали, вот и выбили почти всех...»

Но тут один местный инициативу проявил: «Две полторашки самогона, а лучше деньгами, сам куплю. Рыжка зовут. Мышей и крыс ловит...»

Я согласился. Через полчаса он прибежал, запыхавшись. Сунул мне в руки коробку, взял деньги и исчез, как анчутка.

Открыл я коробку, а там кошка рыжая и четверо котят молоко у нее сосут. Маленькие, недавно глаза открыли. Один котенок — вылитая мать, такой же рыженький. Ну не выкидывать же... Но комбат даже похвалил, а старшина даже обрадовался, говорит — котята вырастут, бизнес откроем. Другим подразделениям в аренду сдавать будем.

Так Рыжка и стала хозяйкой блиндажа. За ночь с десятков мышей-полевок отлавливала. А через месяц произошел случай, для чего, наверно, и было главное предназначение Рыжки на этой грешной земле: всю ночь тревожно мяукала, спать мешала, а рано утром стала котят в зубах из блиндажа вытаскивать.

Комбат как увидел, скомандовал: «Все наверх, быстро!» Через пять минут — артналет. Кучно били. Три снаряда. Один прямо в блиндаж. Как она это всё учуяла?.. В общем, жизнью мы ей обязаны.

А через неделю мне в отпуск очередь подошла. Комбат и говорит: «Отвези Рыжку с котятами в тыл. Негоже животному рисковать на людской вражде. Не её это война, не её. Да и спасла она жизни личного состава батареи — обязаны мы ей. Пусть живет среди людей, а не здесь, на войне. Да, там котенок есть, ее копия, маленькая Рыжка, возьми ее домой. Как война закончится, семье отвезу. У меня маленькая дочь любит котят».

Рано утром пришла машина из бригады. Еще серо, рассвета нет. Это самое безопасное время. Стрелковые боеприпасы привезла. Сел в нее со всем кошачьим семейством. Рыжка за пазухой пригласилась. Котята — в коробке. Только не доехали мы.

Через пару километров птичка прилетела, начала кружить. На большой скорости машина стала лавировать и «схватила» обочину, а там мина. Германская, с датчиком. Немчура здорово научилась их делать. Не добили их деды в 1945-м. Вернее, не дали добить...

Очнулся уже в госпитале от визжащего голоса: «Эту рыжую тварь уберите, а раненого на стол, быстро! Кровью истечет!» Я нашел глазами толкового санитаря и говорю ему: «Ты, браток, о кошке позаботься, она мне жизнь спасла, а я тебя не забуду, отблагодарю по-царски». Они с фельдшером Рыжку с того света и вытащили.

Когда мне ее в палату принесли, прижал ее к груди и плакал, не стесняясь. Глаз у нее выбит, лапу ампутировали и несколько ребер удалили. Перевязанная вся, она мой осколок на себя приняла...

Оклемався я трошки в больничке, сделал документы на ранение и домой с Рыжкой приехал. Вот сейчас в отпуске после ранения...

В конце разговора Сергей, опустив глаза, сказал виновато и с дрожью в голосе:

— А котят больше нет. Комбат послал людей на место подрыва. «УАЗ» на боку лежит. И вороны коробку из-под котят расклеывают... Клювы в крови...

После процедур мы спустились вниз, обменялись номерами телефонов. Я обнял его по-отцовски на прощание:

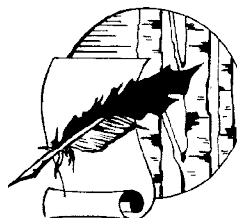
— Возвращайся, сержант, живой, с Победой!

— Вернусь.

Через какое-то время вдруг ночью — звонок:

— Дядя Игорь, это Сергей. Да, у меня нормально всё. Да, воюю. Радость у меня маленькая и горе. Котёнка Рыжку нашел живую и здоровую. Сейчас фото вышлю. На третий день после подрыва пацаны с рембата прибыли, с «УАЗа» двигатель с коробкой передач сняли и котёнка нашли: забился в моторный отсек, шипел и в руки не давался. Еле поймали. Это Рыжка маленькая была. Сейчас на ремонтной базе мышей ловит. Я приехал технику после ремонта забирать, а она меня увидела — и сразу на руки. Словно узнала... Необъяснимый случай. Я пацанам наказал беречь ее, как комбат просил. После войны отвезу его семье... На память... Капитан наш погиб...

Станица Кировская Ростовской обл.

Наталья ЕГОРОВА

МАМИНЫ ЦВЕТЫ

В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Солнце Оптиной. Охра и просинь
Среднерусских печальных равнин.
И таинственный старец Амвросий
Смотрит в душу из вечных глубин.

И опять нам, как жизни основы,
Открывает в священной тиши
Тайны вещего русского слова,
Неразгаданной русской души.

Здесь когда-то в страдание вселенском
Гоголь замысел пестовал свой,
В покаяние рыдал Достоевский,
О прощенье молился Толстой.

И любой, прикасавшийся к лире,
Долго видел небесные сны,
Что во всем, совершавшемся в мире,
Виноваты не кто-то, а мы.

Что любой припадал не однажды
К общей чаше побед и скорбей,
Что творит здесь историю каждый
Даже малою мыслью своей.

И повинное русское слово
Загоралось великим огнем,
И несло этот груз — не условно,
А реально — виновно во всем.

А потом, щебетанием птичьим
Разливаясь от света сего,
Побрели мы за отчим величьем,
Не узнавши о нем ничего.

Не принявши священного груза,
Потеряли мы дум высоту.
Заболела заблудшая Муза,
Не припавши навеки к Христу.

И за шумом других поколений
Не понять нам из шторма зыбей,
Что твердят нам великие тени
Из отмоленной дали своей.

* * *

Отведи меня, дедушка, в детство за белой горой
По тропинке из вечного снега, что лёг между нами.
Там летят рысаки в алых лентах сквозь парк городской,
И с лотков расписных бабы в шубах торгуют блинами.

Там дымят самовары. В аллеях стоят терема.
Праздник Русской зимы — и лепные фигуры из снега.
Там царевич и волк, а на ветке жар-птица сама.
И герой-космонавт рядом с пушкинским вещим Олегом.

Повернулся к концу с середины двадцатый наш век.
Сказка с космосом спорит в пространстве зимы небывалом.
Кто такое слепил? Кто раскрасил сияющий снег
Золотым, голубым, полыхающим синим и алым?!

Стар и мал — мы стоим, счет седым временам потеряв.
Два ребенка извечных — большие глаза проглядели!
Посмотри, посмотри, как веселый Петрушка лукав!
Как на печке летит, обгоняя ракету, Емеля!

Фонари среди хвой. Снегопад. Хорошо-хорошо.
А волшебный фонарь и в метель доведет до ночлега.
Где ты, дедушка? Поздно. Куда ты тихонько ушел
По аллее седой, по тропинке из вечного снега?

А с тобою ушел век двадцатый — кровавый наш век,
Век, разрушивший просто и заново создавший мифы.

А в столетье другом сам себя подменил человек —
Снежный сказочный ком не втащили на гору Сизифы!

А в столетье другом — одиноко замерзшей душе.
Нету Русской зимы. И в сугробы не прыгнешь с разбега.
Нету снежных фигур на оттаявшей черной меже
Пограничных времен. Да и нету почти уже снега.

Мне идти за тобой. Но еще я не верю тому.
Я играю еще на снегу у проталины черной.
Я еще запускаю снежок в лихолетье и тьму,
Неизвестно зачем покаясь мечте непокорной.

* * *

Когда приходит пушкинская осень,
По золоту стареющих аллей
Броди себе — никто с тебя не спросит
Кровавый ужас русских октябрей.

Не вспоминай, как белый Дом Советов
Горел, чернея окнами сквозь дым,
Как танки, будто бесы с того света,
Прицельно, жестко били по своим.

Как в злую полночь баржи-труповозки
Свозили трупы по Москве-реке,
Как, сына не найдя, надрывно, жестко
Кричала в тучи женщина в платке.

Под кленами охряными свободы
Просила: «Мне б сынка похоронить!»
И долгие отчаянные годы
Не знали мы — как можно дальше жить.

Как рушился в осеннем бездорожье
Весь мир под алым платом Покрова —
И нам казались гибельною ложью
Те пушкинские ясные слова.

Но, ничего не помня о расстрелах,
Горели клены над Москвой-рекой,
И мужичонка замечал несмело:
«Всегда на русских кладбищах покой».

И в кровь входило самым важным знанием
Сквозь черный пепел окаянных бурь
Осеннее очей очарованье —
Над охрою плывущая лазурь.

И повторяли рощицы и реки
Непонятую пушкинскую весть:
Всё в Небесах искуплено навеки —
Не важно *там* всё то, что было *здесь*.

* * *

Сто тысяч раз полюбишь и разлюбишь,
Вздыхнешь, облокотясь о край стола.
Уже такую вольною не будешь,
Как в юности невысказанной была.

А, в сад входя, смеющийся, весенний,
Вдруг с ясной неизбежностью поймешь,
Что жаль ломать бессмертные сирени
И жаль плодить бессмысленную ложь.

Что жаль глядеть на птенчиков и скворок
И жизнь мотать бездумно, на авось,
В ненужных спорах, в глупых разговорах,
Как будто всё давным-давно сбылось.

Как будто жизнь вернулась вдруг кручиной,
А юность между пальцев утекла.
Но что винить судьбу или мужчину,
Когда себя за годы не нашла.

И что дрожать над участью конечной,
Когда, мгновеньем каждым дорожа,
С простой и ясной нежностью сердечной
Всё принимает, радуясь, душа.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТАКСИСТ

Сигналил таксист и на красный летит в снегопад,
Презрев светофоры, руля сквозь проулки ночные.
Исчезли в снегу Александровский сад и Арбат,
Взирает Останкино оком недремлющим Вия.

— Аллю, вам такси?
Но никто его не вызывал!
Всегда возникает из вьюги без всякой причины.
А что он и кто он? В каких переделках бывал?
— Не знает никто! — Пожимают плечами мужчины.

Бандитам по пьяни в кровавой разборке помог,
Подбил пешехода, руля без ума и без правил,
Пугливую женщину в полночи не уберег,
Ребенка в снегу на пустынном проспекте оставил?

С тех пор по ночным переулкам пустынной Москвы
Такси-привидение вьюгой клубящейся мчится.
Увидишь однажды — тебе не сносить головы!
И все его знают. И всякий, как смерти, боится.

Сначала из ночи плывет нарастающий свист,
Потом возникает машина размытым виденьем —
И вьюгой сквозь город, сигнали, несется таксист
Последним коротким отчаянным предупреждением.

Горит виадук негасимым лиловым огнем.
В ночном снегопаде сияют витрины и лица.
Но зло торжествует безудержно ночью и днем
В бандитских разборках хлебнувшей свободы столицы.

И всё же нам верить в побасенки баб не с руки,
А кто он и что он — родная милиция знает!
«То совесть твоя!» — говорят сыновьям старики.
А поп молчаливый седой головою качает.

Но врач намекнул: «Это всё подсознание твое!
Из мира дневного ты вытеснил страхов причины
И помнить не хочешь». Но это, конечно, вранье.
— Какие там страхи! — Угрюмо вздыхают мужчины.

И всё же среди навалившего снега и льдов
За миг до беды по проулкам бессонной столицы
Машина проносится, не оставляя следов,
Гудит во всю полночь — и вьюгою далее мчится.

* * *

Лазарь, Лазарь, как ты встал из гроба,
Словно платье, примеряя плоть?
И о чем сквозь смертный лёд озноба
Повелел молчать тебе Господь?

Над волнами чайкой плачет горе
Всех людей за смертною чертой.
О твое молчанье бьется море
В губительной печали роковой.

Или ты хранишь свое молчанье,
Как язык миров, где слово — тишь?
Или, переполнен страшным знаньем,
Ужасом охваченный, молчишь?

А над морем неба цвет лазорев,
И сквозит небесный оком
Шумом гальки и молчаньем моря
В имени лазоревом твоём.

В этой жизни смертным нет исхода.
Но, как отблеск отшумевших бурь,
Ракушками, рыбою и йодом
Остро пахнет здешняя лазурь.

А над жизнью даль всегда туманна.
И над мертвой рыбиной, и над
Сгнившей лодкой — чайки и бакланы
Голосами ангелов кричат.

Утешают или же смеются
Над земными, зная жизнь и смерть.
Лазарь, Лазарь, больно ли — вернуться
Для того, чтоб снова умереть?

МАМИНЫ ЦВЕТЫ

В саду, разлившись влагой белопенной,
Под долгими дождями бытия
Соцветьями неведомой вселенной
Еще цветет гортензия твоя.

Ее ты посадила давним летом,
И гибельным прогнозам вопреки,
Цветы цветут особым сильным цветом,
К дождям и тучам выбросив ростки.

Уткнусь лицом в соцветья — мама, мама!
И по щекам накрапами дождей
Цветы погладят с нежностью упрямой —
Печальной дальней нежностью твоей.

И сразу — мамин запах, шорох платья,
Веселый мамин смех из темноты.
И невесомы мамины объятья,
И невесомы мамины цветы.

Спасибо за любовь и за прощанье,
За тихий свет среди земного зла,
За позднее короткое свиданье —
Моя печаль по-новому светла.

За то, что я когда-нибудь сумею,
В разлуке о потерянном скорбя,
Дочерней горькой нежностью своею
Сквозь бездну дотянуться до тебя.

* * *

Мешались в кронах птичий шум и гам.
Ползли в траве цветные арабески.
Я говорила с миром по душам,
Когда поговорить мне было не с кем.

Вот разве что услышат вихри туч
И резко потемневшая природа,
Когда ныряют сосны с желтых круч
В бурлящий, черный омут небосвода.

Вот разве дождь — секущий, проливной —
Прошел — и нет. И липнет к телу платье.
Вот разве синий сноп над головой.
Откуда появился — без понятия.

А мне казалось — блики на стволах,
Ромашки и плюща седые плети

Лепечут что-то важное впотьмах
И говорить научатся, как дети.

Они глядят, у тропок вставши в ряд,
И ждут с упорством, нам не представимым,
Когда же с ними вдруг заговорят,
А не пройдут, как прежде, молча мимо.

Мне чудилось, что нужно примирить
Лесов и трав мятущиеся души.
И я дожди учила говорить.
И я цветы учила жадно слушать.

И изменялась в кронах сосен речь.
И, тучам в шумных кронах не переча,
Я замолкала до грядущих встреч.
А дождь шумел в пространстве междуречья.

И впрямь — что толку возражать дождю
Или фиалке в брызгах рыжей хвои,
Когда они бормочут в даль твою
Лирическое что-то, дождевое?

* * *

Из нахлынувших противоречий
Ни исхода, ни выхода нет.
Никогда не мечтала о встрече —
Мы не виделись тысячу лет!

Повстречала в кафе у вокзала,
Растерялась — о чем говорить?
Никогда тебя не вспоминала —
Никогда не пыталась забыть.

Но, ладонью ладони касаясь,
Не скрываясь от прошлого — в лоб —
Говорим мы с тобою, сбиваясь,
Безрассудно, сумбурно, взахлеб.

Чем мы в юности давней горели,
Если так полыхнуло теперь,
Если этот огонь не сумели
Погасить даже годы потерь?

И зачем вдоль перрона и сада,
Вихрь черёмух неся за спиной,
Не скрывая счастливого взгляда,
Вновь идешь ты покорно за мной?

* * *

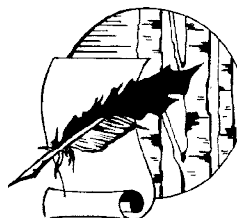
Ты мне мала, провинция моя,
Ты клеветою жалишь, как змея,
И за спиною сплетней шелестишь,
И за мечты и веру — крепко мстишь.

Ты клонишь в сон, ты вечно гнешь к земле,
Ты меришь по себе, и а не по мне,
Ты травишь, ты земной диктуешь путь,
Ты губишь на корню — не обессудь!

Когда земля уходит из-под ног,
Ты отдаешь последний свой кусок,
Про слёзы говоришь, что это дождь,
В глаза мне смотришь — и чего-то ждешь.

Ты мне мала, в тебе мне тесно жить.
Но я не знаю, как тебя вместить.

г. Смоленск

Татьяна ГРИБАНОВА

ЖУРАВЛИ НАД РУСЬЮ

* * *

По заре,
продрогшей и туманной,
растревожив чуткий сон земли,
расплескав тоску-печаль в бурьяны,
с родиной прощались журавли.

День вставал дымами в поднебесье
в позабытой Богом стороне...
Ни души,
лишь над октябрьской весью
клёкот птиц в бездонной вышине.

То листва с деревьев облетает?
Или сердце чует зов земли?..
Ну о чём?..
О ком опять рыдают
в небесах над Русью журавли?

* * *

Дороже не сыщешь на свете
земли, где родился и рос,
где в ситцах берёзовых ветер,
в марьянниках росных покос.

Черёмушник варом кипящий,
в нём дивный певун — соловей
и лунный, с щербинкой, калачик,
повисший меж тонких ветвей,

калиной пропахшие сени,
над речкой в три жердочки мост,
заросший простушкой-сиренью
с могилами предков погост,

и лик, что любовью лучится
со старой божницы твоей,
и храмовый крест золотистый
на луковках русских церквей,

отцовское вещее слово,
и с кружевом мамин сундук,
парное с краюхой ржаного,
с анисовкой стопочек стук,

и дух новолетнего сена,
которым заполнен чердак,
и рек полноводные вены,
журавок на зорьке косяк,

и воздуха — пей из ладоней,
во век не встречались вкусней,
и деда-солдата погоны,
что всех убеждений сильнее,

Серёжка-москвич с малой Бронной
и Витька-пацан с Маховой,
Алёшка, что машет колоннам,
спешащим на фронт СВО,

в рябиннике свист свиристелей,
в рубиновых ягодах снег,
и первые к Пасхе капли,
и свадебной тройки разбег,

к Покрову дожди проливные —
не ступишь подчас за порог...
Россия!
Россия...
Россия —
и первый твой шаг,
и предел всех дорог.

* * *

Со станции — мимо пруда,
просёлком полынным — на взгорье.
Былинный распев провода
ведут над расхристанным полем.

И день сиротливый, смурной
ветрами до капельки выжат.
Ракиток искарканных строй,
за ними — линиялые крыши.

Сейчас к городьбе поверну,
отца на подворье увижу...
И мама, я знаю, к окну
прильнёт,
и герань заколышет...

Бурьян — безпризорством густым.
Ни слова,
ни скрипа,
ни лая.
Лишь плач на ветру воротин...
Лишь память
без дна
и без края.

* * *

Хохочет и плачет, и стонет с высот,
и дождь проливенный три ночи, три дня,
и тучи иголкой серебряной шьёт,
ни зги за окном, на сто вёрст — ни огня,
но ты — за дождями! Ты любишь меня!

А я посреди океана стихий,
и память со мною не спит до зари,
и дни, и мгновенья слагая в стихи,
за наше невместе до боли корит,
и чудится: кто-то стоит у двери...

Пусть даже Вселенная ухнет во тьму,
пусть скажут, что шар над Землёю остыл,
волной захлестнёт всех Ковчегов корму,
и мир в тарары полетит на распыл,
я знаю: ты есть! Ты меня не забыл!

* * *

Едва слышны распевки петушинные,
в барашках небо, над ручьём слега,
петляет донником тропа низинная,
и сладко дышат свежие стога.

Июнь по-русски щедр, цветаст и звонок.
Спасаясь отчиной, взахлёб дышу.
Облитый маревом дрожит просёлок.
Иду, косынкой облаку машу.

Из чабреца, душицы, дикой вики
в покосах солнце стряпает меды.
И дождь грибной, и кружка земляники,
в пыли размокшей босые следы...

С годами в памяти сотрётся многое,
и ни себе, ни ей уж не помочь.
Но как забыть мне лето босоное,
тебя, стога и тот июньский дождь?

...Опять растаял ягодкою день.
Ну, да... Ничто не длится в мире вечно.
И жизни нет без перемен... измен...
Да и сама она так быстротечна.

* * *

Родные старые просёлки,
и свечи сосен вдоль обочин,
и в лужах облаков осколки,
и дробь дятла многоточьем.
Просёлки — сныть да подорожник,
суглинок, стёртый в блеск подковами...
На них века крошились в крошево,
в пыль придорожную половую.
Я им знакома по обличию —
ах, сколько вместе нами пройдено!
Пишу: про-сё-лок по привычке я,
рука сама выводит: ро-ди-на.

г. Орёл

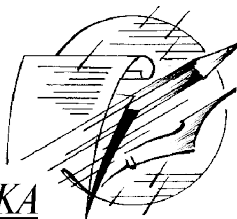
Сергей ФЕДОСЕЕВ

БОЛЬНЫЕ ГОЛОВЫ, ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ

28 марта 2025 года в Киево-Печерскую лавру прибыла комиссия из украинского Минкульта в сопровождении полиции. Рано утром, пока город спал, на территорию монастыря въехало несколько машин с правоохранителями, некоторые из них были с болгарками. Они срезали и заменили замки в дверях, ведущих в Ближние пещеры, и проникли внутрь. А вскоре та же судьба постигла и Дальние пещеры. Произошел фактический захват государством одной из самых почитаемых святынь православного мира — мощей Преподобных Киево-Печерских.

Журнал «Фома» от 19 августа 2025 года пишет, что сотрудники Национального заповедника «Киево-Печерская лавра» вынесли мощи святых из Ближних пещер Свято-Успенской Киево-Печерской лавры и произвели «непонятные действия» с ними.

«Возле Ближних пещер происходит какое-то непонятное действие со стороны музейного персонала. Раки мощей преподобных выложены на улицы. В них производят какие-то манипуляции работники заповедника.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Убираются своими руками, что-то сушат. Выглядит это дико, ужасно и пренебрежительно к нашим святым», — вторил Телеграм-канал «Фортеця (крепость) Лавра».

Все вышеуказанные события невольно наталкивают на вопрос: что происходит в головах тех, кто координирует такие действия? Какая идеология на территории бывшей СССР, ибо называть эту территорию и то, что на ней происходит сегодня, государством язык не поворачивается, поэтому используем аббревиатуру нам привычную, да и к тому же в современное время она обозначает скорее географию, нежели политику и историю.

Пристальное изучение тех конструктов, которые сегодня, как паразиты, опутали тело УПЦ на Украине, позволило выделить четыре главных источника.

Во-первых, это Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ); во-вторых, бандеровская светская идеология, которую часто переплетают с остальными тремя, но я склонен выделить ее в отдельный пункт; в-третьих, это Украинская автокефальная православная церковь или современная ПЦУ, и в-четвертых, неоязычество, которое на современной Украине особенно распространилось в так называемых нацбатах типа «Азова» (организация, запрещенная в РФ. — Ред.).

Сразу отметим, что подобные идеологии не имели бы места при здоровом обществе, поэтому в течение многих лет под заголовком мнимого успокоения в противопоставлении 1990-х России украинское общество постепенно толкали в пропасть нищеты.

Украинская греко-католическая церковь появилась на свет из связки греко-католической церкви и идей «украинства», которые стали набирать оборот в Галиции в конце XIX века.

Греко-католическая церковь в Галиции появляется на свет Брестским собором 1596 года, затем через поддержку светской властью Сигизмунда Третьего духовный орден «Васильян» постепенно вытесняет Православие, причем не стеснясь в средствах. Униаты придерживаются внешне православных обрядов в крещении, языке служб, но не отрицают «филиокве» и подчиняются папе римскому, поминая последнего на службах. Со стороны может показаться, что «униатская» церковь несла некий компромисс Православия и католичества, но это лишь при беглом взгляде. На самом деле эти земли не видели от униатов разве что костров инквизиции, а так порой доходило даже до разрывания могил непокорных священников и издевательства над их мощами.

Для ясности приведем отрывок газеты «Русский инвалид» за 13 декабря 1864 года: «Но что всего хуже и что составляет варварство и зверство выше вероятія, в томъ же Белорусском Полоцке тот же отступник, владыка полоцкій, чтобы досадить тамошним мещанам, приказал вырыть недавно похороненныя подле церкви христіанскія тела умерших и бросить их на съеденіе собакам, как какую падаль. О нечестіе! О невыносимая неволя!» Неправда ли, перекликается с современными плясками бесов в Киево-Печерской лавре?

Мотором для создания ордена «Васильян», который отвечал за насаждение унии в православных монастырях, послужили иезуиты, о деятельности которых легенды сложились по известной поговорке «Цель оправдывает средства».

Униаты сразу начали креститься в сторону католицизма, но процессы на Правобережной Украине были остановлены возвращением этих исконно русских земель в свою историческую праматерь в результате трех разделов Речи Посполитой и получили развитие лишь в Галиции, особенно с возрастанием там популярности идей насаждаемого украинства в конце XIX века: через ряд реформ греко-католическая церковь получила прилагательное «украинская» и нового вождя Андрея Шептицкого.

Личность Шептицкого — это личность классического «украинствующего» лидера. Он известен своими рассылками корреспонденту то Николаю Второму, то Францу Иосифу в Первую мировую, т.е. в зависимости от того, кто одерживал верх в боевых действиях, а апогеем стали два письма последовательно Гитлеру и Сталину. И в первом, и во втором случае лидер униатов восхищается мудрым гением вождя и выражает признательность, прося поддержки в построении Украинской державы.

Шептицкий в период между войнами покровительствует ОУН (организация, запрещенная в РФ. — Ред.), часто создавая католические «колпаки» для сокрытия молодежных пластуных лагерей, где готовили будущих боевиков украинского нацизма. Так, в 1931 году по благословению Шептицкого был создан Украинский католический союз (УКС), а молодежные структуры Украинского католического союза возглавлял один из будущих лидеров ОУН Андрей Мельник.

30 июня 1941 года, в день оккупации немцами Львова, бандеровцы провозгласили «Украинское государство» во главе с Ярославом Стецько. На следующий день появляется обращение к народу Шептицкого, одобдившего это

провозглашение и призвавшего народ к повиновению нацистам. Инициатор создания дивизии СС «Галичина» (запрещена в России. — Ред.) Владимир Кубийович получал одобрение на ее формирование также у Шептицкого.

Наследником митрополичьей кафедры, всех титулов и миссии Шептицкого стал Иосиф Слипый, которому предстояло окормлять униатскую эмиграцию, униатов в подполье, а затем запустить новый виток всё того же долгоиграющего украинского «антимоскальства».

В 1945 году Львовский собор запретил в Галиции униатскую церковь, и до 1989 года она пребывала в «экзиле» в Канаде.

УГКЦ была возрождена с подачи Горбачева в конце 80-х и сразу показала свой неонацистский нрав, в открытую захватывая православные храмы. В этом отличился и недавно напигованный свинцом Андрей Порубий, который весьма благоволил к униатству.

Сегодня в зоне СВО приходы греко-католической церкви после 2022 года, по сути, стали узлами связи для диверсантов, местом хранения и передачи оружия и взрывчатки.

До вооруженного переворота на Украине греко-католическая церковь практически не влияла на ситуацию в стране, но именно ее пасторы оказались в лидерах майдана.

Наиболее радикальные бандеровцы имели отношение именно к униатам. Будь то Парубий, будь то Тягнибок, будь то масса других персонажей. Кстати, одна из версий убийства Парубия — борьба за финансы между языческим «азовским движением» и сторонниками греко-католиков.

Второй столп — светская идеология украинского нацизма как общенациональная идея — прослеживается с «десяти заповедей украинца» Николая Михновского, лидера Украинской народной партии, националистической по духу, основанной в 1902 году. Да, они пока не называются «Декалогом», который будет сформулирован в конце 20-х Степаном Ленкавским, и пока еще в этих десяти заповедях, как в любой программе социалистических партий начала XX века, основной вопрос — социальный, но Михновский добавляет к социальному национальный, причем в самом широком смысле слова. Он представляет будущую нацию украинцев как нацию, угнетенную ляхами, москалями, жидами и многими другими.

«Декалог» же Степана Ленкавского, датируемый 1929 годом, создавался в несколько других условиях. Что же кардинально изменилось на политической карте за 25 лет?

Появилось государство, которое внешне провозгласило социальное равенство, — СССР, и, следовательно, надо было отрешиваться от того, что главная тема украинских националистических партий — вопрос социальный. Хочешь равенства — поезжай в СССР, как, кстати, сделал создатель украинской истории Михаил Грушевский, получивший в том же 1929 году звание академика в Киеве.

Надо было заменять конструкт, но чем? И вот именно в это время украинский нацизм делает шаг в сторону сакрализации политики. Термин «сакрализация политики» ввел итальянский историк, профессор Римского университета Ла Сапиенца Эмилио Джентиле в середине 1990-х. Сакрализация политики, по Джентиле, проявляется, когда некий политический организм (нация, раса, класс, партия) преобразуется в сакральную сущность, становясь неоспоримым и неприкосновенным. Иными словами, в конце 20-х под влиянием теоретиков французского интегрального национализма Морраса и итальянского фашизма украинский нацизм перешел на сторону мистики, что выразилось в работах его главных идеологов Дмитро Донцова в работе «Национализм» (1926) (экстремистский материал, распространение которого запрещено в РФ. — Ред.) и «Декалог» украинского националиста Степана Ленкавского (1929). В отличие от Десяти заповедей Михновского, «Декалог» просто брызжет националистической мистикой и призывами «отмщения за великих рыцарей».

Труд Донцова откровенно делит мир на святых угнетаемых украинцев, избранной Богом нации, и русских, «одержимых дьяволом» (цитата Донцова). Якобы украинский народ — избранный, он «создан из той глины, из какой Господь создает избранные народы». Естественное же состояние русских, заявляет Донцов в своей работе под характерным названием «Московский яд», «быть рабами настоящей силы». Донцов уточняет: «Сущность же этой одержимости заключается в стремлении поставить человеческое на место божеского». Таким образом, война между русскими и украинцами оказывается не только столкновением расы господ и расы рабов — оно приобретает метафизический, абсолютный характер.

В «Национализме» Донцов преследовал сразу две цели: оформление концепции украинского национализма и его размежевание с умеренным украинством. Таким образом, тема борьбы с так называемыми «чужинцами», которая была обозначена еще Михновским, принимает новый оборот.

Украинцев начали делить на «свидомых» и «несвидомых». Дальнейшее деление сего одноклеточного создания дойдет до того, что оно начнет пожирать своих, что будет особенно ярко видно в борьбе «бандеровцев» с «мельниковцами» накануне и в период Великой Отечественной, когда от рук «своих» же полягут идеологи Сциборский, Сеник и другие. Но до того, как «геройски» пасть от рук более «свидомых», Сциборский успеет написать два «труда» — «Нациократию» и конституцию «будущего» украинского государства, в которых попытается сгладить кровавый мистицизм Донцова и назовет фашизм лишь временным средством, но, по сути, будет проповедовать все тот же крайний нацизм и уничтожение русских в любой государственной форме.

Особая пагубность Москвы, по Сциборскому, заключается в «московском мессианстве», якобы являющемся «инстинктом носителей московской культуры» и ядром ее «патологической» духовности. Сциборский понимал, что русскому мессианству нужно противопоставить нечто соразмерное по идейной мощи.

Характерно, что уже после Второй мировой войны в эмиграции националист И. Лысяк-Рудницкий развивал идею об украинском мессианстве. Лысяк-Рудницкий понимал украинское мессианство как некое «гармоничное соединение восточных и западных культурных основ». При этом Лысяк-Рудницкий утверждал, что московское и польское мессианство — это краденое украинское мессианство. И. Лысяк-Рудницкий писал в статье «Национализм»: «Ближайших родственников украинского национализма следует искать не столько в немецком нацизме или итальянском фашизме — продуктах индустриальных и урбанизированных сообществ, сколько среди партий этого типа у аграрных, отсталых в экономическом отношении народов Восточной Европы: хорватских усташей, румынской Железной гвардии, словацких глинковцев».

Таким образом, идет прямая связь с хорватскими усташами, которые, как и палачи УПА (на территории России запрещена. — Ред.), работали в сербских лагерях по принципу «На серба пули жалко», устраивая соревнования по убийству ножом-сербосеком за ночь.

Однако украинский интегральный национализм не превратился в политическую религию в той же мере, как итальянский фашизм или немецкий национал-социализм. Не имела ОУН (на территории России запрещена. — Ред.) и явного лидера, претендующего на должность фюрера.

Кстати, именно этот момент и объясняет сейчас популярность Степана Бандеры и его раскрутку. Проще обращаться к мертвым ввиду отсутствия живых лидеров. Таким образом, мы видим, что со временем эта проблема не решилась и ныне.

Местом рождения современного украинского крайнего расового национализма является Львов. Именно там в 1988 году основана организация украинской молодежи «Наследие» (укр. «Спадщина»). На территории России запрещена. — Ред.). Первым программным документом организации стал «Декалог украинского националиста», переданный им бывшим бойцом УПА Михаилом Ветром.

В 1991 году «Спадщина» вошла в состав Социально-национальной партии Украины, позже переименованной во Всеукраинское объединение «Свобода» — главное движение украинского интегрального национализма.

Другим столпом СНПУ стала организация «Варта Руху» (т.е. «Охрана Руха» (движения) с лидерами, психологами по образованию, Юрием Криворучко и Ярославом Андрушківом.

Союз независимой украинской молодежи, благодаря инфильтрации украинских националистов во главе с Дмитрием Корчинским, стал организационной основой небезызвестной УНА-УНСО. Кроме УНА-УНСО, было Всеукраинское объединение «Тризуб», которое начинало свою деятельность как силовое крыло при Конгрессе украинских националистов, который, кстати, возглавляла долгое время правопреемница эмиграции ОУН(Б) пани Ярослава Стецько. Именно эти организации вышли как Правый сектор (на территории России запрещена. — Ред.) на майдан в 2014 году, потому что, даже несмотря на высокий градус национализма на Украине XXI века, они так и не смогли прийти к власти официально через выборы.

Если подвести итог, то знаменатель очевиден: и УГКЦ, и Украинский светский нацизм создавались со схожими целями — растащить и разрушить всё, что связано с русским православным миром в первом случае и просто со всем русским — во втором. Причем самое страшное, что даже своих сторонников украинский нацизм кидал в горнило жертвы только ради идей разрушения России, ничего не неся созидательного, и в этом страшная разрушительная сила этой идеологии и тупиковость современной Украины как государства.

Следующей составляющей новой украинской идеологии явилось то, что сейчас мы знаем как Православную Церковь

Украины (ПЦУ), а в исходном варианте она появляется в начале 1920-х как Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ).

С Февральской революции 1917 г. в украинской церковной среде уже набрали популярность националистические настроения. И одним из самых яростных идеологов этого течения был протоиерей Василий Липковский. Весной 1917 года он собрал единомышленников в «Братство воскресения» и начал продвигать идею Всеукраинского православного собора с целью учреждения независимой украинской Церкви, где службы и проповеди должны были проводиться на украинском языке, а епископами были бы только «этнические украинцы».

В 1920 году, после входа в Киев петлюровской армии, Всеукраинская православная Рада, временный орган для управления Церковью на Украине, провозгласила «считать Украинскую Православную Церковь освобожденной от московского превосходства — автокефальной и независимой» и объявила всех находящихся на Украине епископов врагами украинского народа за то, что они «пребывают в общении с Московской патриархией и Патриархом Московским и всея России Тихоном».

Но у «автокефалов» не было епископов, и на Первом всеукраинском православном церковном соборе, который «автокефалы» инициировали в октябре 1921 года, делегаты этого мероприятия пошли на беспрецедентный шаг: посвятили в епископы сами себя, чем отвергли один из самых главных постулатов Православия, закрепленных в Символе Веры — преемственность от апостолов, таким образом создав даже не ересь, а дешевый фарс в стиле скоморохов.

В 20-х годах советская власть в лице ОГПУ отнеслась к УАПЦ весьма благосклонно, что абсолютно не удивительно, ведь советские органы поддерживали любые религиозные структуры, которые играли бы на ослабление влияния Русской Церкви. То есть, как и УГКЦ, новосозданная организация устоялась только на одном главном принципе — принципе противопоставления Православию.

Но внезапная любовь большевиков и автокефалов быстро закончилась, и функционеры УАПЦ попали под репрессии. В 1935—1937 годах практически все «епископы» УАПЦ были либо ликвидированы, либо находились в ссылке. Василий Липковский был приговорен к расстрелу. Фактически к 1937 году в УАПЦ находилась только одна епархия в Канаде и США под управлением Иоанна (Теодоровича), хотя

тенденции к автокефалии и службам на украинском языке сохранились на польской Волыни, где также надо было разбавлять любыми путями доставшееся полякам в наследство Православие.

Под эгидой Организации украинских националистов (ОУН запрещена в РФ. — Ред.) во время Великой Отечественной войны на Волыни рождается еще одно крыло УАПЦ, в котором одну из главных должностей вскоре занял племянник Симона Петлюры Мстислав Скрыпник.

Функционеры УАПЦ в годы немецкой оккупации использовали методы террора для насильственной украинизации церковной жизни. Те из священников, кто отказывался служить на мове, поминать «героев украинской освободительной борьбы», а также отрекаться от Московской патриархии, попросту физически уничтожались. Часто вместе с семьями.

Особенно примечателен упоминаемый сразу в нескольких архивных документах «чин освящения ножей», который проводили клирики УАПЦ. Этими ножами украинские «повстанцы» резали всех, кто был им неугоден. При этом с такого ножа требовалось еще и ритуально стереть кровь убитого «врага Украины». Что до боли похоже на хорватских усташей, где нож-сербосек также был на уровне культового орудия. Отряды «резунов», участвовавшие в Волынской резне поляков, часто «благословлялись» подобными служителями культа автокефалов.

После войны «автокефалы» под руководством вышеупомянутого Скрыпника осели в Канаде и ждали случая для возвращения на «родину». Такое стало возможным, как только повеяло ветром перемен Горбачевской перестройки. Третье, финальное на текущий момент, «возрождение» УАПЦ началось на Украине в 1989 году, а уже весной 1993 года на Украине образовались два течения автокефалов во главе с Филаретом (Денисенко) и Мстиславом Скрыпником. Договориться между собой ввиду жадности и желания контролировать финансовые потоки пастыри не могли долго. После смерти уже очень пожилого на тот момент «патриарха» Мстислава канадские и американские епархии УАПЦ в 1995 году перешли под омофор Вселенского патриархата, но украинская часть УАПЦ просуществовала до 2018 года, где в рамках очередного «объединительного собора» УАПЦ объявила о «самороспуске» в связи с переходом в Православную церковь Украины (ПЦУ). Она, конечно, получила некий «томос об автокефалии», но по факту

является структурой, практически полностью контролируемой Вселенским патриархатом.

После государственного переворота на Украине в феврале 2014 года «киевский патриархат» активизировал агрессивные действия в отношении приходов УПЦ. В конце 2019 года управляющий делами УПЦ митрополит Бориспольский и Броварский Антоний (Паканич) заявил, что на Украине с 2014 года было возбуждено больше 250 уголовных дел по факту нападения на приходы и прихожан УПЦ. По его словам, добровольно в юрисдикцию ПЦУ перешло 78 приходов Украинской Православной Церкви. Еще 220 приходов были незаконно перерегистрированы и приписаны к ПЦУ, а около 100 храмов захвачено рейдерским способом.

20 августа 2024 года Верховная рада Украины приняла закон о запрете религиозных организаций, связанных с Россией. На основании этого документа может быть запрещена деятельность Украинской Православной Церкви. И, по последним сведениям, такой процесс уже инициирован в конце октября 2025 года.

Наконец, самой крайней, самой мистифицированной и абсурдной формой украинской идеологии является неоязычество. Еще украинский писатель Иван Франко в повести «Захар Беркут» (1882) о борьбе карпатских русинов с монголами высказывает положительное отношение к славянскому язычеству, вызванное общественно-политическими идеалами автора, приверженностью идее общинного строя, которому, по его убеждению, соответствует эта «свободная, чистая общинная религия». Франко рассказывает в повести некоторые мифы о восточнославянских богах неясного происхождения. При поддержке США в 2019 году снят фильм «Захар Беркут».

Пожалуй, самой неординарной личностью украинского неоязычества стал основатель учения РУНвиры Лев Силенко. Коллаборационист по сути, он перешел к гитлеровцам на службу после плена и, естественно, так же легко, как и все вожди украинского нацизма, предал хозяев, когда провал нацисткой Германии был очевиден. После окончания Великой Отечественной войны был интернирован американцами, затем перебрался в Канаду. В 1948 году сформулировал и опубликовал основы учения «Мага Віра». Написал историческую поэму с характерным названием «Гость из Храма предков», пронизанную ненавистью к христианской вере и к Иисусу Христу.

Корни «украинской цивилизации», по Силенко, ведут от трепольской и мезинской культуры. Если первой более 5 тыс.

лет до н.э., то второй свыше 8 тыс. лет, т.е. тут мы приближаемся к теме пресловутой ложки Черного моря ложками.

Отличие Силенко от классического язычества в том, что он проводит, так сказать, своеобразную реформу многобожия, выделяя главной фигурой Дажьбога. Кстати, недаром одна из операций по внедрению украинских националистов на территорию СССР называлась «Дажьбог». Этот «пророк» утверждал, что он гость из «вечности Дажбожьего света». О Дажьбоге, почитавшемся в Древней Руси как олицетворение Солнца, Силенко якобы слышал еще от своего деда и не допускал поклонения, к примеру, Перуну или Сварогу.

Первую общину Силенко зарегистрировал в Чикаго в 1966 году, а в 1978 году в штате Нью-Йорк был построен Соборный храм — «Святыня Матери Украины». Культовые сооружения почитателей Дажьбога оформлялись в духе украинской народной культуры с преобладанием «жовто-блакитных» цветов.

«Понятия «рая» и «ада» Силенко раскрывал, исходя из Библии. Говорил о земном рае, описанном в книге Бытия, и позиционировал его географически с территорией современной Украины», — отмечает исследователь из Варшавы А.П. Павлюк.

Л. Силенко вплетает в эту гремучую смесь и политическую мотивацию. По его словам, уже в I веке до н.э. существовала Украинская (Орианская) империя, которую покорить никто не мог — ни Дарий, ни Александр Македонский, ни римский император Траян.

С начала 1980-х годов неоязыческое учение Силенко начало пробивать себе дорогу и на Украину, где его последователи всё чаще апеллировали к «славной» эпохе самобытного язычества. Одной из первых об этом заявила основанная в 1990 году в Киеве националистическая газета «Слово», поместившая в одном из своих первых номеров интригующую рекламу книги Силенко «Мага Вира».

Ответвлением от неоязычества, проповедуемого Силенко, является так называемая неоязыческая община Украины «Православие» — пусть никого не вводит в заблуждение это название, ибо оно основано на т.н. «учении» о Яви и Правии. Возглавляет эту общину Галина Лозко.

Интересно, что с середины 90-х годов украинское неоязычество поддерживают различные светские организации, такие как, например, Союз писателей Украины,

которые в 1996 году провели конференцию, где звучал призыв: «Украинцы! Вперед к язычеству!»

Крайне правая структура, базирующаяся сегодня на Украине под флагом неоязычества, — это нацистский полк «Азов», возглавляемый «белым вождем» Андреем Билицким и окормлявшийся украинскими олигархами националистического толка.

Интересен достаточно сумбурный и противоречивый символический ряд «Азова». В нем присутствуют три основных элемента: рунический трезубец, вольфсангель (волчий крюк) и Черное солнце (внесен в Федеральный список экстремистских материалов. — Ред.). Верховный суд России признал украинский националистический батальон «Азов» (его символика ранее была признана экстремистской и запрещена) террористической организацией и запретил его деятельность на территории России.

Случаи использования вольфсангеля немецкими нацистами времен третьего рейха столь многочисленны, что не подлежат точному учету, но, несомненно, самым многозначным символом, используемым «азовским движением», является Черное солнце. Стоит отметить, что до «Азова» эту символику не использовала ни одна правая партия Украины. В «Азове» же она была представлена изначально, причем в качестве одного из основных элементов символики батальона. «Черным солнцем» называется и полковая газета «Азова».

Алексей Кочетков, автор книги «Черное солнце Украины», так описывает эту новоявленную символику: «До 1991 года «Черное солнце» было известно почти исключительно в неонацистских кругах и в политических структурах, целенаправленно борющихся с неонацизмом. Всё изменилось после выхода книги «Черное солнце Таши Лунпо». Именно в этом романе символика Черного солнца идентифицирована с изображением в замке Вевельсбург, после чего она становится знаменитой на весь мир. До этого даже сотрудники музея в Вевельсбурге не знали, как называется этот символ. После выхода книги мозаика из Вевельсбурга становится каноническим изображением Черного солнца. Книга Макклауда моментально стала культовой в ультраправых кругах. В апреле 1992 года роман был назван «Книгой месяца» в ультраправом журнале «Nation und Europa» и библией неонацистов».

Благодаря украинским нацистам эта символика стала популярна и на Украине. Ее можно встретить в самых

неожиданных местах. Так, например, можно увидеть, как под символикой Черного солнца фотографируются дети на фестивале ретроавтомобилей. Черное солнце становится элементом культуры тату.

Таким образом, переплетение различных, порой не связанных между собой символов наводит на мысль что батальон, а затем полк «Азов» создавался быстро и под конкретную цель. А сопоставив ряд событий в начале правления Зеленского, который, как мы помним, пришел к власти под девизом «Закончить кровавые обстрелы Донбасса!», можно с уверенностью сказать, что «Азов» контролировал события на востоке Украины, чтобы, не дай Бог, они пошли бы по другому, мирному сценарию. «Азов» играл роль гестапо, только подчинялся он кукловодам, стоящим далеко от украинских национальных интересов.

В среде украинских националистов нашлось место и для их российских коллег-неоязычников. Так, например, Иван Михеев (псевдоним Фриц) призвал к неоязыческой реконкисте, важнейшим условием которой должна стать политизация язычества, превращение его в реальную социально-политическую силу. Михеев — адепт Русской освободительной армии (РОА) Власова, а в 90-е состоял в известной российской националистической организации «Русское национальное единство» (РНЕ), которая также использует неоязыческую символику. На этой почве азовцы имеют точки соприкосновения с русским неоязычеством, что в современных условиях деидеологизации общества становится весьма опасной трясинкой для неокрепших умов молодежи.

Владимир ТАРАСОВ

ЗАЧЕМ ТЫ СПРОСИЛ?..

РАССКАЗ

...Мы говорим о том, что знаем,
и свидетельствуем о том, что видели...
(Иоанн: 3, 11)

Кто-то открыл дверь на крышу больницы и теперь, с высоты 9 этажа, нам прекрасно видно, как в небо каждого района Москвы взлетает гроздьями праздничный салют. Какая же она огромная — наша Москва! Куда ни кинь взгляд, всюду светящиеся шары — сегодня 40 лет Победы.

Мне 26, и я лежу вторую неделю в московском НИИ урологии в отделении у Горюнова. Камень из меня врачи удалили, значит, скоро на выписку. Все здешние порядки хорошо изучены — главное, не попадаться на глаза строгому академику Лопаткину, которого побаиваются врачи, и утром заправлять койку, как в армии, придёт с обходом доктор Крендель, обязательно сделает замечание, его побаиваются больные. А у меня всё наоборот, я с ними обоими в отличных отношениях, академик даже иногда разговаривает со мной, совершенно невероятный для больницы случай. Всё дело в операционном микроскопе фирмы «Сименс»...

ПРОЗА

Он сломался месяц назад, перестала двигаться вверх-вниз телескопическая колонна с окулярами, прикреплённая к потолку. Институт давно вызвал из Германии ремонтника, но он всё не едет... А в отделении, в полной тоске, лежат уже которую неделю жертвы перенесённого в детстве паротита, они не могут иметь детей — спайки семенных канатиков, их надо убрать под микроскопом, а он не работает. Люди приехали со всей страны, их не выгонишь, а койки по плану надо освобождать — в больнице создалась нервная обстановка. По слухам, там потекла гидравлика. Что-то толкнуло: «Ведь ты изучал гидравлику в училище, лежишь без дела который день, попробуй починить!» Сёстры, надев на меня бахилы и замотав белым халатом, как шарфом, впустили в операционную.

Два дня копался в шкафу управления и подъёмной штанге. Очень сложное заграничное устройство. Технической документации нет. Я разбираю механизм под потолком, и сверху, через застеклённую стену, вижу в соседней операционной академика, оперирующего на открытой почке, изредка покашливающего глазами на меня. После операции он зашёл, спросил, что делаю. Взгляд у него грозный, цепкий, речь не многословна, сказал только — «Ну-ну!» Но у меня ничего не получается, гидравлика работает нормально, значит, причина не в ней. А в электрике я ничего не смыслю... «Может, что с панелью управления?» Раскрыл её, перемкнул несколько соединений, в одной позиции механизм заработал, правда, вполтину медленнее, чем положено, но сбежавшиеся обрадованные врачи только замахали руками — «Ничего больше не трогай, не улучшай! Отлично! Можно работать!»

Академик при встрече в коридоре кивнул головой: «Молодец». А из-под его белого халата выглядывает звезда «Героя». Про меня не забыл, пришёл на мою операцию ассистировать хирургу. Я заметил, что он мало улыбается, всегда серьёзен и собран, даже не могу представить, как он смеётся. Так часто бывает с добряками — в молодости, для солидности, напустят на себя тумана, наденут маску строгости — да так и прирастают к ней навсегда... А с доктором Кренделем мы вообще оказались однополчанами, он в 1950-х служил срочную на Сахалине в посёлке Дачный, в котором потом служил и я, нам было о чём вспомнить...

После починки микроскопа отделение пришло в движение, забегали сёстры, на следующий день сразу несколько человек

уволокли на каталках. С какой же нескрываемой радостью жена моего соседа по палате забирала его домой и всё поторапливала. Так хотелось верить, что всё у них будет удачно...

Удивительный у нас народ. Создалось впечатление, что каждый мой сосед по палате — уникал. Небольшого росточка Марк, «потомок Иакова», которому в Подмоскovie интерны при операции аппендицита случайно удалили мочеточник, и теперь местные врачи ломают голову, что делать дальше... Ещё один больной, возрастом за восемьдесят, в юности видел самого Ленина...

— Да, видел Ленина в 1919 году, он выступал на Красной площади. Я потом выучился, и меня направили работать к Орджоникидзе в Наркомат тяжёлой промышленности, вот и трудился там всю жизнь.

— Чем занимались?

— «Дворцом Советов!» Для вас — сегодняшних, эти слова ни о чём не говорят, а для меня — целая эпоха! Вот вы знаете, что знаменитая «Магнитка» на Урале была фактически построена ради выплавки металла для свай и каркаса создаваемого дворца? Перед войной мы загнали в землю столько металла, что во время войны, когда многие металлургические заводы были потеряны, страна несколько лет жила на металле, который мы доставали из земли в самом центре Москвы, сейчас на том месте плавательный бассейн с тёплой водой...

Ещё два соседа — боевые лётчики-истребители времён войны, полковники-пенсионеры. Один, правда, продолжает работать дежурным в Главном штабе ВВС. Оба когда-то служили под началом Василия Сталина, только в разное время. Что-то тихо рассказывают друг другу о нём. Прислушался — они не просто перечисляют факты, а совместно ищут тот единственный критерий, которым можно было бы оценить совершенно бесшабашную храбрость сына вождя, не затрагивая ни количества его боевых вылетов, ни сбитых самолётов, ни командирских качеств, — и в конце концов находят его:

— Он единственный из полка летал в туман! А мы все сидели на земле! Взлететь-то ты взлетишь — куда садиться будешь? А он летал...

Вдруг в палату вбегает подросток, направленный из военкомата на обследование, и приносит удивительную весть:

— Яшина на «скорой» привезли!

— Это какого Яшина? Футболиста, что ли?

— Да!

А в коридоре уже слышалось шарканье ног множества людей.

— Расходитесь все по палатам, завтра придёте знакомиться, сейчас нам надо почечную колику снять!

Это Горюнов разгоняет больных по палатам. Его мы обычно совсем не видим. До глубокой ночи он сидит в своём кабинете и что-то пишет.

Поместили Яшина в двухместную палату, что через стенку от нас, одноместных просто нет. Вот повезло соседу! Утром стайки людей со всех этажей потянулись на наш этаж, но врачи встали в глухую оборону и до обеда к палате никого не подпускали. Только к вечеру мы смогли туда проникнуть.

Я далёк от спорта, никогда им не интересовался и ничего в нём не понимаю, поэтому не задаю никаких вопросов и не лезу вперёд, только смотрю во все глаза и запоминаю, что говорят другие. Яшину, видно, полегче, но всё равно тяжело, лежит, на лбу испарина... Но он приветлив с нами, рядом с кроватью стоят его костыли, на столе лежит чёрный протез — согнутая нога. Мы, одна молодёжь, не знаем, как начать разговор, смущены — перед нами такая величина. Лев Иванович тоже молчит, создалась неловкая обстановка... Он улыбается и спасает нас:

— Так спрашивайте, наконец! — стена сразу падает...

Как непозволительно мало в Интернете материалов о Яшине! А те, что есть, частенько не совпадают с тем, что я видел своими глазами каждый день в течение недели. «Курил до четырёх пачек сигарет в день!» Да, он курил, но не чаще, чем все окружающие. Сегодня мы знаем, что курение может привести к ампутации, а тогда народ — у него своя мудрость — сразу решил: «Ты постой в воротах, когда в тебя летят пушечные ядра — ноги обречены, голову бы спасти!» Первые дни в курилку его сопровождала стайка ребят, а уже через несколько дней, ведь люди быстро ко всему привыкают, вижу его, высоченного и худого, одиноко удаляющегося в конец коридора на костылях и одной ноге. Сердце сразу сжимается, разум почему-то выдаёт — «Одинок, как перст!»

Вы никогда не задумывались, как действует ваше подсознание? Как оно, само по себе, определяет, какой человек «свой», а какой «чужой», и выносит приговор? Мой сегодняшний сосед по дому — Яков Наумович, еврей, с которым мы постоянно при встречах пикируемся, —

«свой», хотя по всем параметрам должен быть «чужой»... Уговариваешь подсознание: «Ты посмотри на него — он еврей, сейчас это не модно, еврей не может быть другом русскому, он хитрый, он умный, он сам себе на уме — язва, не пьёт и не курит, в семьдесят лет продолжает работать, он следит за своим здоровьем, и вообще, он почему-то не эмигрировал в Израиль — это не к добру, у него даже пейсы хоть и не выросли, но уже начинают пробиваться — в общем, отвратительный тип!» Но сознание упёрлось — «Это свой!» А его жена, наша старшая по дому, громогласная Ленка, чистокровная русская, — «Чужая». «Ну как же так? Я её знаю с юности, знаю её родителей, работавших на заводе с моим отцом! Такого просто не может быть!» Но подсознание непреклонно — «Чужая!» Поугovarиваешь его, поугovarиваешь и плюнешь, отстанешь, знаешь — уже выучил — у подсознания стопроцентная точность. Так и с Яшиным. Оно тогда выдало: «Одинок, как перст!» Почему? Я начинаю мучиться этим...

Пишут, что любил рыбалку — возможно, но ни одного слова про рыбную ловлю от него не слышал. Когда его спрашивали, он отвечал — рассказывал и про Эйсебио, и про Гарринчи, про Англию, Мексику, Аргентину... Но это, когда его спрашивали другие. А сам? Чем сам он был полон? О поездках в какие страны ему самому хотелось рассказать? Только о Китае... Он, как «зачарованный», возвращался к нему вновь и вновь. Если кто-либо из ребят говорил: «Лев Иванович! Расскажите что-нибудь!», можно не загадывать — снова будет Китай. Как же так? Вся советская пропаганда настроена против Китая, я сам вижу этот Китай только в прорезь прицела. Через Амур их гора Баосяньшань, что в полосе ответственности нашего 155-го мотострелкового Облученского полка, в котором я служу старшим лейтенантом, на ней скрытый пост китайской разведки, и они тоже наблюдают за мной... Там враг! А Яшин расписывается в полнейшей любви к Поднебесной. Наверняка он объездил полмира и повидал немало стран, а в памяти держит впечатления, как минимум, 25-летней давности, ведь после разрыва отношений в 1960 году в Китай больше никто не ездил.

Сейчас, когда пишу эти строки, во мне возникли сомнения, я перерыл весь Интернет и не нашёл ни одного упоминания, что Яшин был в Китае, ни единого... Читатель, попробуйте и вы поискать!

Человек, сегодня пишущий от первого лица, называется у нас каким-то странным словом «эссеист», мне слышится

в нём что-то от пессимиста и ассенизатора. Классом он значительно ниже писателя — так, «нечто» в промежутке между вчерашним выпускником школы и сегодняшним абитуриентом Литературного института. Ведь писатель выдумывает — поэтому он величина! Мыслимое ли дело, если я про самого Льва Яшина буду что-то выдумывать! Я несу полную ответственность перед читателем за каждое яшинское слово, которое было им произнесено! Остаюсь эссеистом, очеркистом, публицистом, беллетристом и даже графоманом-блогером — кем хотите, но утверждаю, что Яшин в Китае был, это не моя выдумка!..

Вижу себя сидящим на стуле рядом с его кроватью и рассказывающим про его обожаемый Китай — который мне пришлось наблюдать на той стороне Амура. К городку Чаоян подплывает самоходная баржа с мукой, вывешиваются громкоговорители с ритмичной музыкой на два столба по концам пристани, откуда-то набегает толпа китайцев, которые снуют по сходням туда-сюда, как заведённые, таскают на спинах мешки и складывают их под навес. Три часа — и баржа уходит. У нас, если на соседнюю железнодорожную станцию придут полувагоны с углём для котельной или цистерны с горючим для полка, все начинают стоять на ушах: машины не запланированы, путёвок нет, командир отсутствует — уехал на полигон, водителей нет, людей с ломами долбить уголь — нет. Смешно — ломов нет! — плакать хочется, и такая нервотрёпка длится два дня, потом всё успокаивается до следующего аврала. А ведь каждый в полку видел, как работают китайцы — они что, из другого теста? У них по Амуру ходят и моторки, и баржи, мы видим их людей. Наш берег весь в колючей проволоке, вся хозяйственная деятельность запрещена, в пограничной зоне развелись зверьё и птицы. Яшин внимательно слушает и выносит свой вердикт:

— Всюду бардак!

По интонации голоса сразу представляю себе, сколько же он за свою жизнь повидал этого бардака...

Утро воскресенья, врачей нет, процедур нет — пустой день, к выписке не приближает, предстоит его тупо перетерпеть. Настроение у всех — так себе, слоняемся по отделению из угла в угол, как сонные мухи. Яшин, померив давление на посту и прочувствовав окружающую обстановку, машет нам рукой:

— Молодёжь, чего приуныли! Так дело не пойдёт, давайте организуемся и на кухне сварганим плов!

Вот это предложение! Сначала наступает отрицание — «Да разве мы справимся с таким сложным делом? Больные в больницах отродясь пловов не варили!» Потом принятие — «А давайте попробуем!» Зовём Узбека из соседней палаты, что недавно подписывал свой футбольный мяч — он в восторге от идеи, готов Яшина расцеловать!

— Я быстренько съезжу домой и привезу казан, рис и специи. Рис у меня особый, специально для плова, полтора часа туда и назад. А вы пока займитесь мясом, морковью, луком, чесноком и постным маслом.

Мы разделяемся, часть пойдёт в магазин за снедью, на меня легла покупка мяса. Те, кто после операций и не могут покинуть отделение, суют деньги.

— Я тоже в доле! Чая не покупайте, будет мой! — кричит нам вслед Яшин.

Надеваю спортивный костюм и бегу на Измайловский колхозный рынок за мясом, сегодня этого рынка нет, снесли. Прошло полдня. Человек двадцать собралось в столовой на этаже, что в конце коридора, сидят за сдвинутыми в ряд столами. Узбек и Яшин колдуют у плиты. Один стоит с полотенцем в руках, другой сидит на стуле и руководит процессом. Мы все только подошли, а они тут с самого начала готовки. Нам не терпится!

— Лев Иванович! Ну его, этот плов! Узбек доготовит, идите к нам, расскажите что-нибудь!

Яшин послушно идёт, но садится не во главу стола, а рядом с нами, в один ряд. Опять идут эти бесконечные «вопросы о Пеле» — чокнуться можно! Но Яшин словно не замечает наш допотопный уровень развития, обстоятельно, как для настоящих людей, в который раз высказывает свои мысли — вот терпение у человека!..

— «Пилов» готов!

Узбек раскладывает его по алюминиевым мискам. Мы начинаем стучать ложками. Яшин тоже ест и вдруг останавливается, подносит ложку к глазам, потом бросает удивлённый взгляд на своего товарища по готовке, Узбека, и с изумлением говорит:

— Сырой!

Взрыв хохота, нас всех трясёт, вместе с нами дребезжат оконные стёкла, прилетела с поста медсестра, подозрительно смотрит — не перепились ли. А нам смешно, Яшин гогочет вместе со всеми, один Узбек не смеётся, посматривает на свой казан, не может понять, почему блюдо, которое всегда получалось, в этот раз, может, важнейший в жизни,

не получилось? А это так легко объяснить. Глянь на электроплиты! Вон они, чудовища, выстроились в ряд вдоль стены. Три «блина» сверху, которые раскаляются до «красного каления», и пища на которых бывает только в двух состояниях — «ещё не готово» и «уже пепел». А вы с Яшиным решили «блеснуть», засунули казан в духовку... Да её дверцу в последний раз открывали, судя по паутине, ещё во времена Павла I.

Плов съеден. Каша как каша, да ещё с мясом, с морковкой — смолотили всё за милую душу.

— А сейчас самое главное, — возвещает Яшин. — Зелёный чай!

Он принёс его в большом бумажном кульке, как величайшую ценность, но заваривает в местной литровой стеклянной банке... Заваривает по-особенному, не кипящей водой, первую воду сливает... Мы опять в нетерпении, привыкли, что всё у нас быстро — срыву-сдёру. А он не спешит, приходится наблюдать за его колдовством.

— Я с Китая пристрастился к зелёному чаю, жизни без него не представляю. И способ заварки предпочитаю китайский.

— А где вы его сейчас достаете?

— Из Средней Азии друг присылает посылками...

Разливает чай по гранёным стаканам. Мы пробуем — горечь какая-то, но Яшина расстраивать никто не решается, все со знанием дела кивают головами.

— Ну вот! Я же говорил! Полный восторг!

— Лев Иванович, а не растёт ли этот «восторг» вдоль дорог, как жерделя у нас на Украине?

— Нет, он выращивает его в Ташкенте на своём участке.

Пишут, что «Яшин любил омары»... Я ни разу не видел его евшим даже колбасу, но зато множество раз видел, как он заваривал в стакане и пил свой любимый зелёный чай. Вот и решайте сами, что у него было любимым.

В столовую подтягиваются ещё люди, пришли даже с других этажей. Марк принёс свои шахматы, две группы принялись играть в «морской бой»... Яшин устал, его повели в палату. Вот и день прошёл — даже не заметили, думали, что намучаемся, а навеселились...

Природа всегда стремится к гармонии и равновесию, просто так она ничего не делает! Это какого громадного таланта должен быть человек, чтобы судьба уравнивала его талант многочисленными инсультами, инфарктами, ампутациями и раком? Нам из его списка и одной болезни

с лихвой хватит... Слава, наверное, долго кружила над страной, выискивая самого в ней не нуждающегося, самого не амбициозного, пока не выбрала именно Яшина. Находясь с ним рядом физически ощущаешь, что он не упивается славой, как некоторые в наше время, а несёт её, как груз, постоянно спрашивая себя и грызя: «А соответствую ли я ей?»

— Лев Иванович, а почему вы на протезе никогда не ходите?

— Да не могу к нему привыкнуть, он мне культю до крови натирает, с костылями как-то сподручней, обещали из Германии современный протез прислать, жду...

Отмотаем время немного назад. Прошло два дня, как Яшина привезли в больницу, а ещё никто из его родни не появился, и из друзей никто не пришёл — странно... Мы снуём между его палатой и своей. Кто-то говорит:

— Слушайте, а ведь Яшина надо подкармливать, он крупный, на больничной еде ноги протянет!

«Яшин голодает!» — разнеслось по этажам. Есть она на свете, всенародная любовь. Каждый считал своим долгом что-то принести. Жена моего соседа по палате, что будет потом поторапливать своего мужа домой, работница торговли, примчалась в свой обеденный перерыв с палкой настоящей финской колбасы «Саями». К вечеру Яшин взмолился:

— Ребята, сделайте так, чтобы больше еды не несли, мне этого за целую жизнь не съесть, врачи ругаться будут, скажут, что превратил палату в бакалейную лавку.

Но к нему и на следующий день никто не пришёл, врачи тоже ничего не знают, разводят руками... Спросил его:

— Лев Иванович, а где «Ваши»?

Его ответ так и несёт в себе. Он посмотрел мне в глаза каким-то мученическим взглядом и произнёс:

— Дочь в Дубне...

И я сразу о его жизни всё понял. И он тоже понял, что я всё понял... Подсознание тогда выдало — «Недолюбленный!», и мне становится его жалко во второй раз... Лев Иванович! Такое встречается в нашей жизни сплошь и рядом! Мы любим вас всей страной, хоть и догадываемся, что этого мало!

...Женишься на мягкой и шелковистой верёвке, а через 30 лет обнаружишь рядом с собой стальной канат, а ещё через тридцать лет — железный лом, толщиной в руку. Проклинаешь судьбу — чего ты мне подсунула, где та,

на которой я женился? А если посмотреть на себя с женской стороны? Каждый за собой никаких возрастных изменений не замечает, считает, что он самый лучший и пуп земли... И хода для мужчины назад, из лома в верёвку, нет, природа не предусмотрела — остекленел. Налицо конфликт. И уйти нельзя, ведь первоначально это был твой выбор, и оба вы женились по любви... А если сразу женился на стальном канате?... Совместная жизнь — сложная штука, особенно если к ней относиться ответственно... На всё воля случая... И что делать нам, мужикам, кому попадётся такая упряmica, которая даже признанного гения дома признавать не будет? «Подумаешь — Поэ-э-т! Вот я красивая!» А если у мужика характер мягкий, незлобивый, и он погружён в себя — таким всегда достаются жёны «ого-го»...

Вскорости кто-то из яшинской родни появился, в больнице ничего не скроешь, обязательно заметят и скажут — «К Яшину пришли!» Силюсь их вспомнить, знаю, что они точно приходили, но у меня ничего не получается, я их не видел, хотя и бегал по отделению с утра до ночи. А вот «друзья» так и не материализовались... Как много их оказалось на страницах газет и журналов спустя пять лет...

Зачем я тогда спросил его «где Ваши»? Мучаюсь этим всю жизнь... Какого ждал ответа? Ведь мне ещё до ответа было всё ясно...

— Ты хотел сделать Яшину больно?

— Нет.

— Ты понимал, что сделаешь больно?

— Да.

— Так зачем спросил?

— Подсознание, что ты ко мне пристало, в больнице сотни людей, наверняка кто-то из них тоже спрашивал!

— Ты спросил сознательно или бессознательно?

— Что-то меня подтолкнуло, скорее всего именно ты...

Ведь я спросил его о самом сокровенном, и он не отмолчался. Мне, фактически первому встречному, мальчишке, ответил так, как есть на самом деле... И я осознал, что Яшин не только выдающийся футболист — таким его преподносят стране. Но это всё вторично. В первую очередь, он великий человек! Ты же само мне тогда сказало — «Совесть нации!» Всё дело в сомнениях. Я не верил, что человек может быть настолько велик и что такой может находиться не где-то там, «наверху», а рядом со мной, могу прикоснуться к нему рукой, а другого способа проверки его величия просто не существовало. Он меня

переиграл. Вернее, он не играл, он был таков... Лев Иванович, простите!..

Великий, всенародно любимый, калибром — как Жуков и Гагарин, только вверх никуда не ушёл, так и остался среди нас, в народе — вон, лежит в соседней палате. Славу он получил только благодаря своему таланту, получил, можно сказать, в молодости и достойно пронёс её через всю свою жизнь, а это так трудно, стоит только посмотреть на «знаменитостей» нашего времени. И даже усекновение обоих ног его не сломило — стойк...

— Подсознание, зачем ты заставило меня написать про Яшина? И почему только сейчас, спустя 40 лет?

— В последнее время ты «зашатался», стал разувериваться в народе, в его способности порождать по-настоящему великих. И я напомнило тебе, что такие великие у твоего народа были. Одного из них ты видел своими глазами... Пусть такие, как Яшин, будут тебе опорой...

г. Ульяновск

Дмитрий ШИШКИН,
клирик Симферопольского храма Всех Святых

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

РАССКАЗ

Как обычно, в начале посещения госпиталя прохожу по палатам и напоминаю бойцам (а для кого-то и впервые говорю) о том, что есть при госпитале храм, и там можно свечку поставить, и записки написать, и просфорку с освящённой водицей взять, и иконку, и даже необходимые вещи: предметы гигиены, принесенные волонтерами, хранящиеся у нас в особом «закутке»... Но главное, конечно, то, что каждую среду в 9 часов здесь совершается молебен, а в субботу в 8 часов — Божественная литургия. Ну и каждый день, кроме четверга, с 10 до 12 дежурит в госпитале священник, так что можно и поисповедоваться, и причаститься, и окреститься, если кто не крещен...

Ну, вот так я прохожу, как обычно, по палатам, поднимаюсь на второй этаж... а там одна такая самая большая палата, собственно, коридор или даже зал проходной, весьма просторный и длинный, так что в нём приходится два, три раза останавливаться, потому что сразу и до всех не докричишься. И вот я стою, рассказываю что-то, и в какой-то

ПРОЗА

момент — подъезжает на кресле-каталке бледноватый такой и худощавый на вид боец (одна нога у него забинтована, а на руках — камуфляжные перчатки с «обрезанными пальцами»). Я сначала думал, что он прячет под ними следы от ранений, но нет, оказалось — просто такие перчатки... Может, как знак того, что боец в строю и на страже... Такой, в общем, боец непреходящий... (Позже я заметил, что некоторые бойцы действительно как бы невзначай, но явственно подчеркивают свою связь с «передком». Как бы дают понять, что они здесь временно, чуть ли ни случайно... А душою — там, со «своими»... У кого-то на голове залихватски нахлобученная набекрень «лыжная» шапочка разведчика, у кого-то — те самые «тактические» перчатки, про тельняшки я и не говорю...) Итак, боец в перчатках... На вид — пацан, лет двадцати пяти, не больше, но четкий... Константин Вячеславович, как он отрекомендовался чуть позже. И вот он прямо вклинивается бойко в мою речь. Что-то начинает не совсем в тему, но уверенно комментировать... Что-то говорит про Адама и Еву, об их отношениях между собой и с Богом и говорит уверенно, но я слышу — что-то невнятное рассказывает, какие-то, в лучшем случае, предания, а то и байки... Пытаюсь вслушаться, но что-то не очень могу понять, о чем он. Что-то об «обиде» Адама на Еву, что-то еще, не помню что, но что-то странное...

Улучив момент, тоже вклиниваюсь в его тираду и коротко, но, по возможности, точно говорю о том, каково происхождение первых людей, об их отношениях с Богом и между собой... о страшных последствиях их грехопадений (в том числе о войне, страданиях, смерти...) Паренек этот опять, едва ли не перебивая меня, но не агрессивно, а... скажем так, энергично... начинает тоже говорить о войне и опять я слышу эту старую песню, что это, мол, «там, наверху», решают между собой, а мы (то есть бойцы) здесь на земле молотим друг друга...

— А это же грех... грех, — полуспрашивает-полуутверждает боец. — Убивать ведь грех!.. — И он прямо, но просто, без какого-то ложного пафоса или сентиментальности смотрит в глаза и тут же всё так же бойко, но четко, уверенно начинает рассказывать и о себе:

— Я вот сам командир и понимаю, что напрасное убийство — грех... Я пленных брал... человек по двадцать зараз и ни один не был у меня убит. Грех. Я понимаю это... А сам я три недели в одиночку опорник защищал. Ну так получилось. Мы зашли, а тут нас артой накрыло, расфигачило

всё, и пацаны испугались... Просто убежали, и всё... Ну а меня присыпало слегка... Но я откопался и потом еще три недели отстреливался от наемников... с разных сторон, перебегал...

— А что же ты ел, пил?

— Ну, что нашел там... Но было и такое под конец, что ничего не было... Последнюю неделю вообще не ел ничего да и не пил почти. Но ничего, дал знать своим, и наши пришли, заняли всё же опорник этот, а меня эвакуировали.

— А на каком направлении воевал.

— Запорожское, как раз в районе Гуляйполя... Ну это крайнее... А так, где только не был. С 23 года воюю...

— Контрактник?

— Ну, сейчас все контрактники. А так, вообще — доброволец...

— Как там «на передке» обстановка. Наши вроде продавливают? — оптимистически спрашиваю я.

— Да как сказать, — отвечает он, но опять же безо всякого пессимизма, а просто, по-деловому, как бы констатируя факт. — Я бы не сказал, что всё так вот прям однозначно. Но мы эту войну закончим. Думаю, в этом году. Победа будет за нами!.. А так — небо их. Просто дофигища всего...

— Ты имеешь в виду «птичек»?

— Ну да, коптеры, дроны... Да и не только. Вертушки поднимаются, как только позицию занимаем, и долбят так, что только ховайся. И «хоботы» лезут (танки, как я понял), и арта 155 мм. И тяжелые дроны особенно по ночам — это самое стрёмное. «Баба-яга», ну ты слышал, наверное, она же или «гээмку» тащит (противотанковую мину) или шесть обычных мин. Но в любом случае это штука серьезная, особенно ночью. Но мы и их сбиваем, «ночники» (приборы ночного видения) есть, всё нормально. Воюем... Слушай, отец, — резко переключается он на другую тему, — а как бы это всё освятить? — И он достает из-под рубахи на двух бечевках целое «ожерелье» — два крестика простых, две иконки (не смог рассмотреть, кого именно), но тут же и пуля (причем отстрелянная, может, из него же извлеченная) и еще почему-то монета в пять рублей... с дырочкой. (Жаль не успел спросить — она-то зачем). Но взял я только одну из бечевек — с крестом и иконкой и сказал, что сейчас спущусь в храм, освящу, и принесу...

— Да нет, я сам сейчас спущусь... Записку хочу написать, чтобы ты помолился...

— А удобно ли тебе будет?.. — говорю я, имея в виду ногу его и коляску.

— Не вопрос. Не-не, я спущусь, — настаивает он и ясно становится, что спорить бессмысленно. Спустится, раз решил. И в этом чувствуется характер.

Я прошел еще по оставшимся палатам, спустился в храм... И вот уже через несколько минут, слышу — возня какая-то у входа. Оказывается, Константин уже подрядил кого-то из срочников, и они его спустили на первый этаж, подкатили к храму. Но коляску он оставил за порогом, а сам на одной ноге, прыгая, вошел в храм и продолжил рассказывать о себе:

— Это у меня четвертое уже ранение... Прежние пулевые были...

Он тут же показывает на бедре два белых, заросших уже «звездчатых» рубца от входного и выходного отверстия и такие же следы от другого ранения — на руке.

— Кость не задело?

— Нет, слава Богу... Я ведь сам с Дальнего Востока. У меня мама — врач, жена — на десять лет меня старше, у нее трое детей от первого брака, своих у меня пока нет... Ну да ничего, будут...

Говорит он много и быстро, но уверенно и четко... Видно, что энергия в нем от природы бьет ключом, но к ней прибавилась уже и такая... командирская жилка, что ли... Когда человеку приходится моментально реагировать на самые неожиданные и нетривиальные ситуации, принимать решения и доводить задуманное до конца. Но общаться с ним непросто, потому что он не только ведь о себе говорит и о фронтовых делах, но и о вере, а здесь видно, что хоть он и искренне верующий человек, но многое не узнано и не вычитано им как следует, а, видимо, додумано «от ветру головы своя», а может, и услышано обрывками от кого попало. Во всяком случае приходится его кое-где поправлять. Он не спорит, слушает внимательно, но сказанное не обдумывает долго, а тут же в обычной своей торопливой манере начинает развивать свою мысль, сопрягая ее, впрочем, с услышанным, так что мы, слава Богу, находим консенсус.

Он рассказывает, что представлен к ордену Мужества и показывает мне с гордостью копию какого-то «Суворовского письма» благодарности, отправленного его матери, и видно, как это для него важно. Ну и отдельно демонстрирует характеристику от командования. В ней он отмечен с самых лучших сторон и упоминается как командир расчета ПТУРа. На это он опять же в обычной своей энергичной манере

разъясняет, что это последняя (или «крайняя», как здесь любят говорить) по времени специализация, отчасти и потому, что это дело денежное...

Я догадываюсь, что речь идет о выплатах за подбитую технику.

— Ну да. Точно... — подтверждает он.

— Дома давно не был?

— Давненько... Ну, вот сейчас, может, дадут отпуск на реабилитацию.

— Тоже пулевое? — спрашиваю, кивая на забинтованную ногу.

— Нет, на этот раз осколочное. Три осколка зашло, один, правда, в кость воткнулся. Ну да ничего, я его там же в окопе и вытащил.

— Да как же это? Без наркоста!

— Ну да, — говорит он просто, как о чем-то само собой разумеющемся. — Ножом прорезал и плоскогубцами вытащил... Слава Богу, инструменты были в опорнике...

Я смотрю на него и понимаю, что он не врет, но и лицо у него в этот момент... изумительное... То есть на нем именно ничего «особенного» не написано, мол, вот такая фигня случилась, понимаешь, осколок в кость воткнулся, так что пришлось взять его и плоскогубцами вытащить. Ну и всё...

— Сейчас, может, и домой съезжу, а потом обратно, без вариантов. Я пока с пацанами своими флаг России в Вашингтоне не разверну, не успокоюсь.

— Ты ведь крещеный, православный? — на всякий случай уточняю я.

— Конечно. И крещеный и православный. У меня тетка в прокуратуре работает, а в свободное время в храме поет и прислуживает даже. Вот такая история.

Пока я ходил в алтарь за епитрахилью и водой для освящения — он отодвинул стул, перебрался в нашу волонтерскую зону и «с головой» залез в какой-то пакет с принесенными вещами. И вот — вытаскивает оттуда энергично тапки, причем, одни, другие... Меряет, потом перескакивает на одной своей ноге дальше и начинает также уверенно, бойко вытаскивать и вытаскивать, прикидывать на себя, откладывая какие-то вещи: футболки, кофты, толстовки какие-то, приговаривая:

— О, это отлично, это подойдет, вот хорошая кофта. Правда ведь... подойдет... А как же, я, батюшка, чистоту люблю!.. Чтобы опрятно было всё и в порядке... Так что вот так... А вообще-то я человек мирный. Никого не обижу напрасно.

Знаю, что это грех... И дома вот так же живу... никого не обижаю, ну, разве что кто-то уж прямо ноздри свои сунет в дом, тогда уже и получит по полной. А так... Наше дело правое, верно ведь?

— Верно.

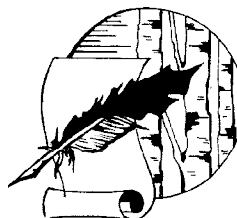
— И победа будет за нами.

Набрав кучу вещей и пояснив, что он не для себя их только набрал, но и для других бойцов, Константин взял благословение и, тут же переключившись, командным голосом вызвал из коридора проходящих по нему срочников, чтобы они помогли поднять наверх и вещи и его самого с коляской.

На том мы и простились душевно.

Вот так мы и воюем... Обыкновенно, можно сказать. И я скажу: уж лучше было бы нас не трогать, а просто договориться по-мирному... И было бы всем хорошо. Не захотели... А теперь... Если уж двинулась Русь, если уверовала, что надо идти до конца, то будет идти, и ничто нас не остановит, пока не добьемся своего. Почему? Да потому что не мы это начали... И кто бы чего ни кричал сейчас, Бог-то всё видит...

И чует сердце мое — будет Украина русской. Или даже так — исконно русской...

Сергей АНТИПОВ

СКРИПИТ КОЛЕСО ЗОДИАКА...

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ

Прости, но мне пока нельзя открыться,
И сжечь, как в сказке, лягушачью кожу:
Я прячу крылья — раненая птица,
До времени покой твой не тревожа...
Я знаю, что безудержно теряю
Мгновения, что «там» длиною в вечность,
Но сам решил быстрее пройти по краю
Короткою дорогой в бесконечность...
Мой чай почти остыл в любимой чашке,
Он чёрный, словно год, что растворится,
Как снега склеротические бляшки
В артериях дорог родной столицы.
Холодный пью, глотая боль и слёзы:
Так много нужно здесь ещё исправить,
Вдохнуть стихи в седую душу прозы,
А после и открыться, и восславить...
Взлететь с тобой, разбуженной ветрами,
Над миром, обновлённым в одночасье,
И повторить всё то, что было с нами
И здесь, и там творя простое счастье!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Отдышалось вечернее небо
После шумного знойного дня,
И ласкает прохладная нега
Опалённого жизнью меня.

Сигарета и чашечка кофе —
Мой недолгий уютный покой,
Да на небе седеющий профиль —
Отраженье юдоли земной.
Облака — словно шифр поднебесья,
Словно выдохи древних богов,
Посылают мне добрые вести:
Ты готов, ты готов, ты готов...
И поверив таинственным знакам,
За любимых молюсь в этот час,
И скрипит колесо зодиака,
Колеи добавляя для нас!

ДУШЕЛОВ

Голодным рокотом моторов
Рычит бетонный Душелов —
Как древний демон, жадный город
Всё новых жертв пожрать готов.
В пустых неоновых глазницах
Холодный inferнальный свет:
Здесь можно запросто забыться
На час, на день или навек...
Здесь сеть домов, антенн, а выше
Раскинул сети Душелов:
Он ни за что не даст услышать
От Неба самых главных Слов.
В его ловушке даже время
Замкнулось в жуткую петлю,
Где ты давно уже «не с теми»,
Где вряд ли ждут твоё «люблю»...

СМЕРТЬ ДОЖДЯ

Сизыми тучами стелется колющий дождь...
Воздух к земле прибывает звенящая дрожь.
В танце дождинок рисует родные черты
сердце, в котором живёшь, несравненная ты!
Капли сползают к груди водостоками щёк:
кашель над сердцем, огонь, электрический ток.

Шёпот шагов усыпляет холодный подъезд,
сложенный зонтик в углу — то ли меч, то ли крест...
Муза промокшим котёнком забила в гортань,
всё исцарапала, хрипло кричу: перестань.
Угли на сердце стыдливо краснеют в золе,
дождь умирает туманом на влажной земле.
Снова вдыхаю распахнутой грудью озон,
небо светлеет в палитре раскрытых окон.
Огненный шар оплавляется в олове туч,
угли мои ворошит кочергой яркий луч.
Сердце пылает огнём первородным опять,
всех исцеляет искрящая в нём благодать.
В час пробужденья и ты его нежно коснись:
в этом наш Путь в настоящую вечную Жизнь!

ВРЕМЯ

Сходим с ума: то ли я, то ли мир?
Или же — оба разом?
Мыслям своим тут я не командир —
Чей же тогда мой разум?
Слушаю сердце в пустой тишине —
Оголодавшим зверем,
Гаснут слова, вместе с ними во мне
Вдруг умирает время.
Вдруг понимаю, что я здесь чужой,
И чужаки снаружи,
Что потерялся мой мир дорогой
Или того похуже...
Вкуса не чувствую, запахов нет —
Словно программы стёрли,
Всюду какой-то искусственный свет,
Голос скрежещет в горле...
Как отыскать мне дорогу домой?
Вряд ли один тут справлюсь,
В сонмище взглядов увидел родной —
Светишь, моя ты радость!
Вместе отыщем своих и вернём
Наш мир и наше время —
Время, трубящее новый подъём,
Новый виток творенья!

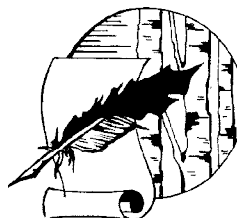
МОЯ ТЕНЬ

Мне не нужно ни ада, ни рая:
от мельканья устали глаза,
Здесь меня, тень моя дорогая,
не пугают ни дождь, ни гроза.
Не пугают ни смерть, ни болезни,
ни кладбищенское воронье,
Мы в такую реальность залезли,
где реально лишь имя своё.
Остальное всё — как пожелаешь:
тут, в краю занебесных полей
Ты крылата, похоже, одна лишь:
тень моя — королева теней!
Каждый взмах твоих пепельных крыльев
ловит толпы ходячих слепцов,
Вечно спящих и этим бессильных,
горделивых живых мертвецов.
Мы за ними с тобой наблюдаем
в невечерней святой тишине,
Не печалься, моя ты родная —
есть и те, кто не спит в этом сне.
Ради них наше тут послушанье,
и игра среброликих теней,
Ради них строят новое зданье
целых семь восхитительных дней...

МОЙ БОГ

Воют ветры точно трубы, гнут деревья в тетику.
Витя, дворник однозубый, давит прелую листву.
Он ругает непогоду, вспоминая чью-то мать,
А под небом хороводит птичья ангельская рать:
Кружат весело и дивно — злые ветры нипочём,
Улыбаюсь им призывно — знаю всех наперечёт.
Витя шепчет:
«Вот ты странный, ветер шпарит — морду прячь!»
Эх, эксперт ты мой диванный, знал бы ты, что за печать
Птичья стайка охраняет, сберегая наш мирок,
Где Любовь моя земная свила светлый уголок...
Хлоп в ладоши — ветер тише, птички радостно журчат:
Улыбаются Мытищам весь крылатый наш отряд!
Растворились словно сливки в чашке неба облака —
Это Ты, мой Бог, с улыбкой держишь мир в своих руках!

г. Москва

Владимир АРХИПОВ

ГОЛОС ОТЦА

РУБЛЮ ДРОВА

Рублю дрова у дома под окном.
Когда топор с рукой летит, сверкая,
Я рассекаю жаркое бревно
И небо голубое рассекаю!
Росло-крепчалю дерево в бору.
Приют давало облакам и птицам.
Но срок пришёл — из печки поутру
От стужи отогреть родные лица.
Сжигала жизнь, как дерево, меня.
Душа от мук не углилась — светлела.
Я двух детишек вынес из огня.
А вот страна...
Страна в огне сгорела! —
Такая боль!
Как будто нынче сам
Не топором, а молнией расколот.
И даже мой поклон родным местам
Не может растопить знобящий холод.
Угрюмые заходят земляки.
Афонин сын, как прежде, называют.
Мол, тот, кто ударяется в стихи,
Деревню никогда не забывает.
Деревня! Ты держись, не умирай!
Спасибо, что меня не забываешь!
Ответь, ответь, целебный отчий край, —
Как прежде, почему не исцеляешь?
О, вятские! Они святым — сродни!
Они всегда с надеждой в чудо жили.
К концу столетья поняли они —
Влачить нужду придётся до могилы.

На сенокосе и в вечерней мгле
Ни песен, ни гармоник не слышно.
Да есть ли справедливость на земле?
И видит ли страдания Всевышний?
Проходит лето. Падает в закат.
Я боль глушу молитвой и работой.
Поленницы на солнышке горят,
Как пчёлами сработанные соты.
Я все познал: предательство и смерть!
Но ни одной я клятвы не нарушил.
Смогу ли я, как дерево, согреть
Хотя б одну остывшую душу?

СЛЫШУ ГОЛОС ОТЦА...

Здравствуй, речка Коса —
озорная краса!
Я приехал как раз к сенокосу!
Не слышны голоса,
не сверкает коса
На твоих замечательных плёсах.
Подоспела трава. Ждёт хозяйской руки.
Ходят волны зелёные, ропщут.
— Где, деревня родная, твои мужики?
— На покое, в берёзовой роще.
Сколько было в округе моей деревень —
Как на веточке ягод-смородин!
А сегодня от них —
лишь щемящая тень.
Как без них опустела природа!
Деревенька моя!
Хлопотливой пчелой
Ты веками державу кормила.
А теперь, что ни дом —
сатанинский разбой.
Как кресты, над бурьяном стропила.
Здесь рожали детей.
Здесь встречали весну.
Жили праведно, весело, бедно.
Со слезами и песней ушли на войну
И домой возвратились с Победой.
Не взяла нас орда.
Не взяла немчура.

Отстояли и душу и пашню.
Но Россию пустили в распыл шулера,
Что не строят, не сеют, не пашут.
Словно хищников стая, они — упыри —
Землю кровью людской оросили.
Это — их сенокос!
От зари до зари
Косят древнюю славу России.
Слышу голос отца:
— Припозднился, сынок!
Наши косы давно заржавели.
Освежайся водой, доставай оселок
И скорей принимайся за дело!
— Так и будет, отец!
Отступать — не дано.
Горизонт набухает багрово...
Здесь — моё Куликово! И Бо-ро-ди-но!
Здесь — моё первородное слово!
Безмятежным телком мне уже не бывать!
Так завещано мне от рожденья,
Чтобы род палачей схоронить и предать
Не траве — а пучине забвенья!
Как нелёгок мой путь!
Горек жизни венец!
Пусть, как травы, подкосятся беды!
Ты когда-то дошёл
до Рейхстага, отец,
А смогу ль я
Дойти до Победы?

СКАЗ О РУССКОЙ ПЕЧКЕ (Отрывок из поэмы)

Я слышу: колотится сердце,
Стихает солдатская речь.
Увидели мы под Донецком
Сгоревшую русскую печь.

Враги, как могли, огрызались.
Ушли, но спалили село.
Но русская печка, казалось,
Хранит вековое тепло.

От горя она почернела
И треснула пополам —
Мол, я для враждебного тела
Тепло никогда не отдам.

Качается почва от взрывов,
Как будто проходит экспресс.
Зарос вездесущей крапивой
Прошитый осколками лес.

А печка — как скорбная свечка,
И чувств моих нежный накал.
Я печку, родимую печку,
Как маму свою, обнимал.

Лесное, далёкое детство.
Я силушкой в детстве окреп.
А печка — возможность согреться,
Она — и здоровье, и хлеб!

Я помню донбасское лето.
Цветами сражён наповал,
Я вместе с бригадой поэтов
Стихи горнякам посвящал.

Улыбчивый Ваня Савельев,
Старшинов — поэт, фронтовик.
И каждый на деле поверил:
Донецк и красив, и велик!

Сегодня февральская стужа:
Мороз — аж под тридцать один.
Мой Игорь разведчиком служит,
Уходит в разведку мой сын.

За сына я нынче спокоен —
Спортсмен и отличный стрелок.
Он — русский, классический воин —
От печки шагнул за порог...

От северной, вятской, родимой,
Что греет в суровом краю.
Сегодня во вражеском дыме
Я в сыне себя узнаю...

СИЛА ГЕНИЯ — В СЕРДЦЕБИЕНИИ

Сколько радости мне отпущено —
Я на Вятке, в колхозе Пушкина!

Край родимый, лесистый, северный.
Нет прекрасней его!.. Наверное.

Ох, и мудрые люди в деревне —
В земляки пригласили гения!

Люди Вятки — люди без промаха.
Вот он встал, постамент, в черёмухах.

День рожденья — в июне-месяце.
Здесь поют, а порой и крестятся.

Это наши сердца открытые
Стали песнями и молитвами.

Вся деревня в цветочном облаке.
Манит Пушкин стихом и обликом.

Вся Россия — страна поэзии —
О рождении Пушкина грезил.

Он для жизни и счастья народного —
Словно нивушка плодородная.

Скажем прямо, отринув косность:
Пушкин — наш поэтический космос!

У России, на родине гения,
Поэтическое сердцебиение!

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД В ЯКУТИЮ

Блещет стужею даль открытая.
Подтянулся и замер лес.
Но рабочий гудок Беркакита
Расколол тишину окрест.
Наши лица куржак окутал.
В наших жилах — горячий гуд.

Открывай, королева Якутия,
Кладовую угля и руд!
Ветер шалый. Шаги над бездною.
А под бездною — мерзлота.
Но ложилась дорога железная
На ладонь Станового хребта.
Позади — Золотинка, Нагорная.
Впереди — километры трубят.
Мы растили рельсы упорно,
Может быть, мы растили себя?
Юность, юность!
Где стрелы просек,
Где таёжная стыла мгла,
Твоя сила, как корни сосен,
В земляные пласты вросла!
Всё нам снится гудок рабочий!
Рановато нам на погост!
На земле мы колючки топчем,
А глазами касаемся звёзд!
Доброты кладовая — безмолвна.
К ней бы рельсы да новый путь!
Чтобы поездом юности,
Как застёжкой на молнии,
Грудь земли —
распахнуть!

г. Краснодар

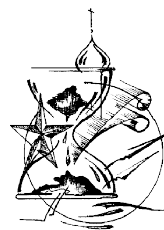
Валерий ГАБРУСЕНКО

РОССИЯ И ПРИБАЛТИКА

Не делай добра — не получишь зла.
Русская пословица

Прибалтика — это Литва, Латвия и Эстония, бывшие республики бывшего СССР. Население первой — около 3 млн. чел., второй — 1,87 млн., третьей — 1,37 млн. До Второй мировой войны их пренебрежительно называли лимитрофами — мелкими пограничными государствами, как бы по недоразумению встрявшими между Россией и Европой; государствами, пограничными между русской и романо-германской цивилизациями, не относящимися ни к той, ни к другой, и не имеющими своей. Сейчас в российских СМИ их высокопарно-торжественно именуют странами Балтии (правда, пока ещё не державами). Широкую известность они приобрели, однако, не какими-то выдающимися достижениями, а необыкновенной злобой и ненавистью к России, в чём превзошли даже Польшу, многовекового заклятого врага нашей страны.

Неужели Россия принесла им столько несчастий и страданий, что и спустя 35 лет они не могут их забыть? Чтобы разобраться в этом, нужно вспомнить историю наших взаимоотношений.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Литва среди них — самое старое государство. В середине XIII века один из племенных князей Миндовг в успешной борьбе с другими князьями объединил литвинов, жемайтов, ятвягов, куршей и земгалов, говорящих на родственных языках, провозгласил себя великим князем и положил основание Великому княжеству Литовскому. Воспользовавшись погромом Руси, учинённом татаро-монголами, литовские князья начали активно прибирать к рукам русские земли и увеличили свою территорию почти в 15 раз, захватив на востоке Вязьму, Мценск, Курск; на западе, у границ с Польшей и Венгрией, — Владимиро-Волынское и Галицкое княжества; на юге — Чернигов, Киев и весь Днепр до самого устья. Отстоять независимость сумели только Новгородское да Псковское княжества, организовавшие успешный отпор Литве. В XIV — начале XV вв. литовские князья предпринимали попытки присоединить и Москву, но тоже получили отпор. Захват продолжался до 1462 года, и Литва стала державой «от моря до моря», пока в Москве не начал править князь Иван III Великий, который повернул процесс в обратную сторону.

Поскольку русские составляли подавляющую часть населения Великого княжества Литовского, то русский язык стал официальным, к тому же у литовцев и письменности-то не было — появилась она только в XVI веке. Это учитывалось и в неофициальных названиях — была Русь Московская и была Русь Литовская. Жить бы дальше и процветать этому огромному государству, многократно более мощному, чем Московская Русь (да и не все русские земли были взяты силой, некоторые вошли в Литву и без сопротивления, спасаясь от Орды), если бы литовские князья не сделали две глупости.

Первую совершил князь Ягайло, не послушавший совета своей матери, тверской княжны Юлиании, жениться на дочери московского князя Дмитрия Донского и принять православие. По совету немецких рыцарей соседнего Ливонского ордена он заключил в 1385 г. с Польшей Кревскую унию, во исполнение которой женился на польской королевне, сам по совместительству стал польским королем, принял католичество (до этого литовцы в массе своей были язычниками) и обязался крестить всю Литву по католическому образцу. В государстве, где море населения было православным, это была мина замедленного действия под княжеским троном. И не удивительно, что после 8-ми русско-литовских войн к Московской Руси к середине XVI

века вернулась почти половина территории Великого княжества Литовского.

Вторая глупость — заключение в 1569 г. Люблинской унии с созданием объединённого польско-литовского государства — Речи Посполитой. Эта глупость была следствием первой: Литва не выдерживала натиска возрождавшейся православной Руси и нуждалась в мощном союзнике. В результате Польша начала быстро ополячивать и поглощать Литву и довела религиозно-национальный гнёт русского населения до критической отметки. С того времени о Литве, как о самостоятельном государстве, вспоминали всё реже, а под Речью Посполитой подразумевали одну Польшу, хотя титул великого князя Литовского номинально сохранялся.

Остальное известно. В 1795 г. при Екатерине II был произведён 3-й раздел Речи Посполитой (ее, как говорят юмористы, помножили на ноль), коренная Литва и все бывшие русские княжества вошли в состав Российской Империи (коренную Польшу Россия не тронула, та была поделена между Австрией и Пруссией).

Мирного сожительства, однако, не получилось. Реальная власть в Северо-Западном крае (шесть губерний с белорусско-литовским населением) принадлежала полякам. Господствующим языком там был польский, а господствующей религией — католицизм. Литовские крестьяне, как и белорусские, находились под ужасающим гнетом польской шляхты. Ополяченное же литовское дворянство поддержало агрессию Наполеона в 1812 году и активно участвовало в польских восстаниях в 1830—1831 и в 1863—1864 годах (кстати, абсолютно не поддержанных народными массами, которым при русских царях стало жить намного лучше, чем при польских королях). В ответ русское правительство начало проводить политику деполонизации и русификации. Особенно решительно действовал назначенный генерал-губернатором граф М.Н. Муравьев, который *«невзирая на свои 66 лет от роду, работал до 18 часов в сутки, принимая доклады с 5 часов утра. Не выходя из своего кабинета, он управлял 6-ю губерниями; и ещё как искусно управлял!»* (о нем см.: «МГ», 2022, №1-2, с. 210—214).

Бурное развитие российского капитализма в 1860—1870-е гг. Литву (в ее состав не входил портовый Мемель — Клайпеда — с большой областью, который тогда принадлежал Пруссии, а не России) затронуло мало. Крупных предприятий там почти не создавали, потому и русское

население, состоявшее в основном из военных и служащих, не превышало 2,5%.

Многие отмечали, что среди остальных прибалтов литовцы из низов по характеру были наиболее близки русским, особенно соседям-белорусам. Словарь Брокгауза и Ефрона писал: *«Литовцы недоверчивы, при первом знакомстве необщительны, но только из осторожности, которою они в сильной степени отличаются. Черта эта выработалась в литовцах исторически: уж очень часто приходилось им переходить из одного подчинения в другое, так что они перестали даже понимать, кому повиноваться, кого слушать, и ко всем стали относиться подозрительно. Как только литовец увидит, что ему зла не желают, на его права не посягают, он становится самым радушным человеком, в особенности, если заговорить с ним на его родном языке... «Флегма» литовцев вошла в пословицу; никакой другой народ не покоряется превратностям жизни с таким невозмутимым спокойствием».*

У Латвии и Эстонии история совсем другая. До 1918 года своей государственности они никогда не имели. Жили там ливы, латгалы, эсты и прочие племена, занимавшиеся сельским хозяйством и находившиеся на низкой ступени развития. Латышский язык сформировался только в XVI веке из смеси балтских и угро-финских языков. В том же веке на основе угро-финского языка с балтскими, славянскими и немецкими примесями возник и эстонский язык.

В средние века часть этих «ничейных» земель, имевших выход к Балтийскому морю, находилась под влиянием Псковского и Новгородского княжеств, и местное население платило им дань. С конца XII века, когда начались Северные крестовые походы, эта часть Прибалтики оказалась под властью немцев — вначале Тевтонского, затем Ливонского ордена, а самая северная часть современной Эстонии, прилегающая к Финскому заливу, — под властью датских рыцарей. Крестоносцами было основано и построено большинство городов, включая и обе столицы — Ригу (1202 г.) и Таллин (в переводе «Датский город», 1218 г.). Часть городов была еще раньше основана русскими. Например, Юрьев, ныне Тарту, основан в 1030 году.

В руках немцев была не только власть, но и земля, коренные жители были их крепостными, а немецкий язык повсеместно стал единственным — и государственным, и бытовым. На местных наречиях общались только аборигены в деревнях и хуторах.

В XVI веке быстро растущее Московское царство нуждалось в прямой, без посредников, торговле с Западной Европой, но сухопутные дороги туда были перекрыты враждебными Литвой и Польшей, а единственным морским был кружной путь через Баренцево море из недавно созданного Архангельского порта, замерзающего на 6 месяцев в году. Поэтому выход к Балтике стал (и с тех пор остается) естественной геополитической задачей Москвы. Это и послужило причиной Ливонской войны Ивана Грозного, а множество поводов давали сами ливонцы. Они еще за много лет до Ледового побоища неоднократно вторгались в русские земли, грабили и разрушали города и поселения, оскверняли русские церкви и даже после «принуждений к миру» систематически и нагло нарушали мирные договоры.

Война, начавшаяся успешно (были завоёваны Дерпт — Юрьев, Нарва и др. города и крепости), продолжалась 25 лет (1558—1583), стоила огромных людских жертв и материальных затрат, но поставленных целей Москва не добилась — задача оказалась непосильной для экономики и ресурсов страны. Исключительно отрицательную роль в ходе войны сыграла Избранная рада (узкий круг советников царя во главе с А. Адашевым), по инициативе которой в 1559 г., на пике побед русского оружия, с Ливонией было заключено полугодовое перемирие, во время которого в войну за «ливонское наследство» вступили Швеция, Польша-Литва и Дания при поддержке Священной Римской империи. Сил бороться со столь мощным альянсом и одновременно отражать набеги крымских татар у Москвы не было.

В итоге южная часть Латвии (левобережье Западной Двины) стала Герцогством Курляндским (Анна Иоанновна, племянница Петра I, взошла в 1730 г. на русский престол с титулом герцогини Курляндской), северная часть Латвии и южная часть современной Эстонии (Лифляндия) были присоединены к Речи Посполитой, северная часть Эстонии (Эстляндия) — к Швеции, а о. Эзель — к Дании. Все эти изменения, однако, были чисто номинальными — земля и власть на местах как были, так и оставались в руках немецких баронов. Столь необходимый выход к Балтийскому морю Россия не получила, да еще и потеряла участок побережья у восточной оконечности Финского залива с городами Ям, Копорье, Ивангород, захваченными Швецией.

Сложившаяся политическая карта была перекроена Северной войной Петра I (1700—1721), результатом которой стало не только возвращение восточной части Финского

залива и Карельского перешейка, но и присоединение Лифляндии и Эстляндии с портами Рига и Таллин (правда, за большие деньги, уплаченные поверженной Швеции). Присоединённые земли позднее получили наименование Остзейского края (Остзее, по-немецки, — Восточное, то есть Балтийское море) с разделением на Лифляндскую и Эстляндскую губернии. Последняя занимала меньше половины современной Эстонии. После 3-го раздела Речи Посполитой в 1795 г. к ним добавилась Курляндская губерния.

Радикальные государственно-политические изменения мало повлияли на жизнь населения остзейских губерний. Русские императоры, начиная с Петра I и кончая Александром II, исключая только Елизавету Петровну, всегда «снимали шляпу» перед Европой в целом и перед остзейскими немцами в частности. Считается, что во времена Анны Иоанновны они вообще были правящим сословием, но и через 130 лет, во времена Александра II, мало что изменилось: немцами были 15% министров, 25% членов Государственного совета, 63% сенаторов, 50% генералов, 60% губернаторов Российской Империи. Надо признать, что немало немцев верно и честно служили государю (не России, а именно государю, что они любили особо подчеркивать), но надо также признать, что объединение в 1871 г. Германии и образование Германской империи вызвало открытый восторг остзейцев, они стали больше тяготеть не к России, а к своей исторической родине, что уже представляло угрозу государству. Еще с 1860-х гг. в Пруссии стала популярной идея о присоединении Остзейского края к Германии и первыми ее пропагандистами стали остзейские немцы.

«Благословенный» Александр I из пяти созданных им университетов самый первый основал в 1802 г. в Дерпте (древнем Юрьеве, ныне Тарту), где до 1890 года даже преподавали на немецком языке. (Кстати, второй университет был открыт в 1803 году тоже не в коренной России, а в Вильне — Вильнюсе, где 50% населения составляли поляки, 40% евреи и лишь 2% литовцы и где официальным языком был польский. У него был самый большой бюджет среди российских университетов, а в 1823 г. он стал крупнейшим в Европе, но в 1832-м, после польского восстания, Николаем I был закрыт как рассадник мятежников.)

Немецкий язык, немецкая культура, немецкие порядки, немецкое управление и судопроизводство так и остались

господствующими в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Это было удобно правительству — пусть верные лично царю немцы сами разбираются с аборигенами (и, надо сказать, аборигены мятежей не устраивали, ограничиваясь, в основном, «мирными акциями протеста»). От крепостной зависимости местные крестьяне были освобождены ещё в 1818—1820 годах (без земли, разумеется), на 40 с лишним лет раньше, чем русские крестьяне. Следует отметить, что этому способствовала и трезвая позиция немецких баронов, не только опасавшихся крестьянских волнений, но и недовольных низкой рентабельностью барщинного хозяйства и считавших, что выгоднее сдавать землю в аренду свободным крестьянам, чем принуждать трудиться рабов. Однако фактической свободы у прибалтийских крестьян всё равно было меньше, чем у русских, что неоднократно отмечали русские чиновники, инспектировавшие этот край. Как видно из приведенного, «европейцами» в Прибалтике были немцы, а никак не латыши и эстонцы.

Мало того, остзейские губернии обладали особым статусом, основанным на местном законодательстве («Своде местных узаконений губерний Остзейских»). Губернатор как представитель центральной власти должен был работать так, чтобы не нарушать привилегий остзейского дворянства. О коренном населении в «Своде» не упоминалось. Немцы составляли не более 10% населения, коренное население, латыши и эстонцы, — более 80%. Подавляющая их часть была крестьянами, незначительная часть — ремесленниками, прислугой и т.п. в городах и совсем ничтожная часть — мелкими чиновниками (из тех, кто владел немецкой грамотой). Лишь в конце XIX в., с развитием промышленности в Риге, Ревеле (Таллине), Двинске (Даугавпилсе) и др. городах, они стали вливаться в русский рабочий класс.

Еще в 1848 г. выдающийся мыслитель Ю.Ф. Самарин поднял вопрос о положении в Остзейских губерниях. Участвуя в правительственной ревизии, он написал и опубликовал несколько «Писем из Риги», за которые отсидел в Петропавловской крепости (при Николае I этот вопрос обсуждению не подлежал). Одно из них заканчивалось словами: *«Мне кажется, Россия присоединена к Остзейскому краю и постепенно завоёвывается остзейцами»* (сегодня такие слова можно с полным основанием сказать в отношении Средней Азии и Кавказа). В 1860-е гг. проблему дискриминации коренного населения вновь поднял И.С. Аксаков, указывая на стремление поляков

ополячить русских (белорусов) и литовцев, а немцев — онемечить латышей и эстонцев.

Немецкое влияние стало ослабевать только в последние десятилетия XIX века, когда Александр III Миротворец начал проводить активную русификацию (точнее, дегерманизацию) Остзейского края (с учетом «основополагающих принципов национального единства») и приведению его к единому законодательству Российской Империи. **Эта политика привела к сохранению латышей и эстонцев как этносов.** Как верно заметил известный современный ученый С.В. Лебедев, «"Русификация" прибалтов была призвана предотвратить превращение их в немцев, а не сделать их русскими».

Решительные меры Александра III, разумеется, встретили противодействие немцев, в том числе из-за нежелания допустить к управлению коренных жителей, обосновывая это их отсталостью. Уроженец Эстляндии, видный российский ученый К. Бэр в 1860-е гг. так отзывался об эстонцах: *«Как и другие северные народы, эстонцы очень любят водку... Что касается духовной культуры, то большинство европейских народов превосходит их значительно, ибо очень мало эстонцев выучилось письму... Из недостатков, кои никак отрицать невозможно, перечислил бы оные: лень, нечистоплотность, излишнее подобиострастие перед сильными и жестокость, дикость в отношении более слабых».* Наверное, в этих словах есть правда, но очевидно также, что в них — и традиционное немецкое высокомерие.

Еще в XVIII веке латыши и эстонцы не имели самоназвания (не знали, как называть свой народ), и именно русификаторская политика царской власти положила начало формированию у них национального самосознания, появлению национальной интеллигенции и литературных языков. Понятие «эстонцы» появилось только в 1857 г. как производное от «Эстляндии». Первый учебник латышского языка вышел в 1868 г. — это опять же к вопросу о том, считали ли эстонцев и латышей исконными «европейцами». Почти одновременно, по причине близости к морским портам, началось создание русскими предпринимателями промышленных предприятий, и пошел процесс урбанизации. Уже в 1897 г. процент городского населения в Латвии составил 29%, в Эстонии 19%, а к началу 1-й мировой войны вырос соответственно до 37 и 28%. Одновременно росла и доля русского населения (рабочие, инженеры, военные и др.).

В характере латышей и эстонцев много общего. В отличие от русских они индивидуалисты. Жили всегда уединенно, преимущественно на хуторах, общаясь с соседями только при необходимости. Отсюда неразговорчивость, замкнутость, даже угрюмость, особенно у эстонцев. Они привыкли полагаться на себя, не рассчитывая на помощь других. Они тугодумы (особенно эстонцы), долго обдумывают ответ, отвечают неторопливо, но обстоятельно. Знания даются им трудно, но то, что понимают, усваивают прочно. А вот по части любви к спиртному они явно превосходят русских (особенно, опять же, эстонцы). До революции в Петербурге в ходу даже была поговорка: «Пьян, как чухонец», а о напившемся до рвоты человеке говорили: «Поехал в Ригу». Таковы «среднезвешенные» черты этих народов, приведенные в разных изданиях — от Словаря В.И. Даля и Словаря Брокгауза и Ефрона до современного Этнопсихологического словаря В. Крысько.

В 1915 г., во время 1-й мировой войны, Литва оказалась под оккупацией Германии и сразу почувствовала «твердую» руку: оккупанты резко подняли налоги и запретили всякую печатную продукцию на литовском языке. Захватили немцы также и часть Латвии, а в ходе мирных переговоров с большевиками в Бресте оккупировали всю Прибалтику. В 1918 г. под эгидой Германии в Литве была создана конституционная монархия (с немецким королём). После ухода немцев — Литовско-Белорусская советская республика, а в 1920 г., после поражения Красной Армии в Советско-польской войне (с потерей Зап. Белоруссии и Зап. Украины), — независимая республиканская Литва. Правда, поляки отхватили у Литвы большой кусок территории вместе со столицей Вильной-Вильнюсом (Виленский коридор). В результате войны обе наши страны оказались разделенными Польшей (да и сейчас с Литвой граничит только Калининградская область), поэтому политические и экономические связи между ними в 1920—1930-е годы были слабыми, а культурных практически не было вообще.

В ноябре 1918 г. было подписано Компьенское перемирие. Потерпевшая поражение Германия начала выводить войска из Прибалтики. Одновременно Москва денонсировала «похабный» Брестский мир, затем Латвия и Эстония провозгласили независимость, затем последовали бурные события, где столкнулись интересы коммунистов, националистов, Германии и Антанты. Попытки создать

Латвийскую и Эстонскую советские республики с помощью РККА успехом не увенчались.

В начале 1920 года боевые действия были прекращены, в январе РСФСР заключила перемирие с Латвией, а в феврале с Эстонией. Границы были проведены по фактической линии прекращения огня, в результате чего некоторые исконно русские земли оказались в составе Латвии (Пыталовский район Псковской области) и Эстонии (Печорский край со знаменитым Псково-Печорским монастырем, западное побережье Чудского озера и восточное побережье Нарвы). Большую часть этих земель в 1944—1945 гг. вернул И.В. Сталин, однако латыши и эстонцы до сих пор считают их своими, только временно оккупированными Россией. Мало того, Ленин подарил Латвии 4 млн. царских золотых рублей (3,1 т. чистого золота) в качестве компенсации за ущерб в 1-й мировой войне — словно контрибуцию побежденного государства.

Латвийская и Эстонская республики (обе парламентского типа) были признаны РСФСР, потом и странами Антанты. К карликовым прибалтийским государствам как к равноправным партнерам на Западе никто не относился, однако, считая их «буферной зоной» между Европой и большевистской Россией, внимание им уделялось немалое, особенно со стороны фашистской Германии.

В 1926 г. в Литве произошел военно-националистический переворот. Президентом стал А. Сметона, который распустил сейм, установил в стране авторитарный режим и культ самого себя. Опыт Литвы в 1934 г. был повторен в Латвии, где диктатором стал К. Улманис, и в Эстонии, где диктатором стал К. Пятс. Стиль везде одинаковый — приостановка действия конституции, роспуск парламента, запрет партий, тюрьмы для оппозиционеров. Одинаковой стала и государственная политика: Латвия (Литва, Эстония) — для латышей (литовцев, эстонцев). В настоящее время прибалты любят говорить о межвоенном периоде как о «золотом веке» в своих странах.

С началом Первой мировой войны из прифронтовой Прибалтики было эвакуировано 400 промышленных предприятий (построенных русскими капиталистами) с машиностроительным парком и с большей частью русских инженеров и квалифицированных рабочих с семьями — вот, кстати, пример того, что царское правительство умело работать четко. А из оставшихся машиностроительных заводов (вроде «нетранспортабельной» судовой верфи «Руссо-

Балт») большинство пришлось закрыть из-за нехватки квалифицированных кадров, отсутствия материалов и сбыта продукции. Практически работали только сельское хозяйство и мелкотоварная пищевая и легкая промышленность. Торговать с другими странами, кроме продовольственных товаров, было нечем, пришлось залезать в долги. В нескольких лучших условиях была Эстония, которая обладала залежами горючих сланцев.

О жизни литовских крестьян в 1938 г. по результатам обследования писал бывший литовский президент Гринюс: *«Деревенские избы тесные. Одна кровать приходится на двух и более человек. Избы не проветриваются. 12% изб освещаются керосиновыми лампами без стекла, 1% — лучиной, 29% изб имеют глиняные полы. 45% изб имеют неоклеенные и непобеленные стены. Паразиты имеются в 95 семьях из 150. Деревянные башмаки носят 76% крестьян, ботинки — 2%. 19% женщин совершенно не употребляют мыла»*. Как видим — совсем не «Европа».

В итоге национальный доход на душу населения в Прибалтике к концу 1930-х гг. по сравнению с 1913 годом упал на 25—30%. Уровни жизни там были одними из самых низких в Европе, хотя в промышленно более развитых Латвии и Эстонии повыше, чем в СССР, что вполне объяснимо — там сумели не допустить к власти коммунистов, а потому избежали продразверсток, военных коммунизмов, гражданских войн и коллективизаций.

24 августа 1939 г. был подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, секретный протокол к которому предусматривал раздел сфер влияния. В сферу влияния СССР входили Бессарабия, восточные районы Польши (Зап. Белоруссия и Зап. Украина, аннексированные Польшей после войны 1920 года), Финляндия, Латвия и Эстония. В сентябре того же года по протоколу к Договору о дружбе и границах вошла и Литва в обмен на Люблинское и Варшавское воеводства Польши.

В сентябре—октябре 1939 г. СССР заключил с Латвией, Эстонией и Литвой договоры о взаимной помощи, а в 1940-м в соответствии с условиями договоров ввел свои войска. Причем Литве вернул захваченный ранее Польшей «Виленский коридор» со столицей Вильнюсом. (Литовцы ныне, брызжа слюной, кричат о преступности «Пакта Молотова—Риббентропа», но тогда им надо признать, что Вильнюсом они владеют тоже преступно.)

В августе 1940 г. в Прибалтике прошли выборы из кандидатов Народного фронта (другие партии были отсечены), после чего все три республики заявили о своем желании присоединиться к СССР. Западные (а больше всего британская) «демократии» сразу же осудили это событие как советскую оккупацию, разумеется, полностью «забыв», что ими в тот момент были оккупированы Индия, Юго-Восточная Азия и почти вся Африка, что Соединенными Штатами оккупирована половина Мексики (штаты Калифорния, Техас, Нью-Мексико). Вопли были вызваны тем, что сорвались их планы столкнуть Германию с Советским Союзом уже в 1939 году.

После присоединения к Союзу в республиках были национализированы банки, железные дороги и крупные предприятия, помещичьи земли были розданы безземельным и малоземельным крестьянам, что вызвало недовольство бывших собственников. В июне 1941 г., за неделю до вторжения Германии в СССР, часть недовольных была депортирована: из Литвы около 34 тыс., из Латвии 15,5 тыс., из Эстонии около 10 тыс. человек, что явилось необходимой мерой безопасности страны.

С началом Великой Отечественной войны часть населения Прибалтики, особенно пострадавшая от национализации, приветствовала немецкую оккупацию в надежде на возвращение своих прав собственности и на восстановление прежнего статус-кво республик. Но несмотря на то, что в Эстонии 20 тыс. человек добровольно вступили в ряды Вермахта и СС, а в Латвии был создан Латышский добровольческий легион СС (две дивизии), у фашистов были свои планы.

А. Розенберг в меморандуме 2 апреля 1941 г. предписывал превратить Эстонию, Латвию и Литву в «территорию немецкого расселения, призванную ассимилировать наиболее подходящие в расовом отношении элементы... Необходимо будет обеспечить отток значительных слоев интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян..., чтобы через одно или два поколения присоединить эту страну, уже полностью онемеченную». Г. Гиммлер (октябрь 1942 г.): «Двадцатилетний план должен включить полное онемечивание Эстонии и Латвии... Я лично убежден, что это можно сделать». Другими словами, литовцев,

латышей и эстонцев включать в «Европу» фашисты не собирались.

По окончании войны советское правительство вкладывало огромные деньги в восстановление и развитие экономики прибалтийских республик, в рост благосостояния населения (а Литве, кроме того, передало и прусский город-порт Мемель, ныне Клайпеда, с большой прилегающей областью). Строилось множество школ, где преподавание велось на родных языках, больниц, театров, домов культуры, создавались республиканские академии наук и даже киностудии.

В Латвии потребление на душу населения превышало производство в 1,6 раза, в Литве — в 1,8 раза, в Эстонии — в 2,3 раза. В РСФСР этот коэффициент был равен 0,67, т.е. прибалтийские республики были, по существу, нахлебниками России. Благодаря огромным субвенциям уровень жизни (и уровень снабжения тоже!) был намного выше, чем в РСФСР. Москва из политических соображений превратила Прибалтику в «витрину социалистического строя». Потому у многих русских, бывавших там, складывалось ложное впечатление, что «Прибалтика — это Европа».

35 лет назад, в 1991 году, Прибалтика рассталась с Россией и сразу же начала громко облаивать ее. Причина была в том, что без мощной поддержки России самостоятельная жизнь ничего хорошего не сулила. Следовательно, нужна была помощь Европы, нужно было попасть в «Европу», а Европа — это русофобия. И пропуск был получен. Теперь страны Прибалтики — члены Евросоюза, но, как и в советское время, страны-нахлебники. По данным 2021 года, Эстония и Латвия получают дотаций почти по миллиарду евро в год, а Литва — более 1,5 млрд. (самая большая европейская нахлебница — Польша: почти 12 млрд., но и население ее побольше). Дотации нужно отрабатывать, поэтому русофобия стала стержнем государственной политики. Все они — Литва, Латвия и Эстония — похожи на маленьких собачонок, которые остервенело облаивают прохожих не из желания разорвать их на части, а из желания показать хозяину свою преданность.

Это одна причина. Вторую точно охарактеризовала Народная артистка РФ Илзе Лиєпа, дочь всемирно знаменитого танцора Большого театра латыша Мариса Лиєпы: *«Сегодня Прибалтику можно сравнить с избалованным ребёнком. Получивший от родителей всё, повзрослев и столкнувшись с реальностью, он начинает*

обвинять старших во всех возможных бедах и ужасах. Маленькие народы просто не могут простить того, что им принесли цивилизацию. Теперь они считают себя обязанными за полученное в дар благополучие и воспринимают ситуацию как унижение. Русские пословицы очень глубокие: «Не делай добра — не получишь зла». Может быть, эти маленькие народы унижает вот это ощущение, что они так и остались бы хуторянами, если бы не Россия».

Прибалтийские государства-карлики сами по себе ничего интересного не представляют, однако занимаемая ими территория имела и имеет стратегически важное значение. Если ее контролирует Россия, она обладает открытым, незамерзающим выходом в Балтийское море (Финский залив у Петербурга замерзает и очень уязвим), а если западные державы — они блокируют этот выход и имеют мощный военный плацдарм против России. Ныне ее контролирует Запад. Но не все вечно под Луной.

Александр ЛОМТЕВ

ПО ВОЛНАМ МОЕЙ ПАМЯТИ

Синдром Кассандры

Если в присутствии человека моего поколения произнести фразу «Борис, ты не прав», тот сразу поневоле вспомнит её автора — Егора Кузьмича Лигачёва... Я хорошо помню этот день. Помню, как редакционный фотограф Андрей Синельщиков рассаживал нас: я с одной стороны журнального столика, Лигачёв — с другой; столик передвинули так, чтобы мутноватый осенний свет падал на нас равномерно. Андрей не любил фотовспышку... Фотографию эту я искал неоднократно, но пока так и не нашёл. Может, она ещё пылится в одной из многочисленных папок моего архива, наверное, её можно найти в подшивке газеты «Саров». Лигачёв выглядел усталым и печальным.

Вообще-то, обращаясь на одном из заседаний Политбюро из президиума к Борису Ельцину, стоявшему на трибуне, Лигачев сказал по-другому: «Ты, Борис, неправ! Мы с тобой уже не только в тактике расходимся...» А

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

«отредактировал» фразу и пустил по свету Геннадий Хазанов. Так говорят.

Уже значительно позже, как и многие теперь, я понял, что Лигачёв оказался в положении Кассандры — он говорил правду, он понимал, что грядёт, он предупреждал. Но тогда подавляющее большинство населения было одурманено «перспективами», «демократичным и смелым» Ельциным, а Лигачёв воспринимался как тормоз Перестройки.

Честно говоря, сидя в сумеречной комнатке саровской гостинички, я вполуха слушал, что говорил Егор Кузьмич (диктофон пишет), а говорил он о том, что огромная энергия и жажда власти Ельцина — разрушительны! Что ничего хорошего от него ждать не приходится. Что вся его деятельность приведёт к разрушению, а не к созиданию. И та свобода, которую проповедует Ельцин, приведёт к трагедии. Это позднее, гораздо позднее всем стало ясно, как прав был этот «консерватор» и «ортодокс».

По иронии судьбы именно Лигачёв в своё время «открыл» Бориса Ельцина. В 1982-м Егор Кузьмич занимался подбором кадров для Политбюро и по поручению Андропова был делегирован в Свердловск — пообщаться с 52-летним Ельциным, тогда работавшим первым секретарём обкома партии. Борисом Николаевичем Егор Кузьмич остался доволен и порекомендовал включить того в кадровый резерв. Знал бы он...

«Консерватор» Лигачев выступал за свободное освещение в прессе любых проблем. Именно он добился назначения главным редактором журнала «Огонек» Виталия Коротича, а уже скоро тот же Коротич развернул против Лигачева идеологическую войну, формируя образ «консерватора-ортодокса».

Как пророчество, вспоминаются сегодня слова Лигачева, сказанные Коротичу: «Ты говоришь, что я вымирающий динозавр? Мамонт? А ты не задумывался над тем, что после эпохи динозавров начинается эпоха крыс? Вы о нас, мамонтах, ещё пожалеете!».

На прощанье, когда я уже, накинув куртку и собираясь выйти, пожал ему руку, он тихо сказал:

— Потом вы всё поймёте. Но будет поздно.

Случайное интервью

Мне было лет пятнадцать, когда, посмотрев фильм «Остров сокровищ», я выучил и пел под гитару песенку из

него. «О, бедный мой Томми, бедный мой Том...» Да и в целом музыка из фильма мне очень понравилась. В то время я, конечно, не дал себе труда узнать, кто композитор. Говоря об Алексее Рыбникове, как правило, вспоминают рок-оперу «Юнона и Авось», а меня в своё время больше поразила другая его вещь — «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». И мне, конечно, и в голову не могло прийти, что однажды я смогу сказать об этом композитору лично. Но это случилось.

В апреле 2006 года нас с саровским журналистом и писателем Иваном Чуркиным пригласили на X Всемирный русский народный собор и там, под сенью Храма Христа Спасителя в огромной толпе среди всевозможных знаменитостей я увидел Алексея Рыбникова.

Я, несмотря на его «религиозные» вещи, всегда, тем не менее, воспринимал его как человека сугубо светского и с удивлением узнал, что он, оказывается, человек очень верующий, является членом Патриаршего совета по культуре, обладателем ордена святого благоверного князя Даниила Московского...

Рассказывать о его музыкальной вселенной нет смысла — всё есть в интернете (более 100 фильмов, первые советские рок-оперы, 10 миллионов экземпляров пластинок и т.д.). Каким-то образом в перерыве работы Собора мне удалось увести его в тихий уголок на балконе и взять интервью. Вот тогда-то я и рассказал ему о первой встрече с его музыкой и было видно, что ему понравилось моё упоминание «Острова сокровищ», музыка из этого фильма как-то редко упоминается... Может быть, это сделало нашу встречу тёплой и непринуждённой.

Мне привелось брать интервью у массы людей — знаменитых, именитых и не очень. Такого светлого и простого человека, как Алексей Рыбников, не часто встретишь — никакого высокомерия, никакой «звёздности», исключительная внимательность и доброжелательность, а ведь понятно, что таких, как я, журналистов он перевидал множество и на половину заданных мной вопросов он уже не раз отвечал...

Уже потом, вернувшись в Саров я прочитал о нём всё, что мог найти и понял, что не задал и половины вопросов, которые следовало бы задать. Но кто же знал. Встреча-то была совершенно случайной...

Кстати. В музыкальной вселенной России могло бы и не случиться Алексея Рыбникова. Его матери Александре Алексеевне, донской казачке, было всего пять лет, когда ее вывели на расстрел — девочка происходила из семьи белых

офицеров, а её дед был генералом царской армии. Тогда ей одним только чудом, по воле Бога, удалось уцелеть. Все ближайшие родственники Александры также были офицерами. Одни погибли в первую мировую войну, другие — при защите Зимнего дворца.

Михаил Сергеевич и Гераклит

Нет, он уже не был президентом СССР, поскольку не было уже и самого СССР. И всё же я шёл на встречу с первым президентом СССР, пусть даже и с приставкой «экс»...

Мы беседовали часа полтора. Странные ощущения оставила в памяти та беседа. Он задумал организовать новую Социал-демократическую партию, партию социализма с человеческим лицом. Зачем? Объяснял Михаил Сергеевич по обыкновению длинно и витиевато. И всё время сбивался на своё противостояние с Ельциным. Словно бы оправдывался. Мол, всё задумывалось вовсе не так, как в итоге получилось. Его не поняли, его не поддержали, а в конечном итоге — предали. Я спрашивал, он отвечал. Но отвечал не столько на мои вопросы, сколько на свои, которые, видимо, не переставали мучить его. Смесь обиды и сожаления слышал я в интонациях его голоса. И желание всё исправить.

Самое забавное, что он говорил всё очень правильно. И задумка сама по себе была верной. Народ уже подустал и от Ельцина, и от того бедлама, который он организовал в стране. Но при этом было совершенно ясно, что затея экс-президента — пустая. Именно от того, что исходила от Горбачёва. Всё же прав был мудрый грек Гераклит Эфесский. Утекла та вода, которая вынесла на крутой берег истории ставропольского комбайнера; и когда выбросило её бешеное течение на отмель, и все попытки вновь нырнуть в бурные волны большой политики оказались напрасными. Мало кому это удалось... Ни у шустрого Немцова не получилось, ни у упрямого Явлинского, ни даже у такой глыбы, как Де Голль... Из больших политиков непотопляемым оказался, пожалуй, лишь Уинстон Черчилль, которого не раз выбрасывало из стремнины, а он возвращался...

Я слушал бывшего президента, поглядывал на диктофон — хватит ли плёнки, записывал кое-что в блокнот, а сам всё думал: осознаёт ли этот человек, какой след оставил в истории огромного государства, понимает ли, где, когда и в чём

ошибся. И вдруг понял: он ни разу не сказал об ошибках и, похоже, не считает, что ошибался в чём-то принципиальном. Не на тех людей положился — да, не тем политикам поверил — да, проявил мягкость — да. Но курс был верным! Поневоле вспоминался товарищ Дынин из очень советского фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён»: «Товарищи, я хотел как лучше! Чтобы дети поправлялись, чтобы дисциплина была... Как же, товарищи?..»

Верил ли я в добрые намерения Горбачёва? Утверждают, что французский монах Бернард Клервосский в 1150 году написал, что «ад полон благими желаниями и намерениями». Так он хотел подчеркнуть двуличность человека и его помыслов. Люди, которые напоказ стараются делать добро, на самом деле творят злодеяния.

Интервью с Горбачёвым я в итоге написал. Большое интервью получилось. И главное, что из него следовало, — Горбачёв старался показать себя человеком будущего, но было абсолютно ясно, что он безнадежно человек прошлого. В общем, неприятный осадок остался у меня после той долгой, но, в общем-то, пустой беседы — всё поверхностно, всё в лишних словах и ненужных оправданиях. Он, как мне кажется, так и не осознал, отчего его «благие намерения» разрушили огромную державу...

Двойные стандарты

Почему именно меня позвали на Международный симпозиум в республику Сербску (Босния и Герцеговина), я не знаю. Возможно, кого-то из организаторов заинтересовали мои очерки из разных «горячих точек». Как бы там ни было, после долгих переездов и перелётов я обнаружил себя в Бане-Луке в пёстрой компании политиков и публицистов из разных стран — берлинский немец, похожий на постаревшего Алена Делона, сморщенный девяностолетний еврей из Иерусалима, два бодрых упитанных американца, осетин, сербы из Гааги — в общем, с бору по сосенке. Тема — двойные стандарты современной политики. Животрепещущая тема. Только вот беда — стандарты все понимали по-своему.

Удивительное это образование — Босния и Герцеговина: государство, в котором сами по себе, обособленно проживают хорваты-католики, мусульмане и православные сербы, а управляет этим образованием Высокий представитель мирового сообщества, действующий по мандату ООН (видел я этого Высокого представителя —

невысокий полноватый мужичок). Впрочем, президент в Республике Сербской всё же имелся, и мне удалось к нему пробиться. Райко Кузьманович был очень доброжелателен, не раз подчеркнул, что русские и сербы — братья. Говорил, однако, крайне осторожно, видимо, понимая, что старший брат не очень-то склонен сейчас вступаться за младшего.

— Нам сейчас нужно учиться слушать и слышать друг друга, чтобы не привести мир к новой «холодной войне». Необходимо приходить к пониманию равной ответственности сторон...

В общем, президент Республики Сербской напоминал кота Леопольда из мультфильма: «Ребята, давайте жить дружно». Я его, конечно, понимал, давно ли США бомбили Белград, а Россия смолчала...

Куда жёстче был премьер-министр Милорад Додик, с которым удалось поговорить через пару дней.

— Хорваты, мусульмане и сербы воевали, убивали друг друга, а теперь их заставили жить в одном государстве — абсурд ситуации настолько очевиден, что его не прикрыть никакой словесной эквилибристикой. Двойные стандарты? Да вот пример: бывшего президента Республики Сербской Биляну Плавшич в Гааге приговорили к одиннадцати годам тюрьмы за «командную ответственность», хотя она занималась чисто гуманитарными вопросами, а бывшего командующего армией боснийских мусульман, истребившего тысячи мирных сербов, — к трём годам, а позже вообще оправдали...

И всё же я печёнкой чувствовал, что все, с кем мне довелось встретиться и поговорить — и владыка Баня-Лукский Ефрем, и настоятельница старинного монастыря Гомионица матушка Ефимия, и старый партизан Милдраг — все они жили надеждой, что времена справедливости вернутся, что вернётся новая и сильная Россия, которая сломает, наконец, эти злосчастные двойные стандарты.

Коленька

Эта встреча, как и многие другие, была и случайной, и не случайной. Так в моей жизни не раз происходило: что-то задевшее в детстве или ранней юности обязательно отдавалось эхом в зрелые годы.

Фильмы с Николаем Бурляевым в главной (и не в главной) роли отчего-то врезались в память. Классика советского кино — «Иваново детство», «Андрей Рублёв», «Мама вышла

замуж»; такие разные фильмы и такие разные роли — слепой из «Героя нашего времени» и полицей в «Проверке на дорогах», пьяненький офицерик из «Служили два товарища» и растерянный Нетужилин из «Военно-полевого романа»...

И вот в кулуарах Десятого Всемирного Русского Народного Собора 2006 года в Храме Христа Спасителя буквально нос к носу сталкиваюсь с Николаем Петровичем и не давая опомниться ни себе, ни ему, прошу дать интервью. Понятно, что ничего особенного вот так, с ходу, в сутолоке большого мероприятия Николай Петрович не сказал. Да и вопросы не были продуманы и сформулированы заранее, но, видимо, что-то почувствовав в моей интонации, актёр взял меня под локоток и отвёл в сторонку.

А говорил он о засилии либералов, о навязчивых попытках Запада навязать нам противоестественные «ценности», о потерянном поколении, воспитанном под знаком золотого тельца и разврата. Естественно о патриотизме, который в те годы ещё считался «прибежищем негодяев»... В общем, всё, о чём он говорил, было тогда ещё весьма и весьма «не модно», а сейчас раздаётся из каждого утюга.

Но, честное слово, я почувствовал — всё, что происходило тогда в нашей культуре, да вообще в стране, глубоко волновало его, искренность его чувств и слов для меня была очевидна.

Позже, в Союзе писателей России на Комсомольском проспекте я услышал, как один из московских писателей назвал Бурляева Коленькой. Сначала меня это неприятно задело, но потом я понял, что это «Коленька» говорилось не с иронией, не снисходительно, а с пониманием и сочувствием. Не так уж много тогда было в литературной элите людей, столь откровенно и жёстко стоявших на патриотических позициях, тем более всеми силами продвигающих русскую идею.

Один из моих знакомых однажды сказал о Бурляеве: человек с обострённым чувством справедливости. Сказал с иронией. В этом, может быть, и беда наша: иронизируем там, где нет места для иронии...

Сеньора Фаби за Россию

О том, как мы попали в гости к одному из крутейших производителей итальянской обуви Фламинио Фаби, разговор отдельный. Этому деятельному, весёлому и очень богатому итальянцу наша компания отчего-то понравилась, и он носился с нами по всему региону Марке, показывая то изумительный «балкон Адриатики» — красивейшее побережье региона, то стариннейшие храмы и музеи, то грандиозную пещеру

Фразасси; ну и, конечно, великолепное производство, продукцию которой носит едва ли не весь мировой бомонд от Стивена Сигала до Владимира Путина...

В те мелькавшие калейдоскопом дни все, с кем бы мы ни вступали в «политические разговоры» — от водителя микроавтобуса и сотрудника музея до торговца на блошином рынке и почётного консула, — все твердили об ошибке итальянских политиков, поддержавших санкции против России и о своём неизменно добром отношении к русским.

Однажды Фламинио совершенно неожиданно пригласил нас на небольшое совещание — семья Фабио хотела понять, что русские думают об их продукции и о том, насколько реальны перспективы наладить межрегиональное деловое сотрудничество.

Нас познакомили со всеми, кто управляет фабрикой — с президентом компании Элизио Фаби, с генеральным директором компании Алессией Фаби, с бренд-менеджером по женской линии Чинцией Фаби и бренд-менеджером по мужской линии Эмануэле Фаби, со стилистом Франческо Аутилио и пиарщиком Антонеллой Вентура. В общем, мы поняли, что такое настоящий семейный бизнес в Италии.

Нам принесли кофе, и мы стали беседовать. Президент компании Элизио Фаби вдруг обратился ко мне:

— Передашь ботинки Путину?

Я не успел ничего ответить, а он рассмеялся и сказал, что знает, какую обувь носит наш президент.

Но самое большое впечатление произвела на меня тогда Алессия Фаби. Симпатичная и очень деловая, энергичная женщина рассказала о новых проектах, о своём знакомстве с Россией и о морозах, которые произвели на неё впечатление. И тут же горячо сообщила, что она лично категорически против санкций, которые Европа ввела в отношении России.

— Мы понимаем, что такие санкции не полезны для экономик наших стран. Нам нужно сотрудничество и сближение.

А потом помолчала и неожиданно сказала:

— Я предупредила своё правительство, что если будет война с Россией, то я буду воевать на стороне русских!

Было это в уже далёком 2016 году. И я думаю порой: на чьей стороне сегодня сеньора Алессия Фаби?..

Из Ванден с любовью

Февральские тучи тяжело жались к земле, снежный горизонт сливался с белесым небом, бесприютная

нескончаемая дорога уводила куда-то в безнадежную даль, не обещая ничего нового.

— Всё, России конец! — Игорь мрачно смотрел на голые заснеженные поля за окном машины, на деревеньки, мелькающие по обочинам, кособокие домишки, через один с заколоченными окнами, на хрипло каркающих вслед машине лохматых ворон с покосившихся столбов и заборов. — И надеяться не на что, скоро России не будет; придут американцы, скупят остатки, молодежь разъедется по Европам, продается за тряпки и жвачку. И никто не поможет... И попу этому французскому здесь делать нечего; он думает, что спасется здесь, в России, душу свою спасет? А уже и России-то нет, считай... Вон, смотрите, деревни уже почти нет. А что за Россия без деревни? Ничто!

Лена молча смотрела в окно на бесприютную голь зимы. Ей хотелось в Париж, под сень каштанов на Монмартре, а мы ехали в городок Алатырь. Узнали, что в старинном чувашском Алатыре уже полтора десятка лет живет священник из Франции — отец Василий, и поехали знакомиться...

В Алатыре, как в Греции, всё есть — завод, «психушка», тюрьма, издательский дом, краеведческий музей, двенадцать церквей, аж два монастыря и даже две реки. В общем, всё, что нужно для полноценной жизни. Но самая большая местная достопримечательность, прямо сказать, — француз отец Василий, настоятель храма во имя Иверской иконы Божией Матери. Принял он нас тепло, видно, уже привык к интересу журналистов.

Горели свечи, мерцала фольга дешевых иконных окладов. Дымился горячий чай в разнокалиберных чашках. Отец Василий улыбался нам и, словно бы заново всё переживая, рассказывал:

— Вообще, я был готов ко всему: приехать в чужую страну и остаться в ней навсегда. И я знал, что легко мне не будет... Знал, что будет очень трудно, но также я знал, что буду терпеть всё — меня ничто не сломит. Я был готов даже к тому, что меня посадят в тюрьму. Но я также был уверен, что меня ведет Господь. А раз так, значит всё, что он мне пошлет, моя судьба... А сейчас я в России, как рыба, которая... нашла воду...

— Как рыба в воде, — подсказала Лена.

— О, да, да...

Он родился в тихой деревушке Тиффож, в провинциальной Вандее, на западе Франции. Когда-то его звали Пьером, и он

был католиком. Теперь он православный священник Василий и живет в Чувашии. Где она, эта Вандея и где Чувашия... А вот, поди ж ты.

Я смотрел в лучистые глаза священника, почти не слушал его, грелся чаем и его слегка ломаной речью и думал о своём. И чем его деревушка Тифаж, по большому счету, отличается от деревушки Березовка, где родилась Лена? Да ведь, пожалуй, ничем. А вот Лену тянет в Париж, а Пьера тянуло в Россию...

Солнце играло инеем на проводах и березовых ветвях, отец Василий махал нам вслед рукой, пока не пропал за поворотом. Дорога взлетела на холм, и вокруг раскинулись чувашские неоглядные просторы...

...Едешь-едешь по Нижегородчине, по Мордовии или по Чувашии, везде и всюду одно и то же: уходящие в бесконечность поля, перелески, снова поля — под отсыревшим февральским небом, замерзшие и замершие вдоль дороги деревушки, суетливое воронье на хлипких заборах, прогорклые кафешки с нелепыми названиями, провинциальные городки, спящие под пылью патриархальности... Везде и всюду... Отчего же тогда внутри всё сжимается и тает, когда за окном медленно проплывают узкие улочки очередного провинциального городка, о существовании которого ты даже и не подозревал? Лена уткнулась носом в холодное стекло машины и все смотрела и смотрела на эти старинные купеческие дома с резными крылечками, эти окна в кружевных наличниках, и этот печной дымок, запах которого просачивался даже сквозь плотно закрытые окна.

— Нет, Россию никто не сможет погубить! Никогда! — Игорь с блуждающей улыбкой смотрел на белоснежные поля за окном машины, на живописные деревеньки со сверкающими под солнцем снежными шапками на крышах, на жизнерадостных ворон, деловито шныряющих по обочине. — В Европе умные люди, не дураки — знают, что с загнившего Запада к нам в Россию бежать надо, только здесь всё сохранится, только здесь можно спастись... Зря, что ли, этот батюшка аж из Франции приехал. Смотрите, сколько горожан покупает дома в деревнях! А сейчас, когда поняли, что нужно держаться поближе к земле, еще больше будут покупать. Я сам куплю! Да, Россия никогда не погибнет, нет, никогда!

Нихт ферштейн!

Одно дело ехать куда-то по туристической путевке, так сказать, *all inclusive*, и совсем другое — в командировку в

«горячую точку». Тут всякое может случиться. Дороги послевоенной Сербии не могли не привести нас в Грачаницу, что километрах в восьми южнее Приштины. Маленький сербский городишко с монастырём в центре, окружённый албанскими поселениями, жил словно в прифронтовой полосе. Тут и там колючая проволока, белые каски миротворцев, брошенные дома и разлитое в воздухе неясное напряжение, тревога...

Эйфория, вызванная «приштинским броском», сходила на нет, и Игорь, мой спутник по сербским скитаниям, мрачно повторял:

— Ельцин Косово сдаст, вот увидишь.

Да, было похоже, что Косовский край будет отторгнут от Сербии, но кто бы знал, что это случится так внезапно...

Уже перед самым отъездом решили мы с Игорем побродить по окрестностям. Нас предупредили: на территорию проживания албанцев лучше не заходить. Узнать можно по флагам: где сербские — там спокойно, где албанские — могут быть инциденты. Каменистыми узкими тропками забрались на какую-то горюшку, с вершины которой якобы видно Албанию. Посмотрели: ну, Албания и Албания — те же холмы, поросшие рыжеватыми травами и редкими корявыми деревцами. Пока спускались, заговорились и свернули не на ту тропку. Вдруг заметили, что над домами, что рассыпались по склону, сплошь красные албанские флаги. Смотрим, от одного дома наперерез нам идёт бородатый брутального вида мужик с автоматом. Игорь, крикнув «бежим!», припустил вниз, к шоссе. Я бежать что-то постеснялся, да и куда мне с хромой ногой. Мужик с автоматом поравнялся со мной и начал на ходу что-то говорить. Я решил, что не стоит отвечать ему по-русски или по-сербски, но и молчать было бы странно. Тут у меня как-то само собой вырвалось:

— Нихт ферштейн.

Так мы и шли почти до шоссе: он мне что-то говорит, я ему в ответ «нихт ферштейн». В конце концов он отстал.

Серб, сопровождавший нас в поездке, долго качал головой и цокал языком: мол, всё могло бы кончиться очень и очень нехорошо...

Утром, когда мы собирались уезжать на легковушке нашего сопровождающего в Косовску Митровицу, выяснилось, что Косово отделилось от Сербии, и все КПП на границе заняли албанцы. Ехать на машине опасно. Решили, что поедем из Приштины на рейсовом автобусе, который отвозит через

границу на работу в Сербию и косовских сербов, и косовских албанцев. Всё-таки будем на виду у людей.

На КПП в автобус вошли двое албанцев — копии того brutального мужика с горы, тоже в бородах и с автоматами. Проверяли документы. Увидев наши с Игорем российские паспортины, принялись что-то кричать, чего-то требовать. Ясное дело, предъявив российский документ, глупо было прикрываться «нихтферштейном». Я улыбался и вежливо повторял, что не знаю албанского, просил позвать переводчика. Ситуация неприятно накалялась; спасло нас то, что вместе с албанцами на КПП стояли ООНовские «белые каски». Один из ООНовцев, увидев происходящее в окно, постучал по стеклу и погрозил пальцем. Албанец бросил нам наши паспорта и пошёл из автобуса. Мы тогда не знали ещё, как поступали иногда косовские албанцы с пассажирами одиноко проезжавших машин. Так что, может быть, нам с Игорем повезло, что наши органы не достались какому-нибудь европейскому миллионеру.

По дороге в Белград мы снова и снова переживали случившееся.

— Я же говорил, — качал головой Игорь, — сдадут Косово. Вот и сдали. Это всё равно, как если бы у нас Куликово поле отобрали, понимаешь?

В Белград мы приехали поздним вечером, а утром улетели в Москву. День был ясный, безоблачный, я смотрел вниз, на пёстрое европейское лоскутное одеяло, а из головы всё не шёл тот бородатый мужик с «калашниковым»...

Patria o muerte!

Советский ещё ноябрь 1985 года. Остров Свободы, Куба. Долгий, но интересный перелёт с тремя промежуточными посадками: Москва, Англия (золотая осень), Ирландия (лето, люди в рубашках), Канада, о. Ньюфаундленд (заснеженная тайга), ночной полёт над Бермудами — острова, как чёрные жемчужины в ослепительно белой пене прибоя, а потом — солнце, пальмы, Атлантика и Карибское море...

Нет, с Фиделем Кастро встретиться не довелось. Зато деревеньку рыбака, с которого писал своего старика Хемингуэй, увидел и в любимой забегаловке писателя в старой Гаване посидел. Да ещё по тропе Че Гевары в конном строю на ловкой кубинской коняге проскакал.

Экзотики хватило: грифы, игуаны и игрушечные, словно муляжные гекконы, огромные бабочки и крохотные

колибри, таинственные пещеры Пинар-дель-Рио, разнокалиберные крокодилы в заповеднике болота Сапата, знаменитая набережная Малекон, диковинные тогда манго-кокосы-ананасы на завтрак, феерическое кабаре «Тропикана», в котором, согласно легенде, танцевала даже Алисия Алонсо...

А в памяти отчего-то засел диалог с темнокожей девушкой лет десяти в маленьком гаванском магазине:

— Котори час?

— О, ты знаешь русский? Сейчас одиннадцать.

— Котори час!

— Ты только эти слова знаешь?

— Котори час!

— Ну ладно, до свидания!

— Котори час! Страсстфуйте!..

И ещё случайная встреча на прогулке в джунглях. Отряд кубинских военных на пробежке: во всю армейскую глотку — «Вива советико!!!» Фу, напугали. И как они нас советских узнавали — по одежде, что ли?

И ещё длиннющая очередь за морожеными яблоками.

Что поразило и понравилось: кругом бедность, почти нищета, а люди весёлые, жизнерадостные...

На днях, встретил приятеля — известного путешественника Анатолия Погорелова, недавно вернувшегося с Кубы.

— Как там?

— Всё так же — «Патриа о муэрте!» («Мы победим!»)

Златомир Савович

Поздним тихим вечером мы сидели на широком балконе многоквартирного дома на окраине Берлина, пили кофе с коньяком и разговаривали. Старый худощавый серб Златомир Савович очень интересно говорил о старении наций и катастрофическом падении культуры. Ему довелось пожить и в Югославии при Тито, и во Франции, и в Италии, и в Германии, закончить три университета; факты и случаи из личной жизни так и пёрли из него, как из ящика Пандоры.

И тут какой-то молодой немец выставил на соседний балкон колонки стереосистемы и включил довольно громкую музыку. Там, судя по гомону и женскому смеху, собралась вечеринка. Под окна подъехал большой черный «Мерседес» и молодые люди с балкона стали громко переговариваться с приехавшими. Из открытого окна дорогого авто доносились

громкие басы — «дум-бум, дум-бум!» Это стало случайной, но яркой иллюстрацией к нашей беседе.

— Уровень жизни не гарантирует уровня культуры, а порой даже и наоборот, — сказал Златомир Савович. Вздыхнув, он встал из-за столика, подошел к перилам балкона и громко сказал:

— Молодые люди! Это акустический империализм, музыкальная оккупация!

Музыка на соседнем балконе тут же стихла, «Мерседес» хлопнул дверью и отъехал. «Все-таки падение культуры в разных странах происходит разными темпами; у нас бы его просто послали», — подумал я, но ничего не сказал.

Он — Златомир Савович — был молодым, здоровым и веселым, когда только что сбежал от полиции Франции, которая невзлюбила его за участие в студенческих волнениях, а во Францию он сбежал из Югославии, где коммунисты невзлюбили его за то, что ему довелось родиться в зажиточной семье. Но он был молод, здоров и весел, у него была девушка и вся жизнь впереди. Здесь, в Германии, он учился в университете, жил в бедном студенческом кампусе и дружил со старым профессором. Иногда вечерами они сидели за кружкой пива, и профессор учил его жизни. Однажды они рассуждали о природе страха, и профессор рассказал ему:

— Было это то ли в сорок третьем, то ли в сорок четвёртом году. В университете проходило какое-то торжественное собрание. После речей ученых, на трибуну возшел высокопоставленный фашистский функционер и начал, явно играя под фюрера, выкрикивать патриотическую речь. Все уже поняли, что с Гитлером вышла промашка и война аукнется немцам большим горем. Все смотрели на плотного сытого и румяного фашиста, и всем было противно...

И тут один молодой немецкий преподаватель встал и демонстративно пошел к выходу. Все считали его опустившимся человеком, он сильно пил, и на кафедре его держали из жалости как ветерана, лишившегося ног. И тут в зале встал еще один инвалид и тоже пошел к выходу, следом еще и еще. Докладчик замолчал.

В гулкой тишине зала все сидели и слушали, как они уходят, скрипя и стуча протезами: «хрр-туп, хрр-туп, хрр-туп»... И фашист стоял на трибуне весь потный и красный и понимал, что сделать ничего нельзя. В чем их обвинишь? Они уже отдали за Германию свою молодость и свое здоровье. И им было, в общем-то, нечего терять, кроме жизни. А когда

человеку нечего терять, то и жизнь ему кажется уже не столь ценной...

Прошло уже очень много лет, Златомир Савович сам стал старше того профессора, а рассказанную им историю помнит до сих пор. Он не задумывался, чему она его научила. Но чему-то научила, он это точно понимал... Он пересказал эту историю мне, и меня она тоже чему-то научила.

Нынче Златомиру Савовичу около 90. Он лишь недавно перестал гонять по Берлину на своём мотоцикле в кожаной «косухе». Живёт теперь размеренно и неторопливо, как написал мне на днях наш общий друг — серб Никола Живкович: «Выпивает стакан сливовицы, а также два или три стакана красного вина». Мне бы такое здоровье и такую умиротворённость...

Про ад и рай

Самолёт резко накренился и едва ли не спикировал на окружённый водой аэропорт. Пограничный таможенный досмотр, штамп в паспорт — и вот небольшая толпичка путешественников приволокла свои чемоданы к катеру, который, рассекая воды Венецианского залива, помчался к «плавающему» городу.

Запах тухлой воды, мусор на тротуарах и худые кошки быстро снизили градус романтических ожиданий... Нет, вид с моря — захватывающий (архитектуру я имею в виду), а уж островки, мимо которых пролетал катер, были просто восхитительны: коттеджик в апельсиновых деревьях и пальмах, собственный причал и обязательный катер или яхта — мне б так жить! Впрочем, времени на осмотр достопримечательностей и катание на гондолах практически не было. В порту Сан Базилио нас ждал теплоход «Atgean Odyssey» («Эгейский Одиссей»), на котором мы отправились в плаванье через семь морей.

После прошлогоднего неудачного полёта на дельталёте, сломанная нога ещё не очень-то восстановилась, и я, постукивая тросточкой, плёлся в самом хвосте. Рядом со мной плёлся ещё один не слишком молодой полноватый гражданин. Он сказал что-то ироничное по поводу наших физических возможностей, я поддакнул; пока доплелись до теплохода, разговорились. Мусор на тротуарах и голодные кошки под ногами ему тоже не понравились. Только через день уже во время плаванья я узнал, что собеседник мой — епископ Женевский и Западноевропейский Михаил.

Идея этого морского похода была в следующем. Подходило 90-летие со дня исхода Русской эскадры из Севастополя. Гражданская война белыми была окончательно проиграна. С этой эскадрой уходили в Бизерту люди разных сословий — от князей до казаков. И Фонд Андрея Первозванного решил провести символическое «возвращение» эмигрантов первой волны, организовав морской поход в обратном направлении — из Бизерты в Севастополь...

И вот — лазурная Адриатика, лёгкий ветерок, чайки, завтрак на открытой палубе; за моим столом князя Шаховской и Трубецкой, граф, фамилию которого я ещё не знаю. За соседними столами прямые потомки русских эмигрантов первой волны — Чавчавадзе, Нарышкины, Головины, российские деятели искусства — известные писатели, художники и журналисты.

Мне, недавнему советскому человеку, и странно, и смешно.

— Князь, будьте добры, передайте солонку. Граф, вам красного или белого?

Матросы драят и без того чистую палубу. Команда филиппинская, все одинаковые, смешливые и добροжелательные. «Вайн ред, сэр?» — «Нет, мне чаю».

Я всё как-то не решался подойти к моему давешнему «попутчику», возле него всё время крутились «начальники» и московские журналисты, но он сам, заметив меня, подошёл поздороваться, и тут я, естественно, напросился на беседу.

Разговор получился долгим и обстоятельным, да и позже удавалось несколько раз неспешно побеседовать. Оказалось, что собеседник мой — из донских казаков, хоть и родился в Париже, но окружён был русской речью и русскими обычаями.

— У нас дома говорили только по-русски, а ещё родную речь помогала сохранить Церковь, я практически рос при храме с самого детства. Священники, кстати, не только учили нас молитвам, но и играли с нами в футбол.

Меня-то, конечно, в первую очередь интересовало, кто же, на его взгляд, прав, кто виноват — белые или красные?

— И те, и другие правы, и те и другие виноваты. Как бы там ни было, у нас одно прошлое... Да, в СССР храмы превращали в гаражи, а в эмиграции гаражи превращали в храмы... История сложилась так, как она сложилась, но... Без нас Господь нас не спасает. Доля ответственности самого человека очень велика... Самый страшный грех — отказ от любви... А тяжесть греха в том, что грех человек

вершит с удовольствием... Хотя... — епископ вдруг усмехнулся. — Если уж грешить, так с удовольствием, чтобы потом в аду не так обидно было...

И мне вдруг вспомнилась другая недавняя встреча совсем в другом месте и с другим священником. Однажды журналистские извилистые дорожки занесли меня в мордовский лагерь для иностранных зеков (кажется, в Потье), где на территории тюрьмы открывали католическую церковку. Горели свечи, непонятно, но очень убедительно звучала молитва священника, прихожане и прихожанки — большей частью чернокожие — в серых арестантских бушлатах истово молились, некоторые плакали, видимо, сожалели о том, что некогда грешили с удовольствием...

После церемонии мы пили чай в «красном уголке», и когда люди в погонах оставили нас наедине с католическим епископом Клеменсом Пиккелем, мы разговорились. Он очень интересно рассказывал о том, что сам пожелал поехать в Россию, что лично знаком с самим Папой. В завершение беседы, я (намекая на возможность и самому ему когда-нибудь стать Папой) полушутя спросил:

— Отец Клеменс, а какие у вас дальнейшие планы?

Отец Клеменс задумался лишь на секунду:

— Если буду всё делать правильно, то при благоприятном стечении обстоятельств попаду в рай!

Высоцкий в Средиземном море

Лайнер «Atgean Odyssey» пересекает потемневшие к вечеру волны Средиземного моря, солнце вот-вот коснётся горизонта. Я стою, опираясь локтями на планширь борта, и жду, когда солнце опустится за горизонт; именно в этот момент при большой удаче можно увидеть зелёный луч. Явление чрезвычайно редкое, по поверьям дарящее увидевшему счастье... Но тут в зале у меня за спиной раздаются гитарные переборы — начинается музыкальный спектакль «Я Высоцкий Владимир...» Об этом спектакле Валерий Золотухин написал однажды: «Это — лучший спектакль по Владимиру и Влади».

О спектакле я был наслышан, но попасть на него было нереально. И вот оказалось, что он вошёл в программу нашего морского круиза. Конечно же, я тут же оторвался от созерцания заката и поспешил в зал.

Рассказывать о самом спектакле не буду, его можно найти в интернете. Написанный по мотивам книги Марины Влади

«Владимир, или Прерванный полёт» с песнями Высоцкого. Он исполнялся Валерием Черняевым и Любовью Чирковой. Черняев когда-то делил с Высоцким гримёрку и хорошо знал, что нужно для того, чтобы передать «высоцкий нерв». Любовь Чиркова, чем-то неуловимо похожая на Марину Влади, была ему отличным партнёром. Эх, жаль, что только после возвращения из похода я узнал, что она — дочь культового, как сказали бы сейчас, актёра Бориса Чиркова (вспомним «Юность Максима», «Крутится, вертится шар голубой...»).

Вначале что-то не клеилось, пропадал звук, Черняев нервничал, даже прикрикнул на звукооператора, но потом всё вошло в ритм, и спектакль пролетел на одном дыхании.

Пока актёры раздавали автографы, я сбегал в каюту и достал из чемодана две свои первые книжки. Подождав, когда ажиотаж с автографами стихнет, я подошёл и подарил актёрам по книжке. Любовь Чиркова, открыв обложку, спросила с улыбкой:

— А автограф?

На следующее утро после завтрака артисты отыскиали меня на палубе. Черняев сказал:

— Мы на сон грядущий решили почитать ваши книжки, да так полночи и читали. То я рассказ вслух прочитаю, то Люба...

— Да-да, — улыбаясь подтвердила Чиркова, — и посмеялись и поплакали... Спасибо вам...

Эти слова стали самой дорогой рецензией для меня. Потом мы часто общались, разговаривали, вместе сходили на берег то на Мальте, то в Турции, то в Греции. Во время одной из таких экскурсий и сфотографировались...

А зелёный луч я всё же увидел. Принесла ли мне эта удача счастье? В каком-то смысле да...

Не узнал

На днях отмечала День рождения Жанна Бичевская. Творчество Жанны Владимировны всегда очень нравилось мне. То, как она интерпретировала народные песни, ложилось на душу, принималось, хотя было немало и критикующих её людей. Однажды, когда я работал в сельской районной газетке «Ударник» в Дивееве, ко мне подошла коллега Наташа Коверко и спросила:

— Хочешь познакомиться с Бичевской.

— Как?! Где?! — это было довольно неожиданно.

Да здесь, в Дивееве. Муж помогает ей тут дом покупать. Муж Наташи работал в райкоме комсомола, это было ещё до окончательного развала СССР, но уже в начале возрождения Дивеевской Обители.

В общем, вечером я бежал к друзьям, знакомиться с популярнейшей тогда певицей.

Постучался, дверь открыла неприметная худощавая женщина, видимо родственница хозяев, я кивнул ей на ходу «Здрасьте» и пошёл в гостиную — ну, где она, любимая певица?

Но в комнате никого не было. Через минуту из кухни пришли Саша с Наташей, принесли чайник и какие-то вкусняшки.

— Ну что, уже познакомились? — спросила Наташа.

В дверях стояла «родственница» и улыбалась. В общем, я пролетел мимо Бичевской, совершенно не узнав её. Видя моё смущение, Бичевская махнула рукой:

— Меня сейчас трудно узнать, ничего...

Она оказалась совсем не такой, какой я её привык видеть на конвертах пластинок или по телевидению. Как-то проще, что ли, приземлённее...

— Да я тут ещё приболела, — рассказала она за чаем. — Приезжаю в Дивеево и чувствую — ангина. Пошла в храм, а сама еле говорю. Батюшка мне советует: идите на родник, искупайтесь, и воды святой выпейте. А на дворе ноябрь, дождь ледяной! А он говорит — идите, идите, не сомневайтесь. Я думаю: будь что будет. Сходила. После купания меня в жар кинуло... Пришла на квартиру, подумала — к утру помру. И моментально заснула. А утром просыпаюсь — никаких симптомов болезни!

Мы пили чай, Бичевская рассказывала о том, как пришла к вере и что чувствует себя в Дивееве, как дома. Пела. В том числе и совершенно непривычные тогда духовные песни...

Ушёл я из дома Коверко уже за полночь с тёплым сердцем.

Написал ли я тогда материал для «Ударника» и был ли он опубликован — уже не помню. Вполне возможно...

Конечно, был со мной и мой «Зенит», и мы, само собой, фотографировались, но сколько я ни искал в своём архиве эти фото, так и не нашёл. Есть, правда, надежда, что сохранилась фотоплёнка: может быть, выберу когда-нибудь время, переберу эти старые чёрно-белые целлулоидные «флешки», и отыщется на них тот замечательный вечер...

Свечка Михаилу Архангелу

За резной оклад иконы то и дело залетали ласточки, и оттуда доносился нетерпеливый писк птенцов. В сумраке навеса горели лампы, за монастырской стеной царил жар, и шумел посёлок, шли мимо паломники. Архангел Михаил в сверкающих доспехах и с крыльями за спиной в правой руке сжимал меч, в левой щит; он строго смотрел куда-то над нашими головами и словно бы прислушивался к голосу монаха, рассказывавшего на ломаном, но достаточно понятном русском:

— И однажды эта икона пропала! Обыскали весь Лесбос, каждую лодку, каждое судно, отходящее от острова, досматривали, но так и не нашли. Жители Лесбоса очень, очень горевали!

Монах посмотрел на нас, словно ожидая вопроса: как, мол, икона отыскалась?

— И вот однажды икона снова появилась на своём месте, как будто никуда и не пропадала. Оказалось, — монах сделал эффектную паузу, — оказалось, что исчезла икона ровно в день, когда началась война на Кипре! А вернулась в день, когда война кончилась! Вот...

Мы дружно поставили перед Михаилом свечки, попросив каждый о своём, прошли по красивому зелёному двору монастыря, а через полчаса летели на автобусе мимо городков и деревень, оливковых рощ и тёмных стройных кипарисов, вдоль сверкающего на солнце залива Геры. И глядя на серебряную рябь залива, я вспомнил сверкающие серебряные доспехи Михаила Архангела. Что-то вселило беспокойство в мою душу. Михаил с мечом в руке... Александр Невский, Дмитрий Донской, Фёдор Ушаков... Мальчик-солдат, погибший в Чечне от рук боевиков и канонизированный Православной церковью... Неужели это судьба человечества: с оружием в руках добывать добро из зла?

г. Саров Нижегородской обл.

«ГЛУБИННОЕ ГОСУДАРСТВО» ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Говорят, что первым решился озвучить факт существования «глубинного государства» нынешний президент США Дональд Трамп. Он еще в 2016 году в ходе своей первой президентской предвыборной кампании несколько раз упоминал термин «глубинное государство», обещая американцам, что будет бороться с ним. Некоторые наблюдатели победу Трампа в выборах 2016 года назвали победой над «глубинным государством». Став 45-м президентом США, Трамп в конце 2017 г. употребил термин «глубинное государство» по отношению к министерству юстиции, в котором чиновники грубо нарушали режим секретности.

В следующей предвыборной президентской кампании (2020 года), «глубинное государство» взяло реванш, не допустив Трампа в Белый дом. Готовясь к следующим выборам, Дональд Трамп продолжал обличать «глубинное государство». Вот фрагмент одного из его публичных выступлений в 2023 году: *«Я покончу с этим гноящимся, гнилым и*

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

коррумпированным «глубинным государством». Вот еще одно из его публичных заявлений позапрошлого года: *«Когда я вернусь в Овальный кабинет, мы полностью уничтожим «глубинное государство». Мы создадим комиссию по установлению истины и примирению, которая рассекретит и опубликует все документы о государственном шпионаже, цензуре и коррупции!»*

В начале 2024 года кандидат в президенты США Дональд Трамп сделал следующее обещание избирателям: *«Мы полностью уничтожим «глубинное государство», изгоним поджигателей войны из нашего правительства, выгоним глобалистов и изгоним марксистов. Мы уничтожим коррумпированный политический класс, мы победим демократов, мы победим фейковые новости и СМИ, мы победим Джо Байдена и всех демократов».*

Еще в декабре 2022 года команда Дональда Трампа завершила подготовку плана борьбы с «глубинным государством» из десяти пунктов. А на следующий день после объявления о победе Трампа на последних президентских выборах этот план был обнародован. Не вдаваясь в детали, отмечу, что план предусматривал реформирование многих органов государственной власти и государственных организаций, глубокую «чистку» кадров, выявление агентов «глубинного государства» и показательные судебные процессы над ними, ужесточение контроля за соблюдением Конституции США и др. План предусматривал даже внесение поправки в Конституцию, ограничивающие сроки пребывания «народных избранников» в Капитолии.

Попыток Трампа хоть как-то ограничить мощь и влияние «глубинного государства» после того, как он стал 47-м президентом США, более чем достаточно. Даже такой пример: Трамп обвинил Джорджа Сороса и его сына в подрыве национальной безопасности. Все прекрасно знают, что миллиардер Джордж Сорос — одна из немногих фигур, уполномоченных делать заявления от имени «глубинного государства».

Люди из окружения Трампа прямо говорят, что 47-й президент настоящим убийцей Джона Кеннеди называет не маньяка-одиночку Ли Харви Освальда (официальная версия), а именно «глубинное государство». Один из членов команды Трампа Роберт Кеннеди-младший, племянник Джона Кеннеди. Он с начала года занимает пост министра

здравоохранения и социальных служб США. Вот публичное заявление этого министра: «Даже сенат и специальный комитет палаты представителей по убийствам пришли к выводу, что мой дядя был убит не одним человеком, а в результате заговора. Доказательства причастности ЦРУ к его смерти весьма очевидны».

Сейчас, занимая пост министра, Роберт Кеннеди-младший избегает словосочетания «глубинное государство». Но ранее он всё называл своими именами. Так, в декабре 2020 года один из наиболее известных американских активистов движения против вакцинации Роберт Кеннеди написал и опубликовал статью, названную «Пришло время найти общий язык и бороться с настоящим глубинным государством». В анонсе статьи он написал: *«Big Oil, King Coal, Big Chemical, Big Tech и Big Pharma — титаны картеля Глубинного государства, который ведет нашу страну по дороге к плутократии и экологическому апокалипсису. Мы должны объединиться, чтобы бороться с ними, а не друг с другом».*

А вот фрагмент самой статьи: «Глубинное государство действительно существует. Оно уже уничтожило средний класс и держит демократию на волоске. Реальная сила за кулисами — конгломерат корпораций — угольных, нефтяных, химических, сталелитейных и фармацевтических, к которым недавно присоединились телекоммуникации, большие технологии — все они связаны в сети коррупции с нашим глобальным военно-разведывательным аппаратом. Именно это сотрудничество современных баронов-разбойников ведет войну с демократией, гражданскими правами и низшими классами, ведя нашу страну по дороге к плутократии и экологическому апокалипсису. Этот конгломерат объявил войну американской демократии и свободам. Любой, кто сомневается в существовании Глубинного государства, должен прочитать бесчисленное количество историй Центрального разведывательного управления США, в том числе «Наследие пепла» Тима Вейнера, «Шахматную доску дьявола» Дэвида Тэлбота и «Джон Ф. Кеннеди и невыразимое» Джеймса Дугласа».

Сторонники Трампа называют его одним из самых прозорливых и смелых президентов в истории США. Но вряд ли правильно использовать термин «глубинное государство» в качестве критерия оценки смелости, решительности и независимости американских президентов (коих в истории США насчитывается уже 47).

Дело в том, что термину «глубинное государство» чуть более десяти лет. Термин был определен в 2014 году Майком Лофгреном, бывшим помощником республиканского Конгресса США, как «гибридное слияние государственных чиновников и представителей верхнего уровня финансистов и промышленников, которые эффективно управляют США, не спрашивая об этом избирателей, нарушая суть политического процесса». После этого термин «глубинное государство» начал стремительно распространяться в информационном пространстве США и других стран. Как отмечают некоторые эксперты, происходило это не без поддержки со стороны Дональда Трампа и его единомышленников. Этот термин планировалось использовать Трампом в президентской предвыборной компании 2016 года.

Раньше этот термин именовался по-другому: «теневое правительство», «невидимое правительство», «тайная сеть элит», «закулисная власть» и проч. Всё это было досконально изучено и изложено в многочисленных работах консервативных американских политологов, социологов и историков. Особо можно выделить вышедшую почти семьдесят лет назад работу американца Райта Миллса «Властная элита» (1956).

Очень осторожные намеки на существование «глубинного государства» можно найти уже в высказываниях 28-го американского президента (1913—1921) Вудро Вильсона. Вот его цитата из сборника речей «Новая свобода», опубликованного в 1913 году: *«Некоторые из крупнейших людей в Соединённых Штатах в области торговли и производства боятся кого-то, боятся чего-то. Они знают, что где-то есть сила, настолько организованная, такая тонкая, такая бдительная, такая взаимосвязанная, такая совершенная, такая всепроникающая, что им лучше не говорить громко, когда они осуждают её». Многие историки и политологи справедливо утверждают, что именно при Вудро Вильсоне Америка перестала быть свободной и независимой, была поставлена под контроль тех, кого сегодня называют «глубинным государством».*

Вудро Вильсон был приведен в Белый дом в первую очередь для того, что создать наконец-то американский центральный банк, независимый от государства и стоящий над государством. В конце 1913 года банкирам-революционерам удалось протащить через конгресс закон

об учреждении Федеральной резервной системы США (так был назван американский центробанк), который был подписан президентом через несколько часов после голосования в конгрессе. Незадолго до своей смерти (в 1924 году) Вудро Вильсон раскаивался по поводу содеянного при его активном участии: *«Я несчастный человек. Я по недоразумению разрушил свою страну. Мы пришли к худшей форме управления, и великая индустриальная нация теперь под контролем нескольких людей»*.

Подобные откровения иногда проскакивали в выступлениях 32-го американского президента (1933—1945) Франклина Рузвельта. Например: *«Во все времена, а сейчас — тем более, чем когда-либо, миром правят, в первую очередь, тайные общества»*. И еще: *«В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано»*.

Очень осторожно о существовании «глубинного государства» намекнул 34-й президент Дуайт Эйзенхауэр. Но он рискнул это сделать лишь в своей прощальной речи 17 января 1961 года, перед тем как уступить Белый дом Джону Кеннеди. Правда, у него «глубинное государство» было названо «военно-промышленным комплексом» (ВПК). Вот фрагмент его речи: *«В правительственных кругах мы должны сопротивляться приобретению, намеренному или ненамеренному, военно-промышленным комплексом необоснованного влияния. Вероятность разрушительного усиления такого влияния существует и будет существовать в будущем. Мы не должны допускать, чтобы этот альянс угрожал нашим свободам и демократическим процедурам. Мы ничего не должны принимать на веру. Только информированное и бдительное гражданское общество сможет заставить этот союз крупной промышленности и оборонного ведомства соответствовать нашим мирными методам и целям с тем, чтобы безопасность и свобода могли сосуществовать»*.

Но, пожалуй, самым смелым было выступление по поводу так называемого «глубинного государства» 35-го президента США Джона Фицджеральда Кеннеди. И сделал он свое заявление через три с небольшим месяца после прощального откровения предыдущего президента. 27 апреля 1961 года Джон Кеннеди выступил с речью перед Американской ассоциацией газетных издателей в отеле Waldorf-Astoria в Нью-Йорке. Кстати, аудиозапись выступления имеется в

интернете. Приведу фрагменты того выступления с выделением ключевых слов:

*«Само слово «секретность» отвратительно в свободном и открытом обществе; и мы как народ, по своей сути, исторически против **секретных обществ**, тайных клятв и тайных практик. [...] Потому что мы сталкиваемся с глобальным беспощадным **заговором**. Заговором, который, в первую очередь, полагается на скрытые средства для расширения своей сферы влияния — на проникновение вместо выборов, на запугивание вместо свободного выбора, на партизанские атаки ночью вместо армий днем. Эта система, которая, используя неизмеримые человеческие и материальные ресурсы, создала тесно взаимосвязанные, высокоэффективные механизмы, сочетающие военные, дипломатические, разведывательные, экономические, научные и политические операции. Их приготовления держатся в секрете, не публикуются, их ошибки похоронены, не попадают в заголовки газет... Никакие расходы не подвергаются сомнению, слухи не распространяются, секреты не разглашаются».*

Данное выступление Джона Кеннеди комментировалось многократно. За словами «секретные общества» и «заговор» скрывается то, что мы сегодня называем «глубинным государством». Я хотел лишь обратить внимание на то, что 35-й президент США в приведенном отрывке говорит о «глобальном безжалостном заговоре». В другом месте своей речи он повторяет: «...во всем мире ... монолитный, безжалостный заговор». Почему-то принято считать, что «глубинное государство» — угроза только Соединённым Штатам. А американский президент Джон Кеннеди говорит о том, что «глубинное государство» представляет собой заговор против всего человечества.

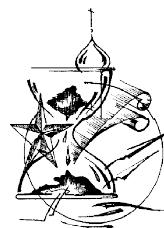
Раскрытие архивов документов, касающихся убийства Джона Кеннеди, конечно, очень важное событие. Но, наверное, надо помнить и вчитываться в те откровения 35-го президента США, которые всегда были в открытом доступе. Образно выражаясь, свидетельства существования «глубинного государства» и мирового заговора лежат под ярким светом уличного фонаря.

ПОСЛЕСТАЛИНСКАЯ РОССИЯ

Сталинская «командная» система проработала, вероятно, максимально возможный срок — 25 лет. Но когда основная задача по восстановлению разрушенного войной хозяйства была выполнена, возникла потребность в дальнейшей модернизации существующей социальной системы. Жесткая, мобилизационная модель должна была уступить место другой, более гибкой модели.

Известно, что любая социальная система (по Гумилёву — жесткая система открытого типа) имеет свои пределы во времени. Она работает по принципу механизма, пока достаточно горючего и все детали в порядке. К началу 1950-х гг. этот социальный механизм потребовал ремонта — некоторые детали, в первую очередь идеологические, надо было менять. И еще нужна была передышка. Невозможно напрягать не выздоровевших до конца людей так долго, они не выдержат — горючего может не хватить. И, видимо, прагматик Сталин всё это понимал. Но... не успел.

При Хрущеве вместо ремонта-модернизации (как это позже сделали в Китае) была произведена деформация

УРОКИ ИСТОРИИ

социальной системы, точнее — первый ее этап. А вместо здоровой передышки народ получил нездоровую «оттепель», ставшую прологом «реформ» 1990-х...

Почему так случилось? Если посмотреть с позиций этногенеза, то получается, что болезненная операция 1917—1920 гг., а затем следующая 1936—1938 гг., не привели к полному выздоровлению национального организма, то есть — к преодолению внутренних расколов и удалению из этноса (суперэтноса) антисистем. Единства и гармонии достичь не удалось. Эти две операции принесли лишь временное, хотя и весьма существенное облегчение, которое было достигнуто за счет зачистки мешающих элементов: 1) западников буржуазного типа (белых) и 2) троцкистов (красных глобалистов). А так же — за счет резкого сокращения числа паразитов-субпассионариев, которых взяли в «ежовые рукавицы» и заставили работать на общее дело.

В этнологическом смысле сталинизм — это попытка выйти из Кризиса Надлома (кон. XIX — нач. XX вв.) за счет мобилизации резервных сил русского народа. Сталинский период — это этническая регенерация, но не полная, а частичная. В этнической системе остались инородные, конфликтные элементы: все те же либералы-западники и революционеры-космополиты. Болезнь продолжала тлеть внутри, и к концу 1980-х гг. вновь вышла наружу. Глубинные причины переворота 1991 г. и крушения СССР уходят корнями именно в этот «домашний» этнический раскол, отягощенный наличием антисистем.

Примечание об антисистеме. Лев Гумилёв сравнивал антисистему с вурдалаком, высасывающим пассионарность. Каким образом? Во-первых, через браки с пассионарными аборигенами, потомство от которых теряло свою идентичность (химера). Во-вторых, посредством физического уничтожения пассионариев-патриотов из вмещающего этноса. Примеры: Хазария (IX—X вв.), Советская Россия (1918—1938 гг.), Украина (2014—2020-е гг.). Если говорить о химерных браках, в т.ч. незаконных, то в России надо считать с начала XIX века (совпало с надломом), а на Украине — с нач. XVII века (от унии). В случае с Россией и Украиной к пассионариям-патриотам надо добавить и верное долгу православное духовенство.

Вообще, практика показывает, что устойчивость в «раскольничьей» фазе надлома может поддерживаться только силой. А поскольку её (т.е. пассионарности) в условиях резкого энергетического спада не хватает, рано или поздно

этническая система вновь выходит из состояния равновесия и начинает стремиться к распаду. Этот сначала незаметный, а затем все более нарастающий внутренний распад системы мы наблюдаем со второй половины 1950-х годов до середины 80-х годов — от Хрущёва до Горбачёва.

О хрущёвской «оттепели». При Хрущёве происходит «перестроечный» верхушечный поворот. Он имеет троцкистский оттенок — национальная линия вновь меняется на «интернациональную». Движение по пути русского социализма, начатое при Сталине, прекращается, так и не успев набрать нужные обороты. При этом широко открывается форточка на Запад, и в нее, как водится, начинает задувать всякую заразу.

В конце 1950-х начинаются гонения на Православную Церковь — из 14 тысяч храмов, открытых при Сталине, закрывается половина. Тогда же запускается спецпроект по разложению РПЦ изнутри при помощи агентуры КГБ — «предателей в рясах». Основные направления подрывной «работы по православию» — это насаждение экуменизма, церковного диссидентства и реанимация язычества.

В это время наносится удар по деревне, то есть по традиционному русскому укладу. Ограничиваются личные хозяйства, ликвидируются «неперспективные деревни», в основном в русских регионах. Безумная троцкистская мечта Хрущева — превращение деревень в агрогорода!

Вновь оживляется либеральная интеллигенция, которая, как всегда, начинает обличать «деспотизм» и кланяться в сторону Запада. Вылезают из щелей недобитые троцкисты. В это время они называют себя уже по-другому — «детьми оттепели» и «борцами за свободу». Троцкистская антисистема с 1950-х гг. начинает превращаться в диссидентскую (прозападную).

Еще одна закономерность русского надлома: как только к нам приходит «оттепель» и появляется больше «свободы», то сразу становится меньше патриотизма и больше русофобии. При этом самая ненасытная, «реформаторская» часть правящего класса начинает воровать с удвоенной силой. Так было и в XIX веке: при Александре I, Александре II, и, особенно, при Николае II.

О брежневском застое. Когда послесталинская «демократизация» заходит слишком далеко, наступает реакция — Хрущёва сбрасывают. Но начало уже положено и процесс пошёл. При раннем Брежневе (вторая пол. 60-х — нач. 70-х гг.), как и при Александре III, умеренные

консерваторы-почвенники ненадолго берут верх и наводят относительный порядок после разгула хрущёвского «волюнтаризма». Лозунг тот же: «Надо подморозить Россию, чтобы она не гнила». Однако уже во второй половине 1970-х годов — после болезни Брежнева в конце 1974 г. и выключения его из активной политики — отчётливо проявляется и начинает усиливаться всё та же либеральная, антинациональная линия.

Этот поворот хорошо заметен по либерализации культуры (барды, «авангард», «экспериментальный» театр и пр.) и, особенно, по кинематографу. Если в начале-середине 70-х еще снимается множество героико-патриотических и «народных» кинокартин (яркие примеры — киноэпопея «Освобождение» и «Калина красная»), то с конца 70-х в моду входят фильмы, где герой — вечно плачущий интеллигент или «лишний человек» («Полеты во сне и наяву», «Отпуск в сентябре», «Осенний марафон» и т.п.). Появляются и замаскированные под аллегории, а, по сути, — антисистемные картины с гностическим подтекстом. Впереди всех — Марк Захаров со своими фильмами-сказками. К 80-м годам диссидентствующие «мастера культуры» представляют собой уже серьёзную силу.

Позднесоветский строй загнивает изнутри. И гораздо быстрее, чем загнивал царский (с XVIII в.) — запас прочности в фазе надлома уже не тот. Симптомы разложения всё те же: духовно-нравственный кризис, неверие в новую религию — коммунизм; размывание традиционных ценностей, в том числе института семьи; деградация правящей партийной элиты — коррупция, безответственность и отрыв от народа. Вновь — раскол в среде интеллигенции: на либералов-западников (их опять большинство) и русистов-почвенников. Всё те же вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?»...

Пассионарность в русском этносе (российском суперэтносе) заметно снижается. Героев мобилизационной эпохи к 1960-м годам сменяет массовый советский обыватель. При этом «простой народ» всё больше развинчивается, отлынивает от работы и пьянствует. Воровать «у государства» уже не считается преступлением — появляется целый слой воришек-несунов, уносящих с места работы все, что плохо лежит, от гайки до готовых изделий.

В 1960—1980-е годы увеличивается число субпассионариев, которые становятся особенно заметными

в крупных городах. Это бомжи, тунеядцы, алкоголики, мелкие преступники, с которыми в сталинские времена не церемонились, а отправляли на Беломорканал и другие стройки коммунизма. Во времена «застоя» отношение к маргиналам становится более терпимым, лишь наиболее злостных из них отправляют «на лечение» в ЛТП или выселяют за 101-й километр, остальные спокойно паразитируют в лоне «развитого социализма».

Наряду с этим в послесталинскую эпоху начинает набирать силу предприимчивый обыватель, так называемый буржуазный человек. Появился он, как мы знаем, раньше — во второй половине XIX в. В позднесоветскую эпоху буржуазный человек еще не составляет большинства в составе этноса, но это человек будущего — предприниматель и накопитель денег из следующей фазы — инерции (цивилизации).

Этот городской кулак наряду с субпассионариями и кухонными диссидентами разъедает изнутри строй «развитого социализма». Он первым соблазняется материальным изобилием западного общества потребления. И при его активной поддержке у нас начинаются либеральные реформы конца 1980-х — 1990-х гг.

Символично, что сам Ельцин вышел из семьи раскулаченных крестьян. Таких скрытых кулаков-антикоммунистов в составе советской элиты уже немало. Достигнув власти, они начинают стремиться к «освобождению от пут командной системы», то есть — к получению крупной собственности и свободного доступа к благам и удовольствиям «цивилизованного мира».

В 1960—1980-е гг. в советском обществе происходит своего рода мелкобуржуазный ренессанс. Трудовой народ, страдавший в мобилизационный сталинский период, наконец-то начинает жить для себя, руководствуясь императивом будущей фазы инерции: «Ну, сколько можно! Дайте пожить спокойно»... Так формируется питательная среда для будущего капиталистического уклада.

Спецслужбы Запада в это время, конечно, работают, но дело в том, что ядовитые семена информационной войны падают на уже подготовленную почву. Среди молодежи в это время всё меньше встречается тех, кто хочет стать инженером или учителем, и всё больше тех, кто мечтает о карьере завмага или снабженца. Это называется «умением жить».

К концу советской эпохи происходит смена вех: «романтики 50—60-х» уступают место «прагматикам 80-х». С точки

зрения этнологии это означает, что в конце фазы надлома уже видны проблески фазы инерции...

К концу 1970-х годов в СССР складывается слой подпольной буржуазии — цеховики, валютчики, крупные фарцовщики. Еще раньше обуржуазивается большая часть партийной и хозяйственной номенклатуры, которая при Хрущёве получает монополию на власть и перестаёт бояться ГУЛАГа. При этом «верхи», и в первую очередь их прозападная, антисистемная часть, искусственно подстёгивают естественно идущий процесс буржуазного накопления. Им не терпится. Будущие «перестройщики» и «реформаторы», почуяв добычу, уже сбились в стаю.

После верхних классов наступает очередь нижних и средних слоев. Дети пролетариев, достигнув некоторого благосостояния, очень быстро превращаются в мелких буржуа. И... тоже начинают коситься на Запад.

Ничего не поделаешь, слаб обыватель перед соблазнами красивой и богатой жизни «как у них», особенно обыватель урбанизированный, выпавший из деревенской, традиционной культуры. И особенно — в век радио и телевидения... «Железный занавес» в это время превращается в занавеску с большими дырами, и соблазнительная западная картинка приходит к советскому гражданину прямо в дом. Старшее поколение всё это прекрасно помнит...

Таким образом, сталинская жёсткая терапия помогла советскому обществу продержаться на плаву около пятидесяти лет — с кон. 30-х до 80-х гг., что для надлома совсем немало... Собственно, самое стабильное советское время — 1950—1970-е годы — и стало, с одной стороны, затухающей инерцией пассионарного импульса 1920—1940-х, а с другой — расцветом Советской цивилизации с ее безусловными достижениями мирового масштаба.

Для нашей же темы главное, что в позднесоветскую эпоху 1970—1980-х гг. мы вновь сталкиваемся с той же бедой, что и в конце XIX — нач. XX вв: пассионарной депрессией, расколом (фрагментацией) этнической системы и активизацией антисистем. С одной стороны, всё те же жадные до денег и свободы «демократы-западники» (этническая химера), с другой — консерваторы-почвенники (ядро этнической системы), с третьей — радикал-либералы (антисистема). И всё это — на фоне увеличения числа буржуазных людей (модернизированные русские — периферия этнической системы) и расплодившихся паразитов-субпассионариев (выродившиеся русские —

выпавшие из системы). В суперэтнической семье после смерти строгого отца Сталина вновь начинается беспорядок, создается благоприятная почва для очередной смуты. И этим тут же пользуются враги!

О консерваторах и почвенниках. Именно в это время — в 1970-е — нач. 80-х гг. — «русская партия» в культуре и партийной элите несёт серьезные потери. Резко усиливается нажим на «русистов» (термин Ю. Андропова). Были осуждены и отправлены в лагеря «писатели-националисты» В. Осипов и Л. Бородин (у обоих два срока). Под давлением властей оказались: С. Семанов, В. Кожин, Ю. Селезнёв, С. Куняев, И. Шафаревич и др.

А перед этим последовала череда загадочных смертей писателей-патриотов: Л. Соболева, Н. Рубцова, В. Кочетова В. Шукшина — все умерли и погибли при странных обстоятельствах в период 1971—1974 гг. Но главное — «русская партия» понесла физические потери на самом верху — А. Гречко (1976), Ф. Кулаков (1978), П. Машеров (1980) и др. — вплоть до «отравления рыбой» К. Черненко в 1983 г. и его смерти в 85-м. К этому же периоду относится странная смерть партийного консерватора М. Суслова (1982) и самого генсека Л. Брежнева (1982).

Всё это означало, что после убийства «тирана» Сталина русофобская антисистема в структурах власти и спецслужбах подросла, организовалась и нанесла ответный удар. Именно ответный удар!.. Уже не секрет, что за всеми этими «делами» скрывалась зловещая фигура Андропова. Который, заметим, будучи комсомольским работником, скрыл свое еврейское происхождение и сумел «просочиться» в высшую партийную номенклатуру — как раз в годы борьбы с евреями-космополитами, в конце 1940-х — нач. 50-х.

Во второй половине 1980-х при ставленнике Андропова Горбачёве (тоже выходец из рабочих и крестьян) «русская партия» была фактически «загнана в подполье». В конце концов 40-летняя многоходовка антисистемщиков (начиная с подготовки убийства Сталина) закончилась в августе 1991 года разгоном бессильного ГКЧП и убийствами министра МВД Пуго и начальника Генштаба Ахромеева.

Заключение. События конца 1980-х — 1990-х гг. заслуживают отдельного разговора, но одно замечание сделать можно. Если посмотреть на радикальных «демократов» 80-х гг., и их последователей — «либералов» 90-х, то мы увидим, что между ними и троцкистами 1920-х — 1930-х гг. нет принципиальных различий. Та же пещерная

руссофобия, крайний экстремизм в действиях, и нацеленность вовне — у одних на мировую революцию, у других на глобализацию. Флаги разные, суть одна — антисистемная.

Таким образом, во второй половине XX века происходит трансформация руссофобской антисистемы. После сталинской зачистки «мировых революционеров» и их пособников в 1930-х годах антисистемщики потерпели значительный урон, но никуда не делись. (Дети подросли.) В 1940-е годы антисистема затаилась, дождалась хрущёвской «оттепели» и продолжила свое «развитие». При активной поддержке главных мировых антисистемщиков — глобалистов Фининтерна.

Проявляла она себя в это время по-разному. Ее представителями при Брежневе в 1960—1970-е гг. стали диссиденты-антисоветчики и «кроты» в органах власти и спецслужбах. При Горбачеве — это «перестройщики» из либерального крыла КПСС (яковлевы-шеварнадзе) и их обслуга из «демократической интеллигенции» (журналы «Огонек», «Знамя», «Новый мир», телепрограмма «Взгляд» и пр.). При Ельцине — «реформаторы» гайдаро-чубайсовского типа и руководители ведущих СМИ. Ну а при Путине наиболее влиятельной частью антисистемы стали «либералы» во властных структурах и прозападный олигархат (внуки).

Самой же заметной и крикливой её частью (верхушкой айсберга) явились цветные революционеры — от белоленточников 2012 г. до навалынистов, а также медийные и прочие иноагенты.

Часть этих «агентов», наиболее «отмороженная», после начала СВО в 2022 г. сбежала из страны, другая, встроена в систему (СМИ, образование, «цифра», «культура» и пр.), осталась «работать по России». Так же, как осталась на вахте большая часть либерально-олигархической «элиты», за исключением некоторых соскочивших «положенцев».

Краткий перечень антисистем в России: ересь стригольников (начало Московского государства, XIV в.); ересь жидовствующих (Иван III, XV в.); униаты (с кон. XVI в.); секты хлыстов, капитонов (сер. XVII в.); радикальные раскольники (самосожженцы и др. при Алексее Михайловиче, Софье, с XVII в.); масоны, скопцы, духоборы, бегуны и пр. (заметный рост при Екатерине II, XVIII в.); декабристы и др. «тайные» и оккультные общества (бурный рост при Александре I, нач. XIX в.);

петрашевцы (при Николае I, 1840-е гг.); нигилисты, народолюбцы и др. радикалы, штундисты, баптисты (заметный рост при Александре II, 1860—1880-е гг.); революционеры, политические масоны, новые религиозные сектанты, либералы в РПЦ, «авангардисты» в культуре, оккультисты и пр. (бурный рост при Николае II, нач. XX в.)

В советский период сокращение числа антисистем: троцкисты-космополиты, обновленцы в РПЦ (1917—1938 гг.); «пятая колонна» в руководстве КПСС, диссиденты, «мастера культуры» (русофобы. 1950—1980-е гг.).

В постсоветский период бурный рост: либералы-космополиты (глобалисты), неообновленцы в РПЦ, религиозные сектанты, нетрадиционные «меньшинства», деятели антикультуры, оккультисты и пр. (с 1991 г. — по наши дни). На Украине — «ведьмин котел»: либералы-космополиты, униаты-бандеровцы, нацисты-язычники, нетрадиционные «меньшинства», религиозные сектанты, раскольники ПЦУ, сатанисты, оккультисты (экстрасенсы, бытовые «колдуны» и пр.).

Леонид ПЕТУХОВ

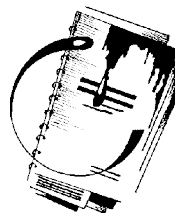
ВДОХНОВИТЕЛИ ПРОРАБОВ ПЕРЕСТРОЙКИ

Скульптор Э. Неизвестный сделал кладбищенский памятник Хрущеву в черно-белом изображении, но чем больше изучаешь результаты деятельности, а не благие намерения этого персонажа, тем больше склоняешься к мнению, что белым в этом памятнике надо оставить только костюм, да и тот, как признавал сам горе-реформатор, по локти в крови.

Сегодня очевидно, что «заслуги» Хрущева перед народом и историей носят системно-разрушительный характер как по отношению к СССР, так и к основным духовным, мировоззренческим и экономическим основам общества.

По официальной версии, Никита Сергеевич Хрущев родился в крестьянской семье 3 апреля 1894 г. в селе Калиновка Курской губернии. Трудовую деятельность Никита Сергеевич начал довольно рано: уже в 1908 году он якобы работал чистильщиком котлов и слесарем на шахте. Правда ряд соратников и биографов Хрущева, в том числе и Молотов, заявляли, что шахту, на которой он якобы начинал трудовую деятельность, так и не нашли.

Есть и другая версия происхождения Никиты. В 1991 году, работая в аппарате

ДОСЬЕ "МГ"

президента СССР, я впервые увидел у одного из сотрудников отдела по безопасности копию страницы из испанской энциклопедии, где была размещена короткая статья о Н.С. Хрущеве. Среди общеизвестных биографических данных статья свидетельствовала, что его истинная фамилия ранее была нам неизвестна. Вся жизнь и деятельность первого некогда лица нашего государства вместились в несколько строк статьи испанской энциклопедии, в которой фигурирует его совсем другая, подлинная, фамилия...

В 1918 году Хрущев вступает в коммунистическую партию и участвует в Гражданской войне. Во время Гражданской войны возглавил отряд Красной гвардии. Прославился особой беспощадностью и был назначен политкомиссаром батальона на Царицынском фронте. После войны был на хозяйственной и партийной работе на Украине. В 1929 году по партийной рекомендации Н.С. Хрущев поступил учиться в промышленную академию в Москве, где был избран секретарем парткома. Там он познакомился с женой И.В. Сталина Н. Аллилуевой, и это, по мнению многих, он использовал в своем стремительном продвижении по партийной карьерной лестнице. С трудом одолев два курса академии, Хрущев с января 1931 года стал секретарем Бауманского, а с июля 1931 года Краснопресненского райкомов ВКП(б). С января 1932 года он уже второй секретарь МГК ВКП(б). С января 1934 года по февраль 1938 года — первый секретарь Московского городского комитета ВКП(б) и одновременно второй секретарь Московского областного комитета ВКП(б), а с марта 1935 года по февраль 1938 года — первый секретарь Московского областного комитета ВКП(б). Везде на этих должностях Н.С. Хрущев сменял Лазаря Кагановича и был его ближайшим соратником. Профессор Промакадемии имени И.В. Сталина Александр Соловьев в своем дневнике в январе 1931 года оставил запись: «Меня и некоторых других удивляет быстрый скачок Хрущева. Очень плохо учился в Промакадемии. Теперь второй секретарь, вместе с Кагановичем. Но удивительно — недалекий и большой подхалим».

Хрущев принимал активное участие в разработке специального постановления ЦК ВКП(б) от 13 мая 1935 года по очистке страны от потенциальных оппозиционеров и активно выпрашивал у Политбюро лимиты на расстрелы.

31 января 1938 года Политбюро протоколом № П57/48 «Об антисоветских элементах» установило дополнительные нормы репрессирования. В 1938 году на крови десятков тысяч людей Хрущев становится секретарем ЦК Украины,

а в 1939 году — членом Политбюро. Среди самых активных инициаторов репрессий в 30-е годы был Хрущев. Так, на одной из заявок кровавого партократа о расстреле 30—40 тыс. жителей Украины, усмиряя его людоедские запросы, Сталин написал: «Уймись, дурак!»

Во время Великой Отечественной войны Хрущев был членом военных советов ряда фронтов. В 1943 году получил звание генерал-лейтенанта. В период с 1944 до 1947 год — председатель Совета министров Украинской ССР, затем вновь избран первым секретарем ЦК КП(б) Украины. В 1949 году стал первым секретарем Московского областного и городского комитетов партии и секретарем ЦК КПСС.

5 марта 1953 года не стало Сталина. Хрущев становится председателем Комиссии по организации похорон Сталина. Боясь оставить компромат на себя и не имея возможности разобрать сталинский архив, Хрущев сжег его целиком прямо в кабинете Сталина.

26 июня 1953 года Хрущев при поддержке своих сторонников на заседании Президиума Центрального Комитета партии организовал арест Берии. В тот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР Берия был лишен полномочий депутата Верховного Совета СССР и снят с должности первого заместителя председателя Совета министров СССР и министра внутренних дел.

Готовясь к сентябрьскому 1953 года Пленуму, Хрущев за счет партийных средств, которые он контролировал, существенно увеличил денежное довольствие ответственных сотрудников аппарата ЦК КПСС. Забыв о коллективном руководстве, участники Пленума единодушно, без обсуждения в последние минуты работы Пленума 7 сентября 1953 года в 6 часов вечера избрали Хрущева первым секретарем партии. А через три месяца, 7 декабря 1953 года, Совет министров СССР утвердил постановление, предоставившее Хрущеву дополнительно пост заместителя главы правительства и тем самым открыл ему путь к безграничной власти.

С 1958 года Хрущев стал председателем Совета министров СССР. И борец с «культом личности» сосредоточил безграничную власть в стране в одних руках.

Безответственным и непоправимым ударом по образу СССР во всем мире стал доклад Хрущева о культе личности Сталина в феврале 1956 года на XX съезде компартии. Фактически этот доклад стал своего рода точкой отсчета начала антисоциалистических, антинародных реформ и экспериментов Хрущева. Этим актом был подорван

фундамент советской государственности. Миллионы людей в СССР и за рубежом, искренне принявших идеалы коммунизма, были разочарованы. Сильно упали престиж СССР и авторитет советской власти. В странах социализма началось опасное брожение. Раз курс Сталина был «преступным», зачем оставаться в «преступном» социалистическом лагере?

Разоблачая на XX съезде сталинские репрессии, Хрущев датировал их начало 1934 годом, оправдывая предшествующие события, такие как разгром оппозиции, процессы «спецов», коллективизацию и голодомор, в которых он лично принимал самое активное участие. А в тех своих преступлениях, которые не удалось скрыть, он также обвинил Сталина и органы госбезопасности.

Непоправимый удар Хрущев нанес по русской деревне и всему сельскому хозяйству страны. Хрущевское укрупнение колхозов (их число в 1957—1960 годах сократилось с 83 тыс. до 45 тыс.) и уничтожение сотен тысяч деревень было явным вредительством. Многие тысячи коллективных хозяйств и деревень были объявлены нерентабельными и в короткие сроки по надуманной причине уничтожены. Уничтожение «неперспективных» деревень практически стало смертельным ударом по русской деревне. Это самое страшное и до сих пор умалчиваемое преступление «кукурузника».

В результате этой политики по всему СССР, особенно в великорусских областях, появились брошенные села, деревни, хутора, фактически пошел процесс «обезлюживания» коренных русских областей. Курс на ликвидацию «неперспективных» деревень имел и огромный отрицательный не только экономический, социально-культурный, но и демографический эффект, так как именно деревня давала основной прирост населения страны.

Без научных обоснований, при полном игнорировании мнений ученых и специалистов огромные средства и силы были вложены Хрущевым в освоение целинных и залежных земель Поволжья, Южной Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. При том что сельские поселения в европейской части России были заброшены, молодежь и опытные кадры перебросили на целину. Бездумно освоенные площади стали превращаться в солончаки и пустыни, пришлось срочно вкладывать огромные деньги в проекты по восстановлению земли, ее защите.

Огромный урон Хрущев нанес и обороноспособности СССР.

Особому преследованию подверглась Русская

Православная Церковь.

В сталинское послевоенное время государство поощряло установление главенства Московского патриархата в православном мире, отвергало претензии Ватикана на его влияние на территории СССР, также отвергались и экуменические сборища. Сталин не мог открыто отказаться от коммунистического мировоззрения, ибо оно было идейным фундаментом советской власти. Но реальные действия государства были в духе христианской империи, а морально-нравственное воспитание народа осуществлялось на евангелистских нормах.

При Хрущеве же РПЦ, под давлением властей, была вынуждена вступить во Всемирный Совет Церквей. Духовенство РПЦ, делегацию которого возглавлял митрополит Никодим (Ротов), стало наблюдателем на Втором Ватиканском Соборе, на котором и без того еретический католицизм был и вовсе трансформирован в либеральную политическую идеологию с «христианским акцентом». Разрушив свой духовный фундамент, Ватикан начал превращаться в строителя воистину дьявольского нового мирового порядка. Пребывание делегации РПЦ на таком сборище несло опасности для православного мира. Сталин, согласно статистическим данным, в период наибольшей концентрации власти в своих руках, особенно после Победы в Великой Отечественной войне, старался сдерживать нападки на Церковь. При Хрущеве же сатанинское революционное безбожие вновь проявилось в полную силу, причем его гонения были более изощренными, чем во времена Троцкого.

Проводя десталинизацию страны, Н. Хрущев не только разоблачал культ личности вождя, но и ломал весь жизненный уклад общества, систему его государственного и экономического управления, партийного строительства.

Моральному и физическому преследованию подвергались все преданные Сталину всенародные авторитеты того времени. Начались настоящая травля и уничтожение политических конкурентов.

В своей книге «Глазами человека моего поколения» К. Симонов пишет, как среагировал Хрущев, недавно подобострастно выслуживавшийся перед Сталиным, на передовую в «Литературной газете» от 19 марта 1953 года. Сразу после смерти Сталина в этой статье К. Симонов писал, что священный долг писателей — сохранить для грядущих поколений образ гениального руководителя и творца свершений великой эпохи товарища Сталина. Хрущев, еще

не пришедший к вершине власти, прочитав эту статью, буквально бушевал и чертыхался, грозясь снять Симонова с должности. Чтобы подвергнуть остракизму любимчика Сталина А. Фадеева, который не только открыто выступил против Хрущева, но и осуждал десталинизацию, так как четко понимал, что вскоре вместо созидателей и защитников советского строя «оттепель» воспитает предателей и приспособленцев с воровской хваткой, Хрущев лично демонстративно клеветал на писателя, организовывал его травлю, отказывался общаться с ним. В результате писатель 13 мая 1956 года застрелился.

Не подобострастничал перед Хрущевым и Михаил Александрович Шолохов — один из самых известных в стране и мире советских писателей, член партии и ЦК КПСС. Он, как никто, знал обстановку в стране, чувствовал русскую душу и чаяния Русского народа и не случайно не поддержал доклад Хрущева «О культе личности». Выражение «был культ, но была и личность» как раз принадлежит Михаилу Шолохову.

Вопреки заблуждению многих обывателей, после пресловутой «десталинизации» Хрущев вовсе не отказался от кровавых методов работы. Прячась за спинами Ягоды и Ежова, он организовывал репрессии и процессы, возглавляя «тройки», тысячами выносил смертные приговоры, руководил зачисткой освобожденных от немцев территорий и массовыми расстрелами. Он организовал убийство видных деятелей, сфабриковал множество кровавых дел. Причем он сам признавался, что у него «руки по локоть в крови». Компрометирующие его документы Хрущев всегда стремился уничтожить. Так, в своей книге «Разведка и Кремль» П. Судоплатов пишет, что полковник Алексахин по указанию Хрущева направлялся в прокуратуру для изъятия всех оперативных материалов, касавшихся участия Хрущева в тайных операциях против украинских националистов. Этот же автор свидетельствует о личных участиях Никиты в допросах инакомыслящих даже в должности члена Политбюро.

В 1974 году председатель КГБ СССР Юрий Андропов заявил, что за десять лет при Брежневе не посадили столько, сколько при Хрущеве за один год.

На самом деле в 50-е годы прошлого столетия Хрущев выпустил из тюрем бандеровцев, власовцев, лесных братьев, полицейских и других лиц, сотрудничавших с фашистскими войсками. Это их наследники развязали войну против русских на Украине и в Прибалтике. Это они являются кадровым

резервом пятой колонны в самой России. Это их использует ныне США в тотальной русофобской войне с нашим Отечеством.

Сам помню, когда из мест заключения вернулся немецкий прихвостень, командовавший во время войны полицией на моей малой родине, как он угрожал моему отцу-фронтовику, что они все равно уничтожат «коммуняк», что их время еще придет. За что израненный на войне отец спустил его с крыльца дома.

Псевдореформатор не забыл оставить своего следа и в национально-территориальном делении страны: главную «мину» Хрущев заложил передачей в 1957 году из состава РСФСР Крымской области Украинской ССР.

Хрущевские реформы, касающиеся уравниловки и привилегированного положения номенклатуры, привели к тому, что духовные ценности значительной части советского общества изменились в худшую сторону. Вирус «западничества» стал постепенно проникать в душу населения СССР.

Хрущев, сделав первую попытку перестройки, почти на нет свел довоенные и послевоенные достижения страны, при этом за десяток лет сделал себя Героем Советского Союза и трижды Героем Социалистического Труда. Вот уж, действительно, культ личности при отсутствии личности! Действия Хрущева по дискредитации СССР и возвращению страны на капиталистический путь развития были глубоко продуманы и рассчитаны на перспективу.

Еще один сильный удар по социализму в СССР Хрущев нанес с помощью введения повышения роста трудовых норм, при этом рост зарплаты был заморожен. Производственные отношения в стране стали напоминать лагерные; стал оформляться вариант модели управления, характерный для западной цивилизации. Народ должен был служить партийно-чиновничьей номенклатуре («элите»), которая создавала для себя особый мирок. По указанию Хрущева для руководителей партии и членов правительства были построены роскошные особняки. Создавалась своя привилегированная сфера бытовых и жилищных услуг. Руководитель строительной организации Герой Советского Союза И. Титков обратился к нему с письмом, где указал на недопустимость громадных трат государственных средств на строительство дач для руководителей. По приказу Хрущева Титкова арестовали, судили, лишили звания Героя и приговорили к расстрелу. Расстрел заменили длительным

сроком лишения свободы.

После денежной реформы и многократного увеличения цен на золото, хрусталь, мебель, ковры, бытовую технику и другие товары, вопреки протестам профессиональных юристов, Хрущев вводит смертную казнь за экономические преступления.

Недовольство Хрущевым в стране возрастало. Его дальнейшее нахождение у власти могло вызвать бунты и необратимые последствия. Слава Богу, в стране в ту пору нашлись личности, способные убрать всенародно презируемого «вождя».

Устранение Хрущева с должности готовилось с начала 1964 года. В том году за девять месяцев Н. Хрущев провел 135 дней в заграничных и иных поездках, в дела почти не вникал, за этот период его портрет помещался на страницах центральных газет свыше 140 раз. Тогда как Сталин позволял размещать свой портрет раз в месяц. Хрущев окружил себя советниками из родственников и восхваляющих его журналистов, к мнениям которых прислушивался больше, чем к мнению членов Президиума ЦК партии.

13 октября Л.И. Брежнев позвонил находящемуся на отдыхе в Пицунде Хрущеву и настойчиво пригласил его на заседание Пленума ЦК КПСС. Хрущев всячески сопротивлялся. Тогда приглашение подтвердил министр обороны Р.Я. Малиновский. Хрущев был сломлен заявлением, что члены ЦК уже в Москве и что Пленум будет проведен и при его отсутствии.

В этот же день, по прилете в Москву, Хрущев лично провел заседание Президиума ЦК КПСС. Заседание было откровенным, резким, бурным. Хрущев грубо и резко отрицал обвинения в свой адрес, перекладывая вину на других. Никто, кроме Микояна, Хрущева не поддержал. Заседание Пленума ЦК во второй половине 14 октября вел Л.И. Брежнев, с докладом выступил М.А. Суслов. В докладе всесторонне и объективно были вскрыты ошибки в работе партии и правительства, зависевшие от организаторской чехарды Хрущева. В заключение докладчик отметил, что члены Президиума и раньше призывали Хрущева к порядку, но кроме грубых оскорблений ничего не добивались. Докладчик также сказал, что смещение Хрущева — проявление смелости и силы и должно стать уроком на будущее. Пленум единодушно проголосовал за отстранение Хрущева.

Решение было принято на праздник Покрова Богородицы. Устранение Хрущева от власти народом стихийно отмечалось как праздник. После низложения он был изолирован от общественной жизни.

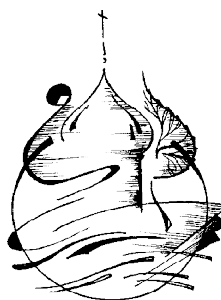
Валерий ГАБРУСЕНКО

РУССКИЕ ГЕНИИ

Он был столь же прост, сколь и велик

125 лет назад, 19 ноября 1900 года, начался жизненный путь одного из величайших ученых XX века, выдающегося математика и механика, крупнейшего специалиста в области теории функций комплексного переменного, вариационного анализа и математической физики, академика, вице-президента Академии наук (АН) СССР, члена ряда зарубежных академий, вице-президента Международного математического союза, лауреата двух Сталинских и Ленинской премий, кавалера 5-ти орденов Ленина, Героя Социалистического Труда Михаила Алексеевича Лаврентьева.

Родился он в Казани в семье профессора математики, окончил МГУ, преподавал в МГУ, МВТУ и в других московских вузах. В 1920-е годы под руководством замечательного ученого Н.Н. Лузина занимался в кружке молодых математиков, в шутку называвшемся «Лузитанией»

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Параллельно, по приглашению С.А. Чаплыгина, разрабатывал в знаменитом ЦАГИ (Центральном аэрогидродинамическом институте) теорию колеблющегося крыла, движения крыла над поверхностью жидкости (экранный эффект), удара твёрдого тела о воду (актуальная задача для гидропланов и торпед надводных кораблей), решал и другие задачи

В 1939 г. на выборах в АН СССР он имел наивысшие шансы, но предпочтение было отдано не ему, а другому математику (тоже видному, но более пронырливому), выходящу из того же кружка, который в 1937 г. активно участвовал в политической травле своего учителя Н.Н. Лузина. В том же году М.А. Лаврентьеву была предложена работа в АН УССР, где он был избран академиком и несколько лет проработал на посту директора Института математики.

Там он много сил отдал работе над теорией взрывов и создал теорию струйных потоков газов (1940 г.), на основе которой были разработаны кумулятивные боеприпасы, в их числе бомбы массой всего 2,5 кг, прожигавшие насквозь броню немецких танков. В годы войны, в эвакуации в Уфе, решал важнейшие научно-технические задачи военного характера. После войны, будучи вице-президентом республиканской академии, много сил и энергии отдал восстановлению ее полноценной работы. В 1946 году был избран действительным членом АН СССР.

В 1948 году, вернувшись в Москву, стал заведовать кафедрой математики физико-технического факультета МГУ, преобразованного в 1951 г. в знаменитый МФТИ, в котором создал специализированное направление по теории взрывов, а позднее заведовал кафедрой быстропротекающих процессов. С 1950 года параллельно возглавил Институт точной механики и вычислительных процессов АН СССР, в котором в кратчайшие сроки были разработаны первые отечественные ЭВМ.

В 1953 г. в правительство поступило письмо от руководства ядерного центра («Арзамас-16»): *«Просим перевести товарища Лаврентьева М.А. в КБ-11 с тем, чтобы он возглавил работу по исследованию обжата с помощью осесимметричных систем в первую очередь применительно к артиллерийским вариантам. Привлечение т. Лаврентьева М.А. в качестве руководящего работника КБ-11 будет весьма важно, как для успешного развития новых работ, так и вообще для укрепления научного руководства в КБ-11»*. Лаврентьев проработал в «Арзамасе-

16» два года, успешно решив ряд важных задач оборонного характера.

Имя знаменитого ученого имело высочайший авторитет в научном мире, но всенародную славу он получил как выдающийся государственный деятель. В СССР тогда, по существу, было два мощных научных центра — в Москве и Ленинграде, что, как показал опыт войны, не гарантировало «научной безопасности» государства. По инициативе Михаила Алексеевича 18 мая 1957 года правительство приняло постановление о создании под Новосибирском третьего научного центра — Сибирского отделения (СО) АН СССР, председателем которого Лаврентьев был 18 лет и сделал его одним из крупнейших в мире научных центров.

Одновременно он возглавлял Институт гидродинамики СО АН, который занимался исследованиями и открытиями в области физики взрыва и внес громадный вклад в теорию и практику в этом направлении. Результаты исследований были востребованы не только в военном деле. Взрыв стали применять во многих мирных областях. В частности, направленными взрывами, рассчитанными в этом институте, в урочище Медео была сооружена плотина высотой 150 м для защиты Алма-Аты от селевых потоков.

Это — хрестоматийно известная сторона деятельности Михаила Алексеевича, но была и другая, о которой не писали репортеры и не снимали телевизионные сюжеты. Большинство людей — и раньше, и ныне — стремятся уехать из деревни в райцентр, из райцентра — в областной центр, из областного центра — в Москву или Ленинград (Петербург). В обратном направлении желающих единицы. Лаврентьев был одним из таких.

Мало того, что на склоне лет, он оставил устоявшуюся и очень комфортную столичную жизнь академика и переехал в Сибирь, по сути, в «голое поле», где поначалу пришлось жить в избушке с минимумом коммунальных удобств. Он сумел мобилизовать в Сибирь, практически на пустое место, целый ряд крупных учёных, которые возглавили институты и сформировали там свои научные школы. Он создал университет и «оснастил» его преподавателями мирового уровня. По его инициативе была создана Физико-математическая школа (ФМШ) — коллектор одаренных детей со всей Сибири и инкубатор будущих видных ученых.

Он же принял на себя громадный груз забот и ответственности, связанный с проектированием, строительством, оснащением Академгородка, его НИИ и

университета приборами, техникой и оборудованием. А надо помнить, что местные власти во главе с 1-м секретарем обкома, членом ЦК КПСС Ф.С. Горячевым не только без восторга отнеслись к созданию Академгородка, но и под разными предлогами саботировали его строительство. (Прожженный партийный функционер Горячев не верил, что Лаврентьев приехал сам, и всё доискивался, за что того сослали.)

В возрасте 75 лет Михаил Алексеевич передал руководство СО АН человеку нового, как теперь шутят, «застойного» поколения (к сожалению, личности намного меньшего калибра) и вернулся в Москву, где прожил последние годы и где 45 лет назад, 15 октября 1980 года, окончил свой земной путь, но похоронить себя завещал в Академгородке — главном детище своей жизни.

«Большой ученый, великий организатор науки, покровитель талантливых молодых ученых — таким вошел в историю науки М.А. Лаврентьев. А. Аганбегян, А. Александров, С. Буляев, Д. Буляев, Г. Будкер, Л. Канторович, Г. Марчук, Н. Скринский — все они в долгу перед ним за то, что он помог им сделать карьеру. Многие из них не оценили этого, пошли против него и способствовали его отставке с последнего высокого поста. Сложившаяся обстановка полностью изменила этого великодушного человека, он потерял прежнюю живость и неиссякаемый интерес к своему делу, стремление к новому. С 1975 года до конца своей жизни Лаврентьев не покидал Москвы. Лишенный активной научной деятельности, он быстро терял силы и скоро ушел из этого мира. Его кончина стала огромной потерей для ученых всего мира», — писал о нем один из его многочисленных учеников, член-корр. АН СССР Андрей (Андрю) Бицадзе.

Он одинаковым тоном разговаривал со студентами и королями, часто приходил на очередное открытие Физико-математической школы (ФМШ), произносил перед «ФМШатами» короткую зажигательную речь, сам демонстрировал перед ними оригинальные физические опыты.

Бывший сотрудник Вычислительного центра СО АН Виктор Сиротин вспоминал: «Когда я его впервые увидел «живую», мне было шестнадцать лет, а ему — семьдесят два года. Это произошло в Академгородке, на открытии Летней Физматшколы. ...Несколько сотен детей, последовательно выигравших промежуточные олимпиады, добрались до Академгородка и сидят в огромном, шикарном зале Дома Учёных в ожидании чуда. Организаторы тоже

чего-то ждут и посматривают на входную дверь. И вот она распахивается, и через зал к сцене широкими шагами почти бежит высокий, очень энергичный старик. Он подходит к микрофону и начинает свою очень короткую, но очень яркую речь. Он обращается к нам, как к взрослым. На полном серьёзе, без раздражавшего меня в учителях и комсомольцах двуличия, когда ты вроде бы уже и взрослый, но нам ты не равен. Михаил Алексеевич потряс нас прямым обращением, призывом непременно, уже в ближайшее время заняться наукой. «Самые светлые, прорывные научные идеи рождаются в совсем молодых головах. Таких, как ваши! — убеждённо говорит он. — У нас, у стариков, и вон у них... — и он махнул рукой в сторону своих приблизительно тридцатилетних коллег. — У нас есть опыт и интуиция. Но идеи фонтанируют у нас плохо. Нет напора воды в кране. А вот у вас напор большой. И ничего, если идея окажется в конце концов пустой. Даже дурацкой. Вы её обмозгуете и созреете для новых идей. ...Страна даёт вам шанс. Используйте его!»

Он умел находить простые слова для громадной аудитории и нужные слова для высшего руководства страны, когда требовалось решать не решаемые в Новосибирске вопросы. Его ученики говорили: «Он был столь же прост, сколь и велик». Среди них были многие десятки докторов наук (в их числе и великий М.В. Келдыш), ставших наставниками сотен ученых следующего поколения.

«Честный ученый — очень емкое понятие. Оно не исчерпывается только тем, что такой исследователь не ворует идеи у своих учеников и коллег. Гораздо труднее оставаться честным, когда ученый должен подписать экспертизу, а его мнение не совпадает с тем, чего от него ждут», — писал М.А. Лаврентьев. Сам он был человеком безукоризненной честности во всем — и в науке, и в административных делах, и в обыденной жизни.

Вот один из многочисленных примеров. Как писал в воспоминаниях сын Н.С. Хрущева Сергей, «Не сошлись Лаврентьев с отцом и в споре вокруг строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Отец поддерживал стройку — стране нужны были дешевые целлюлоза и бумага. Об экологии в то время серьезно не задумывались, считали, что природа справится с любыми отходами. В том, что природа не всесильна и даже смертна, в стране отдавали себе отчет единицы, в том числе и Лаврентьев. Он пошел к отцу, но понимания не встретил».

Таким же М.А. Лаврентьев воспитал и своего сына Михаила Михайловича, ставшего после смерти отца директором Института математики СО РАН и академиком РАН, с которым в 2000-е годы автору доводилось часто встречаться на заседаниях президиума Новосибирского отделения Петровской Академии наук и искусств и который оставил по себе самые теплые воспоминания.

Создатель «русской стали»

Обуховский завод... Это название было хорошо известно старшему поколению со школьной скамьи по драматическим событиям 1905 года («Обуховская оборона»). Но мало кто знал, **что** производил этот завод, и еще меньше — почему он был назван Обуховским (в 1922 г. завод переименовали в «Большевик»).

Свое имя завод получил в честь Павла Матвеевича Обухова — великого русского инженера-металлурга, основателя крупного производства литой стали и стальных орудий в России, выдающегося ученого, открывшего способ получения высококачественной стали, человека, обеспечившего «стальную независимость» России.

Родился Павел Матвеевич 205 лет назад, 11 (23) ноября 1820 года, в г. Воткинске Вятской губернии. Его дед Федор Обухов в 1760-е годы работал кузнецом-молотобойцем и изумлял своим искусством многих знатоков этого дела. Со временем он, неученый, получил должность мастера. Сын Федора Матвей также начал свой трудовой путь на железоделательном заводе, где быстро завоевал славу как замечательный механик-самоучка. Он сумел осуществить коренную реконструкцию заводской плотины и водяных двигателей. За эту работу Матвей Федорович, не имевший технического образования, был переведен в горные инженеры.

Сын Матвея Павел с детства обладал исключительными способностями: с шести лет рисовал чертежи плотин, водяных двигателей, кузнечных молотов, горнов. В 1843 г. он окончил Петербургский институт Корпуса горных инженеров (Горный институт) с большой золотой медалью и начал свою работу на уральских заводах. В 1844—1846 гг. был смотрителем на Серебрянском заводе (вблизи Нижнего Тагила), а в 1846 г. был отмечен двухгодичной командировкой в Германию и в Бельгию, где изучал горнозаводское дело. Вернувшись в Россию, он был направлен на свой завод.

Благодаря обширным знаниям, изобретательскому таланту и организаторским способностям, он быстро продвигался по служебной лестнице и в 1854 г. был назначен руководителем Златоустовского оружейного завода, изготавливавшего холодное оружие. Ещё раньше у Обухова родилась идея создать специальную литую сталь для оружия (сталь, изготовленная таким способом, обладает более высокой прочностью, твердостью и рядом других ценных преимуществ).

Вокруг себя изобретатель собрал талантливых людей — не просто помощников, получавших от него жалование, а людей, преданных делу. Сведения о нем как о человеке «честном», «энергичном» и «обладающим знаниями» дошли до Петербурга. Крымская война обнаружила слабые места русской артиллерии, и перед Обуховым поставили важнейшую задачу: освоить производство огнестрельного оружия, требовавшего особо прочных сортов стали. Уже через три года (1857) Павел Матвеевич получает привилегию (патент) на изобретенный им способ массового производства тигельной стали высокого качества. Опробование проводили на ружейных стволах. Только после успешных испытаний приступили к исполнению главного задания — отливке стальных пушечных стволов.

Дело было государственным, чрезвычайно важным, обо всех новостях в производстве русской стали докладывали императору. Александр II давал личные распоряжения по выделению средств на эти испытания. Для осуществления работ под руководством П.М. Обухова в 1859 году в Златоусте была построена сталепушечная фабрика. Литая сталь, получаемая по его методу, обладала превосходными качествами. «Сталь эта, — писал современник, — отличалась необычайной упругостью... Так, выделанные из неё шпаги свободно свертывались в кольцо и, развертываясь, не изменяли нисколько первоначальной своей прямизны... Воистину, это превосходило всякое вероятие!» Из этой стали готовились кирасы, клинки, рабочий инструмент, отливки для ружейных стволов.

В 1860 г. на фабрике впервые в России началось производство стальных 4-фунтовых пушек (калибр 78,5 мм). Испытывали их в Санкт-Петербурге под наблюдением высшего начальства, а для сравнения испытывали также орудия из крупновской и английской стали. Ни одна иностранная пушка не смогла выдержать более двух тысяч выстрелов, а обуховская выдержала четыре тысячи. Успех

испытаний был колоссальный. Присутствовавший на стрельбах великий князь Михаил Николаевич, брат Императора, курировавший артиллерийское производство, расцеловал металлурга в обе щеки.

Мало того, пушки обуховской стали обходились казне по 16 рублей за пуд, крупновские — по 45 рублей (не считая расходов на перевозку), а английские — еще дороже. Разнообразные испытания доказали, что обуховская сталь по всем параметрам превосходила крупновскую и английскую. Например, струг для выделки кож, изготовленный из стали Обухова, мог без повторной заточки обработать две тысячи шкур, тогда как струг из английской стали — лишь восемьдесят. Не зря сталь, изготавливаемая по методу Обухова, получила собственной имя — «Русская сталь».

Появление пушек Обухова сделало переворот в пушечном производстве и вывело Россию в число первых военных держав. Знаменитая пушка была оставлена на вечное хранение в Артиллерийском музее (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи) в Санкт-Петербурге. На стволе пушки выгравировали надпись: «Отлита в 1860 году из стали Обухова. Выдержала более 4000 выстрелов». Обуховские пушки умножили славу русской артиллерии, которая считалась лучшей в мире вплоть до 1991 г. (о состоянии современной российской артиллерии сведения в открытых источниках самые разноречивые — от больших плюсов до больших минусов). В 1862 г. на Всемирной выставке в Лондоне стальная пушка П.М. Обухова была отмечена золотой медалью.

В 1861 г. П.М. Обухов был избран членом-корреспондентом Ученого Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления, произведен в полковники и назначен начальником Златоустовского горного округа. В 1861—1863 гг. он был горным начальником всех Златоустовских заводов, а в 1863 г. направлен в Санкт-Петербург, чтобы в столице возглавить строительство крупного сталелитейного завода. Завод этот был основан 16 мая 1863 г. русскими инженерами П.М. Обуховым, Н.И. Путиловым и купцом С.Г. Кудрявцевым.

В том же году были возведены два громадных каменных корпуса, приспособлено здание для отделки стальных орудийных болванок, заказаны механические станки, начато приготовление тиглей для первой плавки. Вскоре прибыли златоустовские мастера с семьями, и им было отведено лучшее жилье. Уже 15 (27) апреля 1864 года на заводе

торжественно, в присутствии представителей министерств, под руководством основателя завода П.М. Обухова была произведена первая отливка стали, а через две недели литейный цех посетил Государь и лично наблюдал отливку 96-пудовой стальной болванки. До 1868 года П.М. Обухов руководил металлургическим производством на заводе, продолжая работать над совершенствованием способов выплавки стали. В том же году инженер получил титул действительного статского советника.

Напряженная работа требовала много сил. Из-за вконец расстроенного здоровья Павел Матвеевич вынужден был оставить работу и уйти в отставку. Осенью 1868 года он уехал лечиться за границу, но сделал это слишком поздно, начала быстро прогрессировать чахотка. Скончался он 1 (13) января 1869 года на 49-м году жизни в бессарабской деревне Пятра. Его тело было перевезено в Петербург и похоронено на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Детище П.М. Обухова — Петербургский сталелитейный завод в 1869 г. по предложению Путилова в память своего основателя был назван Обуховским. С 1886 года завод перешел в казенную собственность и стал одним из передовых предприятий России. Завод выпускал сталь, пушки, башенные артиллерийские установки, снаряды, разнообразное оборудование и даже хирургические инструменты и оптические приборы. Его продукция экспортировалась во многие страны Европы, в том числе в Германию и Англию, а обуховская сталь считалась лучшей в мире. В 1913 году, накануне Первой мировой войны, завод выпустил 90% вооружения для военно-морского флота и до 50% — для сухопутных войск. Первым в СССР он начал производить тракторы и танки, оставаясь до последнего времени одним из крупнейших предприятий оборонного комплекса страны. Многие годы Обуховский завод был и научно-исследовательским центром, в котором трудились многие знаменитые учёные-металлурги России.

К 200-летию со дня рождения П.М. Обухова на территории завода ему был открыт памятник. «Сегодня для всех обуховцев очень важный день — мы открываем памятник выдающемуся человеку, учёному, технолог, промышленнику и военному, и самое главное, патриоту. Можно сказать, что Павел Матвеевич Обухов вернулся на свой завод», — сказал на открытии генеральный директор завода М. Подвязников.

Лирическое отступление. Мой дед, Владимир Петрович Габрусенко, выходец из крестьян Могилевской губернии, проработал на Обуховском заводе с 1902 по 1917 год. Будучи токарем высокой квалификации, он растачивал стволы корабельных орудий, где требовалась особая точность. В семейной хронике сохранилось немало любопытных свидетельств о том времени.

В частности, при заводе были дома для рабочих. В одном из таких домов в Мурзинке, в квартире с отдельным входом, жил дед с семьёй. При заводе была своя больница, где бесплатно лечили рабочих и членов их семей. При заводе был и свой магазин (предтеча советских ОРСов), где продавали доброкачественные продукты питания, причем намного дешевле, чем в коммерческих магазинах, и, главное, — в кредит, по «заборным книжкам». По такой книжке жена могла набрать продуктов, а потом из зарплаты мужа их стоимость вычитали — мера исключительно рациональная и одновременно гуманная: если муж и «заложит за воротник», семья голодать не будет.

На заводе была даже своя самодеятельность — известный в Петербурге любительский хор. Наконец, заводская администрация по воскресениям часто устраивала праздники для рабочих, например, пикники в расположенном по соседству Апраксином саду (в советское время переименован в сад «Спартак»), где работали буфеты, проходили игры, аттракционы и развлечения для ребятишек и куда рабочие приходили с семьями. Так что социалистический опыт на Обуховском заводе, да и на многих других казённых заводах России, был накоплен немалый. И чтобы этот опыт распространить на всю страну, совсем не обязательно было устраивать революцию с многомиллионными жертвами.

Лина МКРТЧЯН

ВОЙНА И КУЛЬТУРА ИЛИ ВОЙНА С КУЛЬТУРОЙ

Подняв уста от мерзостного брашна,
Он вытер свой окровавленный рот
О волосы, в которых грыз так страшно,
Потом сказал: «Отчаянных невзгод
Ты в скорбном сердце обновляешь время
Не только речь, и мысль о них гнетёт».

Данте. «АД». XXXIII.1-6.

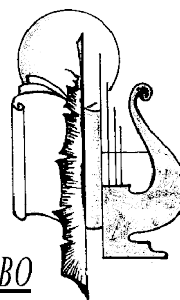
Перевод М. Лозинского

Недалеко от великих предателей — Иуды, Брута и Кассия — Данте видит...

А мы, читавшие «Божественную комедию», что видим мы, в чреде предательств, совершаемых во время Войны, в переломный, быть может, главный период нашей истории? Что ж, «мы можем о том, куда они нас ведут, заключить из того, до чего они нас довели».

Кто же эти «отцы»-основатели того направления в культуре, особенно в кинематографе, к которому так привержен Кончаловский? Ведь это человек, обременённый фундаментальными, не компьютерными знаниями, чувством стиля, а значит, и меры.

Первыми его предшественниками были Абрам Дранков и Григорий Либкен. В год

ИСКУССТВО

80-летия Льва Николаевича Толстого, зимой 1908 года, этот самый Абрам приехал с кинокамерой в Ясную Поляну. Однако, будучи выставлен за дверь, направился к туалету на улице. Был жгучий мороз, но отважный Абрам спрятался в дощатом туалете и стал ждать. И таки дождался того момента когда в туалет пожаловал граф Толстой. Скрытой камерой (впервые в истории мирового кинематографа!) был заснят великий автор «Войны и мира».

Ну а Григорий Либкен (до переворота колбасный магнат в Ярославле), возглавляя «Акционерное общество Г. Либкена», снял двухсерийную сенсационную фильму «Тёмные силы. Григорий Распутин и его сподвижники» (сценарий Б. Мартова, режиссёр С. Веселовский). Эта фильма была снята за несколько дней: 5 марта её анонсировала газета «Раннее утро», а 12 марта она вышла на экраны кинотеатров («Петроградский листок», 1917, №71, 23 марта; «Всемирная новь», 1917, №21, июнь). К слову, «Торговый дом Либкена» до государственного переворота был крупнейшей в Российской Империи кинофирмой. Сколотив громадное состояние на грязных поделках, Либкен уехал во Францию, но его порнографические опусы ещё долго были в прокате. («Герой нашего времени» — «Сибирская торговая газета». Тюмень, 1917, №65, 22 марта).

Этот переломный имманентно подражательный период в творчестве Кончаловского начался в середине пути, ибо начало его было ослепительно. Все первые фильмы — «Мальчик и голубь», «Первый учитель», «Ася Клячина...» вошли в сокровищницу советского кино. А первой трещиной стало всеми нами любимое «Дворянское гнездо». Вряд ли в таком воплощении Красоты даже опытный взгляд увидит эту таинственную трещинку. А ведь не могла тургеневская девушка, пусть даже в сопровождении матери приехать в дом к мужчине в платье с обнажёнными руками, обнажённой грудью и... простоволосой. И это вопрос не стиля и даже не этики, а исторической правды, как бы скучно это ни прозвучало. Музыка Вячеслава Овчинникова не просто гениальна, она была бы едва ли ни главным героем этой экранизации, если б не волшебный мир Тургенева глазами Георгия Рерберга — носителя *Любви* в этой истории, как и во всех, где его камера светила этой Любовью. Он словно владел леонардовым сфумато. Их таких было пятеро — оператор, режиссёр и монтажёр Артаваз Пелешян, Сергей Урусевский, Анатолий Петрицкий, Павел Тимофеевич Лебешев, Вадим Юсов. И, конечно, Юрий Клименко и Сергей

Юризицкий. Но вернёмся к Рербергу, ибо именно он был свидетелем и невольным участником того перелома, который в результате и привёл Кончаловского к фильму-преступлению — «хроники» «русской» «революции». Этим переломом стала экранизация «Дяди Вани» Чехова. Уже здесь, за 50 лет (!) до «хроник», был заложен тот камень основания лжи, которая с использованием умелой технологии перемонтажа тончайшим ядом вливалась и всасывалась в сознание зрителей, очарованных выдающимся актёрским ансамблем и божественным Даром Рерберга. Не знаю, что было, когда увидел он уже смонтированный материал, но вот что было с автором музыки Альфредом Гарриевичем Шнитке, представить не трудно...

Так в чём же Кончаловский стал прямым продолжателем дела Абрама Дранкова и Григория Либкена? Кончаловский в «Дяде Ване» впервые применил их фирменный метод — представить Государя Императора Николая II Александровича тем, кем Он никогда не являлся — вырезал из подлинной хроники окружение людей, приклеил уже одного Государя к голым голодным детям, к умирающим на грязных нарах и т.п. Ложь профессиональная и недостойное такого художника, как Кончаловский, нравственное падение. Фильм цветной, и вдруг «25-м кадром» врезаются, как вспышки, эти чёрно-белые вклейки. Причём же тут Антон Павлович Чехов? А это то, что через десятилетия кириллы серебрянниковы будут называть «я так вижу»... Зависть и злоба ко всему Русскому ещё недавно такому зоркому и талантливому Кончаловскому застилала глаза и гнала из страны, давшей ему ВСЁ.

Прожив почти 10 лет в Голливуде и вернувшись ни с чем, ещё более злобным и завистливым, он, подобно Дориану Грэю, уже не видел того, что было, увы, очевидно всем. Так стали появляться одно за другим не произведения искусства, а полупрофессиональные поделки: «Ближний круг» (1991), «Курочка ряба» (1994), олицетворявшие уродства ещё одного государственного переворота, на сей раз под названием «перестройка». Ну а дальше — «Глянец» и, наконец, «венец» жизни — «хроники» «русской» «революции».

Старый Сальери дважды пытался покончить с собой и окончил свою безславную жизнь в сумасшедшем доме, пережив убиенного им Моцарта на 34 (!) года. Наш Сальери слишком любит себя, как и прежде. У него теперь в воспалённом мозгу планетарный «проект» — 16 серий грязной клеветы и подделок. А потому *наш* Сальери «живее

всех живых» и для 5-й колонны, несомненно, «знамя, сила и оружие». На этих его «хрониках» «русской» «революции», которую сами участники событий называли переворотом, споткнулся «консультант» сериала «историк» Юрий Петров. Это о таких, как он, незабвенная Фаина Георгиевна Раневская говорила: «Деньги можно проесть, а стыд останется».

К слову о деньгах. 99% лучших советских экранизаций, особенно в 70-е годы, начинались с титров: «По заказу Государственного Комитета СССР по телевидению и радиовещанию»: Достоевский, Шекспир, Толстой, Чехов, Шукшин, не говоря уже о ранних экранизациях Шолохова! Эти же титры предваряли даже такой тончайший, элитарный шедевр Ильи Авербаха, как «Фантазии Фарятьева», в котором Андрей Миронов сыграл главную и единственную свою роль, выдержав соседство таких великих актрис, как Лилия Олимпиевна Гриценко и Зинаида Шарко! И так, когда фильмы, спектакли, симфонии, балеты оплачивались Государством, зрители, т.е. народ, страна воспитывались на шедеврах, и никакой Алишер (пусть даже и Усманов) не мог отнять у Государства ни-че-го.

Невольно вспоминается в те же 90-е — в начале 2000-х известный в Москве священник, который уж если ему что не понравится — кричал прямо с Амвона: «Вы коммунисты! Вы монархисты! Вы патриоты!» А потом без паузы, видя, как в храме все осеняют себя крестным знаменiem со словами: «Свят, Свят, Свят»... ещё пуще распалялся и повторял то же, только в обратном порядке: «Вы патриоты! Вы монархисты! Вы коммунисты!»... Судя по всему, Кончаловский пребывает сейчас в том же состоянии духа, увы. Иначе зачем именно сейчас, в разгар Войны, когда страна пытается объединиться, очиститься, воспрянуть, когда гибнут наши святые дети в Донбассе, зачем именно сейчас 5-я колонна выстрелила этими грязными «хрониками» истратив на них столько денег, сколько хватило бы нашим бойцам до полной Победы, да ещё к тому же в обход закона о запрете пропаганды гомосексуализма, подписанного президентом!

Как воинствующий атеист Кончаловский, видимо, к 25-летию Канонизации Царственных Мучеников, спешил продемонстрировать своё видение «правды» о Государе и всей Августейшей Семье! У Николая II Александровича были огромные голубые глаза, взгляд которых, по свидетельству всех очевидцев (включая недругов), мог выдержать только честный человек. Об этом проговорился

и главный герой сериала полковник Прохоров (Юрий Борисов), который после убийства всей Семьи, плача, рассказывает о том, что у Государя был взгляд, как у ребёнка... А у актёра актёрыча Н. Ефремова глаза, как у пьяного китайца. Николай II Александрович был очень спортивен, худощав, а у Н. Ефремова — живот. (Впрочем, почти все военные здесь неправдоподобно толстые, пузатые, с рыжими волосами и приклеенными бородами!) У Государя (и это видно на **всех** фотографиях) — мягкая гладкая бородка и такие же усы, здесь же — тёмные мочала... Но даже если на всё это закрыть глаза и только слушать, **что** Он говорит, — любой нормальный человек нажмёт на «stop».

Немаловажная «деталь». В 2014 году вышел замечательный во всех отношениях фильм режиссёра Андрея Малюкова «Григорий Р.» Замечателен он не только потрясающим ансамблем Актёров, но прежде всего **Правдой**. Впервые, пусть не до конца (это ещё в нашей стране **пока** невозможно), на 80%, особенно об Александре Фёдоровне, о Танеевой, о Старце Григории Ефимовиче (у которого было 8 двойников!), об атмосфере внутри Двора, где почти все ненавидели Августейшую Семью, Которую знающие Их Величеств называли Малою Церковью, и даже ритуальное убийство Старца, почти целиком впервые, благодаря этому фильму, увидели миллионы людей. Актёр актёрыч, который играл в этом фильме грязную *любовницу* князя Феликса Юсупова, был тот самый Н. Ефремов. Вот, наверное, это и стало главной точкой отсчёта для сатанинского проекта Кончаловского. Именно его — педераста вел. кн. Дмитрия Павловича, которого играл Н.Е., и избрал он на роль Царя-Мученика! И ещё. В «хрониках» задействованы 164 «героя» и **ни единого** из тех исторических лиц, которые были ключевыми в тот период! И это только за то, что они были до последнего вздоха верны Царю и Отечеству. Кончаловский то ли хвастал, то ли жаловался на то, что пришлось прочитать не менее 500 книг... Но было бы достаточно прочитать 5, чтобы на экране присутствовали генерал-губернатор С-Петербурга Владимир Фёдорович Фон дер Лауниц, убиенный на паперти храма после Причастия; военный министр генерал В.А. Сухомлинов, оставивший воспоминания — свидетельства происходящего; генерал Келлер; полковник Ф.В. Винберг, отказавшийся присягать временному правительству и написавший в тюрьме книгу «В плену у обезьян» (1918 г.). И ни слова

о Земском Соборе, почётным председателем которого был Патриарх Тихон!!!

Если б Кончаловский был русским человеком, впору было бы вспомнить золотые слова Надежды Филаретовны фон Мекк: «Уж если русский не любит что, так это только своё»... В этом смысле, кроме грязной клеветы на Государя, на всю Семью и Старца-Молитвенника, продлившего жизнь Цесаревича Алёшеньки, Кончаловский заложил ещё одно смертоносное оружие: вывел в центр повествования одного-единственного положительного героя — неподкупного Русского офицера, честного, чистого, верного, а к концу «подложил» его под проститутку, и всё предыдущее перевернул на 180° — вот, мол, смотрите: ваш честный и неподкупный — на самом деле грязный блудник, пьяница и конформист.

Где наше (?) Военно-историческое общество?!!

Где Церковь?!!

Да, Благоразумный разбойник раскаялся за минуту до смерти, и, быть может, Кончаловский сделает то же. Но кто сегодня спасёт миллионы испачканных и искалеченных этим просмотром человеческих Душ? Кто ответит за это Преступление?

Когда Маймонида спросил ученик: «Есть ли место в аду более глубокое, чем то, которое назначено для христиан? Маймонид ответил: «Да. Оно там, где находятся недостойные иудеи».

Так корни говорят листам:

*«Мы те...
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Но только помните ту разницу меж нас,
Что с новой весной лист новый народится;
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».*
И.А. Крылов

Ноябрь 2025 г.

Андрей ФЕФЕЛОВ

И ТАЙНОЕ СТАНЕТ ЯВНЫМ

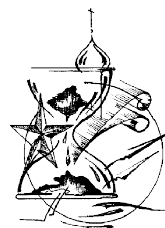
В эти дни, когда мы отмечаем восьмидесятилетие трибунала в Нюрнберге, самое время задаться важным вопросом: состоится ли новый Нюрнбергский процесс над главной преступной силой современности?

В мировой политике, как в дьявольском уравнении, есть одна неизвестная величина. Она не любит себя выпячивать, предпочитая вечно оставаться в тени. Это государство-призрак, лишённое территории и названия. Его присутствие ощущает каждый государь и каждый президент, однако о нём не принято говорить вслух, ибо на такие разговоры наложено негласное табу. Ведь это же теория заговора, не так ли?

Влияние этого субъекта напоминает гравитацию мифической планеты-невидимки Нибиру. Оно искривляет пространство истории, создаёт странную, противостественную геополитику.

Пока этот субъект остаётся в тени — он обладает колоссальной, почти мистической властью. Властью того, кто видит всех, но сам остаётся невидимым.

Взгляните на Европу — на этот старый, давно уже захваченный и опозоренный

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

полуостров. Разве не прекрасна абсолютная синхронность, механическая слаженность почти всех действий правительств стран, входящих в так называемый Евросоюз? Они голосуют, говорят и молчат по команде. Но кто же даёт эту команду? Долгое время нас уверяли, что, мол, эти жалкие европейские элиты потому несубъектны, что ими управляет из-за океана пресловутый «вашингтонский обком». Но вот пришёл Трамп, и выяснилось, что «обком» не управляет Европой, а лишь пытается влиять на неё.

Кто и как, при помощи какой магии держит в едином квазигосударстве ЕС десятки разновеликих стран, чьи суверенные интересы не совпадают друг с другом, а то и противоположны? Кто заставляет их жертвовать своими активами во имя химерических целей, провозглашаемых с трибун в Брюсселе?

А когда вы слышите лютый, животный вой сотни «авторитетных» международных медиа — от американского «Вашингтон пост» до британского «Экономиста», которые всегда действуют в едином порыве и по одному сценарию, ничего не приходит вам в голову? Вероятно, все эти редакторы, издатели и «независимые» журналисты просто думают одинаково, их мысли — близнецы. Вероятно, они готовы рисковать и остервенело грызть президента США просто потому, что им так хочется. Или у них всё же есть один общий хозяин, один дирижёр, который взмахивает своей палочкой и начинает те или иные военные действия на информационном фронте?

Уже понятно многим: Демократическая партия США стала лишь легальным прикрытием, «офисным крылом» чудовищной транснациональной террористической банды. Речь идёт о картеле, на счету которого миллионы загубленных жизней, разрушенные города, взорванные государства, уничтоженные экономики.

Агентами этой структуры являются правящие слои стран Европы, а также правительства Великобритании, Канады, Австралии и Украины.

Хоть это зло действует безымянно и анонимно, нам проще называть его именем «глобалисты».

Итак, преступления глобалистов беспрецедентны и по масштабу, и по уровню цинизма. Они превышают даже преступления Гитлера и его шайки. Глобалисты, прикрываясь риторикой «демократии» и «прав человека», организовали уже в XXI веке серию кровавых войн, превратив цветущие страны — Ирак, Ливию, Сирию — в выжженные пустыни. Это их руками проводились по всей планете «оранжевые революции»

по свержению непокорных правительств, внедрялись технологии по растлению целых наций через навязывание им античеловеческих ценностей.

На протяжении многих десятилетий эти силы уничтожали суверенитеты всех стран. Наш Советский Союз был демонтирован глобалистами, специально взращенными для этих целей в недрах советской элиты.

СССР был разрушен в ходе перестройки во имя установления Нового мирового порядка — всё это мы прекрасно помним...

О сути этого порядка заявляют сами идеологи глобализма. Сокращение численности населения под предлогом спасения планеты — это старая идея, восходящая к евгеническим программам фондов Рокфеллера и Карнеги (нежелательная в РФ организация-иноагент).

Но это лишь одна сторона преступной деятельности данных организаций. Судить глобалистов надо и за духовный геноцид! За навязывание народам Земли преступной прогрессистской повестки, за тотальное продвижение запрещённой у нас экстремистской ЛГБТ-идеологии, за пропаганду однополых «браков» и методичное разрушение основы основ цивилизации — традиционной семьи. За глумление над христианскими святынями, что было так откровенно продемонстрировано на церемонии открытия Олимпиады в Париже.

На совести глобалистов — и политические убийства, и террористические акты, среди которых и чудовищный спектакль 11 сентября 2001 года.

Но, возможно, главное их оружие — финансовые спекуляции и информационный террор. Упомянутая выше всемирная машина СМИ напоминает батарею информационных пушек, которые день и ночь бьют прямой наводкой по сознанию миллионов.

Сейчас, когда проект глобалистов терпит крах, необходимо авторитетное международное расследование деятельности этой транснациональной преступной группировки.

В конечном счёте нужен открытый судебный процесс над глобалистскими извергами, как некогда над нацистами. Такой трибунал поставит точку в этой мрачной главе истории цивилизации и откроет путь к преображению духа, к освобождению народов планеты из-под гнёта осатаневших маньяков, возомнивших себя богами.

г. «Завтра»

МЕРЗАВЦЫ В «СОВЕТЕ МИРА»

Геноцид, осуществляемый в Палестине фашистским режимом Израиля, достигает своих целей. Сектор Газа фактически «упраздняют». Значительную часть людей в Газе Израиль физически уничтожил, отправил на тот свет при мощной поддержке США и лично американского президента. Остаток населения подлежит теперь фактическому рабству или «добровольному» изгнанию на территории, где это население также не будет иметь никаких прав.

Совет безопасности ООН принял резолюцию, разработанную группировкой Трампа и Нетаньяху. CNN сообщает: «Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию с мирным планом президента США Дональда Трампа для сектора Газа. Документ включает, в частности, создание Совета мира и размещение в Газе международных сил. Из 15 стран — членов СБ ООН 13 поддержали резолюцию. Россия и Китай, обладающие правом вето, воздержались».

Эта резолюция, по сути, утверждает так называемый «план Вашингтона по урегулированию конфликта в секторе Газа». Ранее план был широко анонсирован в мировых СМИ, затем в минувшем октябре принят на «саммите мира» в Египте и теперь получил уверенную поддержку в ООН.

Этот «мирный план» предполагает внешнее управление Газой, переселение части населения за 5 тысяч долларов в другие хорошо контролируемые территории. Газа, по проекту Трампа и его окружения, будет в дальнейшем, по всей видимости, превращена в «ривьеру», «курортную зону», где будет выстроена новая экономически выгодная недвижимость, будет бизнес, туризм, развлечения. Самостоятельной Газы уже не будет. Движение ХАМАС, которое борется за независимость Газы, Трамп и Нетаньяху при мировой поддержке намерены уничтожить окончательно. Все разговоры о «мирном урегулировании в Газе» идут в то время, когда армия Израиля удерживает часть ее территории в оккупации.

Такой порядок вещей полностью одобрен ООН. Трамп шлёт поздравления всему миру: «Поздравляю весь мир с

невероятным голосованием Совета Безопасности ООН, в результате которого было признано и одобрено создание Совета мира, который я буду возглавлять и в который войдут самые влиятельные и уважаемые лидеры во всем мире».

Если бы хоть одна страна выступила против на голосовании в СБ ООН, против фактического уничтожения Газы, то Трамп не писал бы своих поздравительных речей, а Газа еще могла бы оказывать сопротивление израильским оккупантам. Но все страны, принимавшие участие в голосовании, включая Саудовскую Аравию, Катар, Египет, все участники заседания не выразили никаких возражений. А Россия и Китай воздержались...

Трамп ликует. «Это войдет в историю как одно из важнейших решений в истории Организации Объединенных Наций, приведет к укреплению мира во всем мире и станет поистине историческим событием! Спасибо Организации Объединенных Наций и всем членам Совета Безопасности ООН: Китаю, России, Франции, Великобритании, Алжиру, Дании, Греции, Гайане, Южной Корее, Пакистану, Панаме, Сьерра-Леоне, Словении и Сомали», — написал американский президент в соцсети. Он также поблагодарил страны, которые поддерживали усилия США: Катар, Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию, Индонезию, Турцию и Иорданию».

Если бы Россия воспользовалась правом вето, выступила бы против, это было бы серьезным шагом по отстаиванию не только независимости Газы, но, может быть, в первую очередь, по отстаиванию собственной независимости.

То, что происходит с Газой, обязательно будет применено по отношению к России. Заместитель Трампа Вэнс уже заявлял: «Если в Газе всё будет сделано должным образом, то это может стать моделью для мирных соглашений по всему миру». Захват и раздел Газы — это еще и отработка технологии, создание модели, по которой будет захватывать земли мировой преступный синдикат.

Все ли осознают, что на наших глазах осуществляется циничное, жестокое преступление, даже несравнимое с тем, что делал Гитлер? При том, что Гитлера мир не поддерживал, Европа, США, СССР выступали против Гитлера. А Нетаньяху и Трампа — эдакого двуглавого Гитлера поддерживают даже те, кто первым должен был выступить против. Поддерживают арабские страны! Точнее, не страны, а их продажные руководители.

Вот что сказал российский представитель в ООН Небензя: «Представленный Соединенными Штатами документ — это очередной кот в мешке. По сути, совет дает благословение на американскую инициативу под честное слово Вашингтона.

<...> Главное, чтобы этот документ не стал ширмой для бесконтрольных экспериментов Соединенных Штатов и Израиля на оккупированной палестинской территории и не превратился в приговор двухгосударственному решению».

Но про какого кота говорит Небензя? Про какой мешок? Всё ведь ясно и понятно даже не постпреду в ООН, а простому работяге, читающему время от времени газеты «Коммерсант», «Известия» или «Российскую газету». Конечно, работяги газет могут не читать. Но они и не представляют Россию в ООН. Хотя в данном случае, может быть, лучше бы представляли...

США свой документ не очень-то прятали. И план их из 20-ти пунктов по Газе широко анонсировался. Главное — Сектор Газа переходит под управление совета, который возглавляет Трамп, то есть полностью утрачивает свою, пусть и формальную, независимость, потеряв перед этим в ходе зверских атак и жесточайших блокад Израиля десятки тысяч людей, включая младенцев.

Вся суть пакета бумаг по «мирному урегулированию», разработанных кланом Трампа и его зятем Кушнером, сводится к банальному бандитскому разделу территории оккупированного Израилем Сектора Газа. Раздел этот осуществляется не в пользу каких-либо государств, а ради карманов международных преступных группировок, захвативших власть в мире. Одним из исполнительных директоров мирового криминального синдиката является Трамп — по совместительству американский президент.

Китай, кстати, тоже не выступил против резолюции СБ ООН, одобряющей фактическое уничтожение Газы. Но Китаю, как показывает исторический опыт, часто всё равно, лишь бы не страдали его торговые интересы. Да и со Штатами у Китая вполне дружественные отношения, как подтвердил недавний саммит АТЭС в Южной Корее, где обнимались Трамп и Си. И товарооборот у Китая с США в разы больше, чем у США с Россией.

А вот позиция воздержания со стороны России на фоне поддержки Трампом кровавого режима Зеленского, на фоне санкций против нас, на фоне вообще вероломного, грязного поведения этого защитника Израиля... Позиция России выглядит, мягко говоря, странно. Но в наших СМИ так развернули молчание России в Совбезе ООН, будто бы это был подвиг: «Россия не стала голосовать за план Трампа!»

Модель «мирного урегулирования в Газе» по-американски и по-израильски с введением после осуществлённого геноцида внешнего органа управления в виде трамповского «совета мира», обязательно будет реализовываться и других регионах мира.

Виктор СЕБЕЛЕВ

ЗАЧЕМ НАМ НЕЛЕГАЛЬНЫЕ МИГРАНТЫ?

Федеральный закон от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ в статье 25.10 даёт определение мигрантам, у которых отсутствуют документы, подтверждающие законность их пребывания или проживания как незаконно находящихся в России иностранных граждан. Незаконных мигрантов еще называют нелегальными мигрантами, даже если они въехали в страну легальным путем и были поставлены на миграционный учет, но срок его действия уже истек или был сокращен. Количество нелегальных мигрантов в России постоянно растёт и уже достигло 775 тыс. человек.

Несмотря на настойчивые требования международных организаций декриминализировать нелегальную миграцию, а незаконных мигрантов толерантно называть иностранцами «с неурегулированным статусом», российским законодательством установлены достаточно жёсткие меры борьбы с этим явлением. Так, например, за отсутствие документов, подтверждающих законность пребывания, предусмотрено административное выдворение с запретом на въезд сроком на 5 лет (статья 18.8. КоАП РФ), а за продолжительное незаконное пребывание выносится решение о неразрешении въезда сроком на 5 или 10 лет, в зависимости от его длительности (пункты 13 и 14 статьи 27 федерального закона от 15 августа 1996 № 114-ФЗ).

Государство Российское указом президента от 30 декабря 2024 года № 1126 (продлён указом от 28 апреля 2025 № 272) предоставило шанс нелегальным мигрантам безнаказанно легализовать свое пребывание, не выезжая из страны. Более восьми месяцев действовала миграционная «амнистия», в течение которых нелегальные мигранты были обязаны явиться в миграционный орган, пройти необходимые процедуры и урегулировать свой миграционный статус либо покинуть Россию. Результаты миграционной «амнистии», неутешительные — предоставленным правом легализации

воспользовались не более 10% от числа нелегальных мигрантов. Остальные просто не стали этого делать, возможно, опасаясь того, что за ними водятся и другие «грешки», более серьезные, чем утрата права на пребывание.

Очередная (!) миграционная «амнистия» завершилась еще 10 сентября 2024 года, но массового выдворения нелегальных мигрантов, не пожелавших урегулировать свой миграционный статус и не выехавших, до сих пор так и не последовало. Да и не могло произойти по разным причинам. Во-первых, для выдворения такого громадного количества нелегальных мигрантов нужны дополнительные силы правоохранителей и финансовые средства — ни того ни другого явно недостаточно (к тому же нелегалов еще нужно отыскать), а во-вторых, в феврале 2025 года федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ введен «режим высылки», который распространился на всех нелегальных мигрантов, включенных в «реестр контролируемых лиц».

В связи с этим возникла некая законодательная коллизия, когда, с одной стороны, незаконные мигранты подлежат выдворению из страны, а с другой стороны, они внесены в реестр контролируемых лиц и на них распространяется режим высылки, который не предусматривает обязательной высылки, а только устанавливает контроль и накладывает ограничения на их деятельность. Включённые в реестр контролируемых лиц нелегальные мигранты могут быть депортированы, но лишь в случае неоднократного нарушения (два и более раз) предъявляемых к ним требований: явиться в установленный срок, исполнять запреты и ограничения, информировать о месте своего местонахождения и т.п.

Сегодня правоохранительным органам вряд ли известно, где фактически проживают нелегальные мигранты, включённые в реестр контролируемых лиц. Тогда каким образом можно их контролировать? А если место их проживания известно, то зачем ждать, пока они совершат еще массу других правонарушений, а не депортировать их немедленно — все основания для этого уже есть? Парадоксальность ситуации очевидна.

Но в реестр контролируемых лиц включают не только тех, кто утратил право на пребывание в стране. В него обязаны включать и тех, кому назначено административное выдворение или вынесено решение о депортации, об утрате гражданства, тех, кому аннулирована виза или принято решение об отказе в предоставлении статуса беженца. Все перечисленные категории иностранцев согласно законодательству обязаны выехать из страны. Но выедут ли они теперь, если их включили в реестр контролируемых лиц?!

То есть реестр контролируемых лиц, возможно, будет служить своего рода индульгенцией — освобождением от справедливого наказания в виде выдворения из страны. Отсутствие массовых выдворений только подтверждает это предположение.

Необходимо учесть, что при подсчёте количества нелегальных мигрантов, невозможно учитывать тех из них, кто в установленный срок в 7, 15 или 30 суток (в зависимости от страны выезда) в миграционный орган для постановки на миграционный учет не обратились, но из страны не выехали. Они могут не попасть в реестр контролируемых лиц и не учитываться при подсчете нелегалов. Из более чем 12 млн. иностранных граждан, въезжающих в Россию ежегодно, не менее 9 млн. человек приезжают на длительный период (90 и более суток). Большинство из них составляют трудовые мигранты и многочисленные члены их семей. По различным оценкам до 3 млн. из них вообще не встают на миграционный учет (покупают фиктивный или просто игнорируют правила) и также становятся нелегальными мигрантами.

Можно утверждать, что упомянутый режим высылки содержит риск увеличения количества инокультурных мигрантов на территории страны за счёт защищенных от высылки нелегальных мигрантов. А массовая внешняя замещающая миграция (легальная в том числе) непременно уничтожит формировавшийся веками этнокультурный баланс России.

Но уже определён новый курс миграционной политики: миграционный фактор больше не рассматривается как вспомогательный способ решения демографических проблем, а приоритет обеспечения безопасности страны включен в число основных принципов миграционной политики. Это нашло отражение в новой Концепции государственной миграционной политики России на 2026—2030 годы (см. интервью «Российской газете» заместителя секретаря Совета безопасности России Александра Гребенкина).

Сегодня, как никогда, актуально звучат слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на пленарном заседании XXV Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 года: «Массовый приток мигрантов, не владеющих русским языком и не имеющих должных представлений о российской истории и культуре, о наших традициях и обычаях, а следовательно, неспособных и зачастую не желающих интегрироваться в российское общество, меняет облик российских городов, приводит к деформации единого правового, культурного и языкового пространства страны».

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(Ноябрь — декабрь)

5 ноября на заседании Совета по межнациональным отношениям с большой речью выступил президент В.В. Путин. Говорил он в основном о единстве всех наций и народов, живущих в России. И, к сожалению, ни словом не обмолвился о той **опасности**, которая грозит России от неконтролируемой миграции из стран Средней Азии и Закавказья. А все разговоры об этой опасности — назвал провокационными, идущими с подачи западных спецслужб и разжигающими межнациональные отношения. И это несмотря на громкие выступления по данной проблеме Патриарха, а также депутатов нижней и верхней палат парламента, несмотря на коллективные заявления по этому поводу военнослужащих СВО, несмотря на «Крокус-сити» и убийства мигрантами высокопоставленных генералов. Не говоря уже о многочисленных, довольно жестких и острых публикациях в русской прессе о возрастающей с каждым годом мигрантской преступности на нашей земле. Оказывается, как мы

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

услышали 5 ноября, все эти выступления, заявления и публикации — не что иное, как чьи-то провокации, идущие с вражеской подачи...

На том же заседании в речах некоторых выступающих (фрагменты этих выступлений были показаны по телевидению) звучало странное словосочетание: «государствообразующий язык». Ясно, что этот странный термин вырос в сознании некоторых «национальных» выдвиженцев из не менее странного конституционного определения: «язык государствообразующего народа». При этом **какого народа** — в Конституции стеснительно не указано. Вот и родилось на этой почве в головах национальных общественников это неуклюжее, никому не понятное новое словообразование: «государствообразующий язык». Что это за гибрид такой и с чем его употреблять, вряд ли кто-то из грамотных людей сможет растолковать. Способен ли язык, в отличие от народа, стать государствообразующим — тоже большой вопрос как для историков, так и для лингвистов. Но главное даже не в этом, а в том, что на заседании Совета по межнациональным отношениям никто ни разу не назвал русский народ государствообразующим народом.

* * *

На заседании Совета по межнациональным отношениям 5 ноября Владимир Путин предложил в качестве новой государственной идеологии использовать *патриотизм*. Как он сказал: заменить патриотизмом идеологическое понятие «советский народ». Ради российского единства.

Как нужно понимать, это была еще одна попытка (уже которая по счету) заполнить чем-то удобоваримым государственный идеологический вакуум. Ясно, что без четкой, всеми понимаемой и всеми принимаемой идеологии государство не может существовать бесконечно или продолжительно долго. Народ в большинстве своем должен всё же понимать, **кто** мы есть на этом свете, **куда** мы движемся в своем существовании и развитии и **ради чего** мы объединились в свое государство и защищаем его. Бесконечно не получать ответа от высшей власти на эти главные вопросы народ наш не только не может, но и не должен. И высшая власть это тоже, конечно, понимает. Потому сверху и вбрасывали нам то и дело за последнюю четверть века разнообразные варианты возможной государственной идеологии, ни один из которых, как известно,

не прижился. Потому что все они были придуманными, искусственными, не выросшими естественным путем из народного сердца и сознания.

И вот теперь еще одна попытка. Нам предложили *патриотизм*. Причем, как сказал президент, не квасной патриотизм, а «*воспитание любви к Отечеству при понимании того, что это значит для всех народов и этносов России*». Вот только для всех ли народов и этносов России слово «патриотизм» имеет одно и то же понимание? И это не праздный вопрос. В Татарстане, в Башкортостане, в Чечне, в Якутии и в других внутрироссийских республиках имеются собственные конституции, в которых тоже сказано о патриотизме. Но о патриотизме татарском, башкирском, чеченском, якутском и т.д. Причем титульным нациям этих республик свой собственный патриотизм чаще всего как-то ближе к сердцу... И что же? Они должны разделять два патриотизма — собственный, национальный, и одновременно общероссийский?.. И у всех ли это получится? Не придется ли многим народам и этносам этих республик себя насильно морально разрывать? Я даже не говорю о миллионах прибывших к нам мигрантов из Средней Азии и Закавказья, получивших российское гражданство: какой патриотизм в их сознании, в их душах будет на первом месте?..

Да, действительно, эта красивая идея, прозвучавшая из уст президента России, на первый взгляд, выглядит привлекательно. Во всяком случае русский народ ее воспримет положительно. Но скорее всего, предлагая эту идею, наша высшая власть не задавалась теми вопросами, которые изложены в этих размышлениях, а, как и прежде, спустила сверху еще один идеологический вариант в расчете на впитывание его **всеми** гражданами России — всеми и сразу. А как же иначе?! Кто же будет у нас против патриотизма?! Ну разве что какие-то скрытые иноагенты...

Но в том-то и беда, что всеми и сразу — вряд ли получится. Потому что обращена эта идея не к государствообразующему народу, составляющему, согласно статистике, 80 процентов населения России. Хотя, конечно, мы знаем, что статистика всегда врёт... И тем не менее...

Любовь к Отечеству не может быть идеологией государства. Эта любовь дается каждому человеку от рождения, т.е. заложена Свыше. Эту любовь в душе человека не могла победить даже жесткость и беспощадность собственных властей. Исторических примеров — тысячи. Об этой любви писали великие русские поэты — Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Есенин, Рубцов... И ее

русскому человеку не надо властям навязывать сверху и предлагать в качестве идеологии... Простой русский человек в любви Отечеству любым властям даст большую фору.

* * *

Не раз мне приходилось встречаться в русской прессе с таким термином, как «русская национал-патриотическая наука». Конечно, любая наука должна быть именно наукой без всяких оттенков. И я понимаю негативное отношение к данному термину со стороны некоторых ученых, писателей и публицистов. Но живем мы, как известно, не в идеальном обществе, да и вряд ли когда-либо будем в подобном обществе жить. Поэтому считаю этот термин «русская национал-патриотическая наука» вполне оправданным по той причине, что существует в нашей жизни т.н. либеральная «историческая наука», во многом лживая, которой была перенасыщена как официальная советская историческая наука, так и официальная нынешняя. Когда-то мы, люди преклонного возраста, учились по советским учебникам истории, в большинстве своем не сомневаясь ни в каких изложенных в них «научно-исторических фактах», которые в наше время осыпаются, как иголки с засушенной ёлки. Это касается многих вопросов — самодержавия, «декабризма», «русских революций» 1917 года, Николая II, Ленина, Сталина, Берии, «еврейского вопроса», «русского вопроса» и т.д. Это особенно ярко видно по «историческим» фильмам последнего времени, шедшим по центральному телевидению: один противоречил другому. Даже и внутри каждого фильма — сплошные противоречия. При том, что в титрах этих фильмов, как правило, указаны имена экспертов-историков. И если кто-то говорит: есть наука и ненаука, то он тоже заблуждается. Когда мы придем к единому знанию и пониманию исторической науки, — сказать очень трудно, почти невозможно. Может, через сто лет, если мир не превратится в руины. Но даже и тогда скорее всего одни мифы будут заменены на другие. К сожалению, историческая наука — заложница государственной идеологии. Как ни смешно, она же — заложница отсутствия этой идеологии. Это мы наблюдаем в России сейчас. И по этой причине существуют в нашей жизни как русская национально-патриотическая историческая наука, так и либеральная — по большей мере псевдонаучная. Причем вторая имеет гораздо большую материальную поддержку со стороны федеральных властей.

* * *

Наконец-то В.В. Путин на встрече с командующими фронтами, показанной 21 ноября по телевидению, назвал киевский режим шайкой преступников, узурпировавших власть с помощью военного положения. Эта шайка преступников, по его словам, «сидящая на золотых горшках», плевать хотела на украинский народ и украинских солдат ради войны с Россией. То, что Зеленский — еврейский главарь ОПГ (организованной преступной группировки), состоящей из таких же ублюдочных еврейских отморожков, поставленных им на ключевые правительственные посты, и я, и многие другие писали давно. Но вот наконец и президент Путин прямо, публично, на всю страну сделал то же самое. Как видно, и на него подействовал баснословный коррупционный скандал по разворовыванию многомиллиардной финансовой помощи Запада верхушкой этой «преступной шайки». И главным фигурантом по прикарманиванию западной помощи стал еврей Тимур Миндич, называемый «кошельком Зеленского», своевременно, еще до всплеска коррупционного скандала, вместе со своим финансовым поделельником А.Цукерманом сбежавший в Израиль, откуда, как известно, выдачи преступников не бывает.

И в эти же дни Трамп объявил о своем «мирном плане» по остановке войны на Украине, состоящем из 28 пунктов. План еще не был опубликован, но российские СМИ на всех информационных каналах кинулись горячо, даже эмоционально его обсуждать, словно для России после почти четырех лет войны этот американский «план» имел какое-то важное значение. В реальности это был план очередного перемирия, нужного Трампу, а не окончания СВО на наших условиях.

Президент В.В. Путин по поводу трамповского «мирного плана» сказал, что он может быть взят за основу, но некоторые его положения подлежат обсуждению. При этом он еще раз повторил, что Россия готова к переговорам с Украиной по завершению «вооруженного конфликта». При этих словах наверняка у всех наших людей возникал естественный вопрос: с кем переговоры? — С «преступной шайкой, сидящей на золотых горшках»?.. С нелегитимной «группировкой», узурпировавшей власть?..

Представитель США при ООН Майк Уолтц в ультимативной форме заявил, что если Россия не примет «мирный план» Трампа и не пойдет на прекращение огня,

против нее будут введены новые санкции. Согласно этому «плану», оккупированные нацистами города Херсон и Запорожье остаются в составе Украины.

27 ноября после завершения саммита президентов стран членов ОДКБ в Бишкеке В.В. Путин на встрече с журналистами сделал обнадеживающее заявление: «Мы не можем предать жителей Херсона и Запорожья, проголосовавших в свое время за вхождение в состав России»...

* * *

Как и можно было ожидать, фашиствующая Европа закатила истерику по поводу «мирного плана» Трампа. Ни в каком виде он ее не устраивал. Главные реваншистские главари Германии, Франции и Англии хотели продолжения войны против России руками украинских нацистов — никакой мир им был не нужен. И они ринулись отговаривать американского президента от его инициативы, а когда переломить его не удалось, стали выдумывать собственный план по сохранению бандеровской Украины и ее кокаинового дуче, закрыв глаза на разворовывание им и его поделщиками финансовой помощи Запада.

Сам же Зеленский по поводу трамповского «плана» шарахался из одной стороны в другую. Сначала резко отринул его, потом после встречи в Киеве с трамповским посланником Дрисколлом был готов с этим «планом» согласиться за исключением отдельных пунктов. И даже обратился к народу с объяснением, что у него нет другого выбора. Затем под давлением европейских ястребов, пообещавших ему новые валютные вливания за счет замороженных в Европе российских активов, вновь объявил, что Украина своей территорией не торгует и будет за нее воевать. Правая рука кокаинового дуче Ермак, один из основных фигурантов коррупционного дела, еще более агрессивно высказался о «плане» Трампа как об ужасной для Украины капитуляции.

* * *

Утром 28 ноября антикоррупционная структура Украины, контролируемая Федеральным бюро расследований США, провела обыск в квартире главы администрации Зеленского А. Ермака в рамках дела о коррупции. Вечером того же дня он подал заявление об отставке. И Зеленский его отставку утвердил. Но ведь Ермак исполнял поручения Зеленского, в

том числе и финансовые... В тот же день главные европейские реваншисты приняли решение о согласии с «мирным планом» Трампа... Вслед за ними и ничтожный Зеленский объявил о своем лояльном отношении к этому «плану» и о желании срочной встречи в Вашингтоне с Трампом... В Вашингтоне посчитали эту встречу преждевременной. Но всё более и более становилось ясно, что дни этого брызжущего кокаином еврейского ублюдка, в общем-то, сочтены...

Воевать у преступной киевской шайки тоже не получалось. За ноябрь—декабрь были освобождены от нацистов (к сожалению, с разрушением этих городов) Купянск, Волчанск, Красноармейск, Димитров, Северск, Гуляйполе.

* * *

2 декабря личные посланники Трампа Уиткофф и Кушнер прилетели в Москву и пять часов вели переговоры с В.В. Путиным по «мирному плану» американского президента. О чём они договорились или не договорились, сказано не было. Сразу после переговоров американские посланники вернулись домой, проигнорировав обговоренную ранее встречу с Зеленским, ожидающим их в Лондоне, что явилось для него плохим сигналом. Вслед за этим украинская делегация во главе с секретарем Совета национальной безопасности и обороны Украины Р.Умеровым и руководителем генштаба ВСУ А.Гнатовым вылетела в Вашингтон для встречи с Уиткоффом и зятем Трампа Д.Кушнером. Четыре дня продолжались эти переговоры без какой-либо малейшей утечки их результатов. 7 декабря они закончились. Ничем.

В тот же день Зеленский позвонил Уиткоффу и, по словам последнего, выразил свое несогласие со сдачей всей территории Донбасса, что является одним из главных условий «мирного плана» Трампа. То есть совершил очередной кульбит. После чего стало ясно, что украинско-американские переговоры по завершению войны провалились. Трамп, выступая перед журналистами, не скрывал своего возмущения.

Ясно, что совершить очередной головной кульбит Зеленского заставили главные европейские спонсоры, для которых война на Украине — гарантия их существования. Как только эта война закончится, их ждет расследование, суд и тюрьма, т.к. все они являются фигурантами коррупционного дела, ведущегося в Киеве под контролем американского ФБР. Все они имели и продолжают получать

свою долю от денег, выделяемых Украине на войну с Россией. И речь идет о миллиардах долларов — *каждому*, не говоря уже о самом Зеленском и его ближайшем окружении. Впрочем, и не только о его ближайшем окружении. Т.н. западная финансовая «помощь» Украине разворачивается на всех ступенях движения в «нэзалэжную». Иначе просто и не могло быть. Вороватая чиновничья и военная «дэржавна» каста по-другому свое существование и не мыслит. Так, старший сын Трампа рассказал по американскому телевидению, что когда он оказался на курорте в Монако, то увидел, что каждый второй автомобиль был с украинским номером... «Вот на что уходит наша помощь Украине!» — воскликнул он.

* * *

Телефонные мошенники из Украины продолжают, как в чём не бывало, обманывать и грабить доверчивое российское население — несмотря на все медийные предупреждения, объяснения, телепрограммы об этом и т.д. Все равно наивный российский обыватель легко ведется на обманные схемы, навязанные ему с телефонных звонков, идущих от незнакомых людей, представляющихся кем угодно: почтовыми сотрудниками, работниками поликлиник, банков, ЖКХ, каких угодно организаций вплоть до судебных органов, следственных комитетов и ФСБ. Но самое главное, государство в лице министерств, парламента и администрации президента этому обману и этому грабежу никак не мешает. Мол, грабят население украинские мерзавцы — пусть и дальше грабят. А ведь для государственных органов это элементарно сделать: перекрыть все телефонные звонки, идущие из Украины. Ведь перекрыли же Фейсбук и многие другие и сетевые каналы... А тут почему-то не могут, не хотят... Спрашивается: почему? Ответ, как всегда, самый убедительный: потому что.

Людмила ВОРОБЬЁВА

ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ

О героях повести Василия Килякова «Последние»

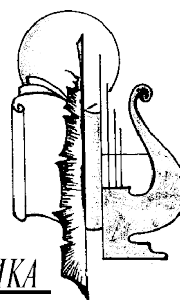
И только они двое существовали в неподвижном
остановившемся времени, и земля под ними
качнулась и поплыла.

Э. Хемингуэй, «По ком звонит колокол»

1

Что хранит человеческая память? — таким вовсе не праздным вопросом задаемся мы, когда читаем книги современной прозы. И хорошо, если эта новая проза раскрывается как постоянное размышление, и ты чувствуешь актуальность и вечность. Значит, действительно повезло. Значит, встретился с настоящим художником слова, обладающим собственной природой мышления, редким художником, умеющим донести свою мысль.

Творчество русского писателя Василия Килякова насквозь пропитано мыслью об исторической памяти, об ушедшем прошлом некогда единой страны. Из глубины, из недр самой памяти, из далеких лет звучит авторский голос былых воспоминаний. Писатель далёк от романтики. Он — реалист, который так видит жизнь и пишет только правду. Василий Киляков создает социально откровенную прозу и выстраивает особый индивидуальный мир. Все его произведения отличаются острой конфликтностью и резонируют с происходящим в социуме. Читатель ощущает глубокое дыхание буквально каждой строки. Здесь нет излишней

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

красивости — лишь суровая обнаженная истина как жизненное и творческое кредо писателя-философа.

Василий Киляков не льстит нынешнему веку, духу его и кумирам. Известно: чем меньше литература похожа на наивный реализм, тем она лучше и достовернее. Главное в творчестве — подлинность. Тогда будет непогрешимо звучать тема родовой памяти, тема войны и мира, тема человека во времени. В книге Килякова «Двое на всей земле» грань между литературой и жизнью стирается, и многое сливается в одно целое. В ней как раз живет иное пространство — позапрошлый век, с которым что-то ушло безвозвратно. Печаль, тоска, боль обильно разлиты по ее страницам. Сюда вошли две повести: «Светлые дали Евсеича» и «Последние». Первая повесть рассказывает про бывшего исполнителя смертных приговоров, вторая — посвящение последним жителям деревни, где ярко проявляется родовое начало, где высвечивается православное нравственное чувство. Поскольку о повествовании «Светлые дали Евсеича» говорится в моем критическом сборнике «У истока светлых дней...» (2025), то хотелось бы подробнее остановиться на другом произведении. Отмечу, что повесть «Последние» в 2024 году удостоена новой премии: Василий Киляков стал лауреатом Всероссийского литературного конкурса современной прозы имени В.И. Белова «Всё впереди».

К тому же в каждом повествовании автор предстает как зритель над миром и это не роковая случайность, а трагическая закономерность нашей эпохи, величественной и катастрофически тяжелой. Причем поражает непоказная, невыносимая боль за свой народ. Он пишет о человеческом и национальном достоинстве, о государстве, которому подчас не нужно наше прошлое и которое уверено, что в его силах отменить будущее. Пишет о том государстве, которому неведомо покаяние.

И в этом смысле личной народной боли Василий Киляков — писатель несравненный, отличающийся замечательной искренностью, не боящийся горькой реальности бытия. Русский человек сегодня болен, и вместе с ним больна вся страна. Книга «Двое на всей земле» — эти две повести — безотрадная русская переключка: трагический мир, переполненный горечью от гибнущей человеческой неповторимости. Быть может, она пришлась ко времени. Как знать...

2

Нужно признать, своеобразие Василия Килякова проистекает из его взгляда на жизнь и человеческую судьбу, взгляда пристального и равнодушного. Гуманизм автора исходит из уважения к достоинству каждой личности. Он любит человека, сострадает ему в горе и несчастье, открывая нам всю глубину своих собственных переживаний. Однако читать повесть «Последние» очень непросто. Видимо, начинает сказываться напряженность современной жизни. Мы видим, что писатель ищет истоки и причины этой крайне

нестабильной ситуации, которые кроются в прошлой эпохе, когда произошел распад страны и когда резко обозначился упадок, надлом прежнего налаженного бытия.

Получается, что небольшое камерное содержание стало предельно пронзительным и сложным на этих бесконечных путях и перепутьях. «Постперестроечный современный мир рухнул», замечает Василий Киляков, и уже на излете девяностых «долларовая бумажка правит миром». Вот он, автор-герой, еще недавно военный офицер, вдруг оказывается в томительном ожидании, надеясь, что когда-нибудь «вернется былая уверенность и стабильность». Смутное время, точнее, безвременье, насквозь пропитанное «вопиющей несправедливостью». Повесть — как крупный литературный жанр — позволяет показать переживаемый эпохальный момент с разных позиций.

Москва, олицетворяющая собой главную архитектуру власти, в представлении Килякова являет некое средоточие несправедливости, тем самым вызывая у читателя тягостное впечатление, более того, «пронзительную и окончательную тоску». Повсюду царил обман, неудержимое стремление к наслаждению и блаженству любой ценой, правда и ложь резко поменяли свои обличья, верхи и низы сосуществовали параллельно. Как-то так... Будто разверзлась, по словам автора, дьявольская бездна, грозя столице и ее жителям неминуемым «падением в общую пропасть». Герой испытывает контраст между внутренним и внешним миром, безысходность определенных обстоятельств, когда тысячи офицеров «терпели нищету». *«И вот уже не узнаю сам себя: всё ли это я тот же, бывший тяжелоатлет, полутяж, мечтавший о карьере Юрия Власова, и именно я ли тот и есть «феномен», который должен укрощать и себя, и совесть свою всё тем же единственным убеждением, что и это тоже судьба. И эта охрана, она ведь только вдруг и кратковременно мгновенна, как жизнь-подёнка. Да и что постоянного вообще в этой жизни?»* — с сожалением и разочарованием описывает он и собственное неопределенное положение, и хаос происходящего вокруг.

Очень точно этот исторический период охарактеризовала историк, экономист, общественный деятель, поэт-мыслитель Сэда Вермишева, считавшая, что «самая большая боль и трагедия», о чем идет речь практически во всех ее публицистических очерках, — «демонтаж СССР». Преступная политика Ельцина, по убеждению Сэды Вермишевой, напоминала «курс образца чикагской школы монетаризма». Постперестроечный мир рухнул, а мир новый с его красочной рекламой и ненасытным ростом потребления страшил «хищностью капитализма». Наступившая действительность была явно враждебна и бесчеловечна. Причем и у Василия Килякова реальность так же отражена не сама по себе, а пропущена через личные впечатления, всегда обостренные, во всей их обнаженной сложности. По всей видимости, автор тоже внутренне сильный человек, который принимает мир таким, каков он есть. Прозаик

аналогично испытывает *«презрение к партфункционерам, отдавшим победу партии, доверие народа — всё отдавшим очень легко, не за понюшку табака. И недоверие к ним — тоже потом, к тем из них, кто присягнул в поспешности новой власти, чикагским мальчикам и «первому президенту»*. Новая власть не заставила себя ждать и во всеуслышание огласила окончательный вердикт, воочию напоминавший диагноз болезни минувшего века и начала третьего тысячелетия: *«Пересмотра приватизации не будет»*.

Личный охранник, с чувством, близким к гражданскому негодованию, нес он это нелегкое бремя, нес тяготы и лишения охранной службы и жизни. Между тем кругом осуществлялись сделки! Автор словно в воду глядел, когда писал повесть, явно опережая события. Ну чем не «торговля с будущим?» След крутой эпохи, неизгладимый, бессмысленный, еще даст о себе знать! Несуразный образ директора коммерческого предприятия, новоиспеченной бизнес-вумен, этакой «сплошной аппликации с Запада». Одним словом, «Объект», который нужно было охранять, идти на риск, отправляться в опасные командировки, возить сумки наличных денег. Такое время, мутное, тревожное время девяностых. Не зря говорится, что нет ничего более постоянного, чем временное. Москва требовала радости, эйфории и удовольствий, а плата была чрезвычайно высокая, вплоть до того, что ради них кому-то приходилось жертвовать самой жизнью. Тут показан человек, брошенный слепой силой в неизмеримую глубину неизведанных судеб. Вдобавок ко всему здесь много беспощадных слов о современном государстве, о русских людях, сдерживающих скрытое до времени народное негодование.

Не случайно у нашего героя ожил старая мечта «о писательском творчестве», «об одиноком домике», «о родной деревушке», «о ворохе рукописей». Появилась идея: не взять ли три неиспользованных законных отпуска за столь «преданную и нелегкую службу»? Не секрет, самое сильное чувство в человеке — это чувство его малой родины. Для автора — чувство отчей деревни, что под Рязанью, где прошли детство, школа, где бабушкин дом на природе, в тишине, в глуши среди «снежных чертогов». Как ни крути, родовая память — корневая система жизни, питающая каждого своими земными живительными соками. Память и прошлое навсегда остаются с нами, вызывая, по мысли Василия Килякова, «ностальгию до аритмии». Нас крепко держит незыблемая связь со старым временем. Разве забыть ту радость, которую ты испытываешь в детские годы, увы, ушедшие безвозвратно? И он всё потом мерил своим детством, логикой своих снов, что являлись мотивом второй реальности. Как завораживающе притягательно мастерским тонким пером рисует художник одно из своих сновидений, где читательскому взору раскрывается живописный деревенский пейзаж: *«То и дело в быстром сне проносились в живой памяти давние кряжистые, разодранные повдоль*

невероятной силой жизни великолепные вязы и тополя в снегу. И тальниковая речка в распадке, и ракита, и ива в три обхвата над прудом. И черёмуха в цвету, распростёртая, как снежная простыня, бьющаяся от ветра в низинах. Виделся внутреннему взору стриженный глинистый бережок, крутой, точно срубленный огромным топором, страшным ударом. Земляной, изрытый непогодой и палыми, с вывороченными корнями вековыми соснами дуг и речные распадки со стриженными норами-гнездами в жёлтых суглинистых недалёких оврагах. А у речки — палисад школы с пеньком-обрубком, торчащим вечным укором директору школы и ветеринару. Ветеринар по пьянке спилил на пару с плотником Алёшкой огромную красную рябину у школьного крыльца».

Наверное, чтобы понять единственность кровной земли, чтобы ощутить эту вечную «тоску по родине», надо побывать в других странах, на чужбине. Наш герой убедился в том, что он отнюдь не создан для европейской жизни, Запад не притягивал, не манили прелести сытого потребителя, ведь по ту сторону границы всё меняется — и строй, и времена года. Русская ностальгия, странная до боли, тогда пронзала его, тоскующего по России, вынуждала искать смысл в происходящем. Нынче же далекая от Москвы «окраина», «тихая заводь», расположенная за Рязанью, ждала писателя, истрадавшего нравственной усталостью столичного жителя. Но пока еще были неведомы «странное чувство Богооставленности и тех минут счастья, боли и прелести», какие предстоит ему испытать. Реалистическая манера письма, присущая Килякову, несет большую смысловую нагрузку: волнуют, не покидают мысли о прожитом. Вполне закономерно проза автора требует мыслящего читателя.

Интересен диалог литературного героя и окружающего мира, в котором учитываются предметы и вещи наступившего времени. Духовный источник внутри нас — это Бог, творящий человека, природу, историю — момент подлинного бытия. Действительно, автор испытывает и странное чувство родины, в нем сокрыта: вина, разочарование, благодарность, печаль — невыпитая чаша. Он с нетерпением ждет встречи с родным домом, даже не догадываясь, что увидит жизнь вымирающей деревни. «Две старухи и старик — всё, что осталось от жителей Выселок», — вот, по сути, такая печальная и неприглядная картина открывается ему. Снег — самый частый образ в повести — заметал близкие и дальние пути-дороги в этот покинутый Богом край, и сумрак пустынных ветров продувал свободное пространство. «Холод сковывал движения», вызывая у путника гнетущее одиночество русских полей. Мы нервом и кожей ощущаем это постоянное присутствие холода. Возникает понимание собственного глубинного одиночества, чувства русской неприкаянности души.

Зима, деревня под Рязанью — не очень тут веселое житьё-бытьё. Поистине — забытое Богом место — бедное и дальнее захолустье.

Помните, как у Тютчева: «Эти бедные селенья, / Эта скудная природа — Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа!» Но ведь дом — это некогда теплое и живое пространство, сегодня — ветхое жилище, в котором поселился холод и пустота. Какая безжалостная правда! Дом — понятие широкое, бытийно-библейское. Дом умерших предков должен стать прежней обителью героя, покинувшего Москву, город обманчивых и призрачных иллюзий. «*Неужели так трудно пишут все?*» — задает себе непростой вопрос автор, видя препятствие не в чистой, а в исписанной странице. Возможно, что его как раз согреет участие и чуткая душа литератора, упорно ищущего спасения в творчестве.

Идет переключка с лучшими именами, в повести явственно звучит отголосок мировых произведений литературы. К примеру, Хемингуэй, олицетворявший другой мир американского писателя и достигший вершин реалистической прозы, также искал свои суровые смыслы. Но у Килякова, несмотря на то, что он понимает необходимость литературной преемственности, заведомо ничего не получается сразу, как, скажем, у того же Паустовского, умевшего во время работы «беречь силы, талант, спокойствие», изначально настроенного копить «радостные перспективы». Киляков же признается: «*Меня волновало всё, что несет в себе литература из тьмы времён...*» Но приходят и уходят времена, и теряется связующая нить поколений. Некая невыразимая словесная печаль разлита в пространстве книги «Двое на всей земле». Быть может, смысл творчества — работа писателя над созиданием себя самого? Недаром Михаил Зощенко утверждал, что «от хорошей жизни писателями на становятся». Нечто похожее можно сказать и о Василии Килякове. Всего лишь одним словом пафос словесности обозначил Саша Соколов: литература — это самоуничтожение. Крайне мучительно дается творчество и Килякову. Пытаясь найти ответы на «проклятые вопросы», он плотно, в тугой узел увязывает жизнь и литературу.

«*Бесперспективная деревня теперь — едва ли не вся Россия <...> Как же случилось так, что родины нет, не стало*», — горько и безотрадно читать подобные строки. Нравственная деградация — ныне главная и ключевая проблема народа. Но оказывается, еще горше коротать дни в этой деревне. Потому то же слово не дается легко, как и мысль, которая превращается в творчество, и которая живет по своим законам. Постепенно, шаг за шагом читатель погружается в насыщенную драматизмом творческую жизнь писателя, хотя ее трудно отделить от жизни настоящей. Всплывает из памяти иконописный образ Богоматери, эти Божьи чистые слезы: «*Матерь Божья, заступница! Помоги выжить в эту ночь!*» — взмолился я внутренне и искренне перекрестился, как учила меня покойная бабушка — *тремя большими твёрдыми раздельными крестами на передний угол с иконой. «Ты всегда помогала мне, Матерь Божья, помоги и на этот раз. Выжить».* Да, больше не у кого просить защиты! Совершенно не на кого надеяться. Лишь

глубокая и черная тишина ночи, величественно-безмолвной, безропотно-печальной, царила вокруг...

«Выживут ли старики этой святочной непроглядной морозной ночью? Протопила ли больная Акулина свою печку?» — как видим, потихоньку вырисовывается вовсе не лирический сюжет, и нет покоя ни в душе, ни в мыслях. Заставьте себя осознать: старики и беспросветная аномалия одиночества, так или иначе вынуждающая думать о несправедливости и ужасе человеческого бытия истончённых жизнью «маленьких людей».

3

Повесть Василия Киякова «Последние» — это рассказ человека и писателя об эпохе и одновременно автобиографический взгляд, четко фиксирующий значимость событий детства. Автор ведет повествование о чем-то далеком, милом, до конца неизведанном. Здесь сквозь привычную бытовую повседневность проступает счастье, и ничего больше не требуется, — человек должен просто жить. Но беда и счастье ходят рядом, бок о бок. Если кто-то предполагает, то Господь располагает. Буквально на грани «яви и сна» к нашему герою неожиданно возвращается деревенское детство. Странное чувство нереальности происходящего овладело им. Наверное, жизнь — это сон без яви? Знать бы...

Только начали мысли укладываться на ночь, и сердце погружаться в снег сна, чтобы порадоваться забытым образам, чтобы освободиться от всего земного перед сонной разлукой, как отключилось и стало бессильным чутьё сновидений уже перед ликом явления Богородицы — Божьей Матери. *«Этот незабвенный образ запомнил я бессознательно»*, — вспоминает он. Пожалуй, самое яркое впечатление детства, таинственно связанное с Иконой Пресвятой Богородицы, именуемой «Одигитрия», было событие, произошедшее с ним в пятилетнем возрасте, когда мальчик заблудился в лесу. Много необычного в этом почти мистическом описании. Природа становится еще одним alter ego автора. Представьте себе, дорогой читатель: теплый августовский день, солнечный, правда, с внезапными холодными вечерами и первыми прохладными утренними часами. Длинный день, не скучный, когда просто на всё хватало времени, ведь в детстве особенно долго длятся летние дни. И каждый тогда становится немножко больше, чем он есть, рождая в нас чувство радостной беззаботности. Но ребенку очень быстро надоедает однообразие, мальчик вдоволь набегался, накувыркался в свежих стогах душистого сена и заспешил домой. Тропинка уводила сорванца «совсем далеко в лесок, к Большому лесу».

«Страшен он был оврагами бездонной крутизны, барсучьими норами по скатам этих оврагов. Волки и кабаны были там не редкость. Только к вечеру, когда солнце уже закатывалось за лес, я понял, что заблудился. Я пустился бежать и, как потом узнал, бежал в сторону от Выселок в глубь Большого. Внезапно

наступили сумерки, и дорога, основательно взявшаяся травой, словно по ней давно не ездили, свернула в середину леса, а затем и вовсе юркнула влево, и сошла на нет. И сразу стало холодно, скучно и страшно. Чудились сказочные звери, за каждым кустом — волки. Лес огласился моим плачем, а на зов откликалось лишь эхо», — удивительно, насколько же ослепительно зримо видится нам вся эта картина в столь выразительном, красочном изображении художника слова. И вот среди непролазной чащи, среди темной ночи явился он, «светлый образ Божьей Матери», окружённый мягким, лирическим, иконописным мерцанием, образ, дарующий чистому детскому сердцу покой и тепло. Пугающая ночь отступила и — о чудо! — всё было как прежде: синий блеск неба мерцал, погружая в сладостное забытьё. *«И никогда в жизни ни до той детской встречи, ни после мне не дышалось так легко и так спокойно, как в те великие минуты»,* — делится сокровенным писатель. Воистину — не существует предела и границ неповторимому, и только талантливый писатель умеет передать то, что сродни явлениям бесконечности...

Мистическая грань детства и чудесное спасение, и по воле доселе неведомого Божества в каждом слове чудится вопрос. Свет тихо струился и пульсировал ему в унисон. Божья Матерь, чей облик воплотил для него всю землю, несла вечную тайну и необъяснимую загадку человеческого бытия. И даже десятилетия спустя, находясь в этом холодном доме, он звал «Матерь Божью, Заступницу всех скорбящих», просил о помощи, не замерзнуть бы одному среди зимы и снегов. Не умереть раньше времени, написать про последних жителей деревни, родных ему с детства, рассказать историю Елизаветы, Акулины и деда Кузьмы. Историю гибели целой деревни, историю собственных мук, зачем-то запечатлеть этот холод, это бесхлебье. *«Россия так погребена в неведении»,* — по мысли автора, не ведая ничего и про нищий род, и про всю страну. Обидно, эти старики когда-то кормили страну, спасали во время войны, а нынче они безучастно замерзают без тепла и хлеба. Всё-таки остались ли живы в эту мрачную ночь старики? Не случайно над деревней, напоминавшей «необитаемый остров», вставало «крово-розовое холодное солнце», будто тревожный знак неминуемой беды. Его же вновь спасла Богородица, на сей раз от угара печной грубки. И детство, и спасение — волшебный Божий дар.

Надо отметить, что у Василия Килякова не столько религиозное понятие, сколько религиозное переживание, и религия воспринимается как живой исторический факт христианского идеала. Очевидна исповедальность стиля, очищающего духовный и телесный мир как читателя, так и автора. Родная сторона для Килякова — не только место, но прежде всего часть жизни, вызывающая интуитивное ощущение собственной причастности к своему кровному роду. Если хотите, таинственная сила места. Он во всём пытается отыскать практический смысл. Пронзает мысль о магнетизме отчего дома. Изба, хата. Повсюду много житейского,

бытового. Мрачного и смешного. Чего только стоит яростная борьба его родного деда с ненасытными клопами!

Оглядываясь назад, писатель невольно задумывается о будущем, и горько болит душа при виде нежилых, заколоченных изб, «провалившихся крыш», заброшенных дворов. В своей книге «Сны о любви и верности» Вячеслав Лютый пишет: «Можно заметить, что традиционный русский человек, живущий на земле, в ее лице умирает... Так в чём же перспектива русской земли?» Известный критик России в недавней статье о современной российской прозе отметит, что в произведениях Василия Килякова достаточно «богатая фактурность жанровых картин». В особенности, в данной повести это касается описания быта стариков.

Отчаянная борьба за хлеб, за выживание, что раньше, что теперь, — жестокая и вероломная жизнь исчезающей деревни. «Хлеб... нищему — как восстановление прав», — справедливо замечала Цветаева в своих записях «Из дневника». А вот, как пишет Киляков: *«Хлеб для России — нечто большее, чем просто хлеб. Какая-то мистическая тайна связывает нас и с иным хлебом, это «телом Христа...»* Ибо историческое бытие народа оправдано, непогрешимо, и сжигает изнутри, не отпускает давняя боль за русский народ.

И тем не менее человеческая жизнь представляется мелочами, и в каждой эпохе они свои. Автор погружает нас в мир вещей, по крупицам собирает детали и предметы окружающей действительности. Несмотря на конечность земного бытия, людская жизнь струилась, текла определённым чередом из столетия в столетие. В этом заключается традиция и многовековой опыт предков. Как ни странно, вещи связывают людей и мёртвых, и бессмертных. Например, возьмем — лапти, которые старики «плели качедыками», — на таком самобытном языке говорит писатель о «любителях лапотного ремесла». Еще *«сани-салазки, сани-розвальни, рохли и самогнутые... — стали анахронизмом»*. *«Давненько я не видывал саней по моей губернии, что тут скрывать. Забыто санное ремесло, как и множество других ремёсел»*, — откровенно сожалеет автор. Кто знает об этом нынче? И будет ли знать в будущем? Хлеб в детстве, что привозили «на старой телеге, в ларе», почитался в народе *«не просто хлебом, а неким смыслом жизни, символом заботы о людях, о деревне...»*

Между тем на традиционной палитре, так искусно созданной автором, его волнует сохранение не только старых вещей, но и отечественных устоев. Более того, самая основная ценность и самая огромная трагедия — Родина. Именно с ней сопряжён глубинно-сущностный поиск истины.

При всём при том совсем нелегко сегодня написать о деревне. Неудивительно: тема далеко не популярная, требующая довольно серьезной и суровой фактуры письма, оригинальной, насыщенной,

к тому же предполагающая знание просторечного слова, владение языковой выразительностью. Характерно, что Василий Киляков любит быть среди своих героев. Причем действующие лица повести не существуют сами по себе, он живет с ними одной жизнью. Эти образы предстают перед нами во всей их обнажённой сложности.

Деревня и три последних старика, которые завязаны в общий клубок замысловатых, противоречивых отношений. «Святая троица» — странная мозаика парадоксов. Пожалуй, наиболее интересный и незабываемый из них — образ Кузьмы Лукича Комкова, проблемный, непредсказуемый, очень разный. Выселки, когда-то здесь насчитывалось сорок пять изб, а теперь словно «мор прошел», «быльём зарастает деревня». С болезненной тоской Кузьма ведет свой рассказ о деревне, о прежней и нынешней ее жизни. Хлеб, спички — продукт и товар на вес золота! Тем временем на дворе XXI век, век искусственного интеллекта! Что говорить про 30-е годы того столетия — колхозы, засуха, лютый голод. *«Не медом пахла жизнь»*, — делает Лукич неутешительный вывод. Беспощадно судит о людях, которые, уверен, остались прежними: *«Как было, так и будет: кому высоко летать, а кому дерьмо клевать...»* — такой незатейливый трагизм или святая правда. Судите сами. Очерчивая эту фигуру, автор приоткрывает завесу тайны судьбы и человеческой жизни, вызывающей и смертную тоску, и пронзительную боль, и мимолетную улыбку, и нечаянную радость. *«А я эти колхозы ваши сразу раскусил»*, — однозначно скажет дед односельчанам, словно припечатает свой окончательный и бесповоротный приговор. Тяжелые времена. Поди разберись, что к чему. Выходит, власти на Руси нет — есть только вековое рабство. Кузьма Лукич — этот двоящийся образ, подчас разрушает саму логику человеческого поступка. Взять хотя бы его «побег из деревни в город», на работу в депо: *«Я весь Сэ-Сэ-Сэр обманул!»* Вот уж точно, читаем в повести, — «самая загадочная и противоречивая личность». Абсолютно неординарный типаж советской власти, в чём-то «дурак набитый», но и «хитёр, себе на уме», этаким «озорник, каких свет не видывал». Словом, «сложный тип», одиозная фигура, в ней преобладает не только рационалистическое отношение, но также для нее свойственна комическая подсветка. Писатель собирает отдельные штрихи воедино, из них и складывается характер героя. Впрочем, уныние Кузьме не присуще, зато тут как тут острое словцо, веселые частушки. *«Все мы с душком»*, — не стесняется он обличать выселковские нравы и пороки.

Василий Киляков не скупится на абсолютно самобытную глубину и силу нечаянного народного слова. Колоритно, сочно представляет читателю внешний вид своего персонажа, который выглядит явно нищенски. Дело в том, что Лукич был золотарём, нет, не мастером-ювелиром, а рабочим по очистке выгребных ям и отхожих мест. *«Нужники чистил, чистил... вот и весь сказ, весь рубль до последней копейки»*, — не скрывает Кузьма собственного отнюдь незавидного прошлого. Однако пенсию получил гораздо выгоднее

тех же колхозников, но в самом колхозе и «дня не работал». *«Прожил легче, лучше и пенсию заработал больше всех»*, — возмущённо рассуждали другие мужики. Можно ли назвать это везением? Вероятно, на взгляд автора, «этот незабвенный тип с его собственной историей выживания» заслуживает к себе не только осуждения и иронического отношения, сколько понимания и сострадания? Загадочная, запутанная судьба, не из легких, была и у его матери, которую в деревне не зря считали чародейкой, ведьмой. Не помешает узнать ее историю, чтобы не умереть с голода, она, как и многие, собирала в поле «колоски», дабы избежать неминуемого ареста, однажды оголилась до нага, распустила длинные волосы и была по-волчьи, дико и страшно. Если честно, так ли велик и широк был выбор у людей, переживших кровавую революцию, коллективизацию, массовые репрессии, войну?

Как известно, духовное начало подавляется неустроенностью быта. Есть люди, чья судьба странна до гротеска, смешное и страшное соединяется в ней. Не зря автор затрудняется «распознать», «выписать» Кузьму Лукича: *«С виду прост, вроде дурачка. А временами — философ»*, — заметит при случае, проявляя то иронию, то жалость, то сострадание, то сочувствие к этой искажённой человечности. Некий динамический баланс высокого и низкого — двоякая пара антагонизмов. Порой доходит и до смеха, неизменно сочетающего в себе взаимодействие трагического и комического. На этом и держится проза.

В качестве наглядного примера возьмём яркую сцену легендарного похода за хлебом. Поход, этот был, поверьте, не легче, чем в свое время у того же гомеровского Одиссея. Наши герои в толпе народа умудрились совершить настоящий штурм автолавки или «самородного передвижного сельмага». Кузьма отличился как никогда. Старик будто коллекционирует причуды реальности, молниеносно принимая решение, — во что бы то ни стало без очереди прорваться к заветному прилавку. Он быстро смекнул, что иначе им не хватит ни хлеба, ни водки, ни всего остального, самого необходимого в их крайне скудной жизни. Воспользовавшись довольно-таки дешёвыми трюками, «он упал и скорчился», разыграв ужасный припадок. Если и существует несовершенство человеческой природы, то оно коварно и двулично. В этой сущей нелепнице можно распознать потаённые, доселе скрытые черты характера. Перед писателем и читателем открылся невыразимо-комический ужас происходящего. Лукич был неузнаваем. Впрочем, от такого зрелища из-под прилавка в их «два больших сидора» «полетели» желанные продукты. Вопреки всему дед «чудил», пел частушки, совершенно не опасаясь финала столь рискованной и наглой операции. Кому-то в очереди вообще ничего не досталось! Помимо всего прочего, мужчинам предстоял обратный маршрут, который преодолевался крайне мучительно и тяжело. В неблизких и заснеженных Выселках, оставаясь без хлеба и горячей еды, путников с нетерпением ждали две старухи.

Мало-помалу Василий Киляков втягивает и погружает читателя в деревенское бытие. Крайне любопытный момент, на что он обращает наше внимание: история Кузьмы тесно переплетается с историей еще одного героя — Терентия — родного деда автора. Судьба этого человека неотделима от судьбы страны, от войны, какая безжалостно прошла по его жизни. Когда дед вспоминал ту войну, то всегда плакал. Ночёвки двух приятелей подчас не походили на беззаботную беседу: *«Не сто. Не сто, Кузя, под Москвой-то в декабре легло, а девятьсот шестьдесят тысяч... Тысяч, Кузя. Не считая медперсонала в Сибирской бригаде. Одной винтовкой на троих, пушками на деревянных колесах победили. Завалили немца трупами, пока ты нужники-то свои чистил»*. Ополченец, воочью узнавший, что такое фронт, окружение, плен, увидевший страшные, неприглядные стороны войны.

«Дед мой был высок ростом, долгошей, израненный на фронте, он был так худ, костист, будто и впрямь в плену выпили из него всю кровь, сломали душу. Стоило ему порой напомнить о войне — «дед, расскажи, как...» — он начинал как-то очень отзывчиво, с интересом рассказывать и не мог закончить. Так и осталось в памяти его первое изумление. Ополченец, едва призванный, он остановился, не мог идти в блиндаж, когда впервые увидел зимнее поле, устланное трупами солдат, через которые нужно было перешагивать. Он не мог перешагнуть: люди же, хоть и убиенные. «Иди-иди, — толкнул его в спину с двумя красными кубарями лейтенант, — иди. Иди, шагай, а то в пораженцы запишем», — пронзительно врзается в память этот жуткий эпизод войны. Возможно, показывая совсем не сладкую жизнь Кузьмы, писатель где-то давал читателю лишь перевести дух. Потому как история Терентия убеждает в обратном: не слепой случай, а какой-то приговор судьбы поражает своей жестокой правдой, своей беспощадной истинностью происходящего. Взять хотя бы один инцидент, который на войне кажется чем-то предопределённым свыше, чем-то недоступным для обычного человеческого понимания. При чистке винтовки исчезло, куда-то запропастилось шептало. По законам военного времени — расстрел! В напрасных поисках прошел день, вечер, незаметно наступила ночь! Вокруг разлился свет луны, какая светит и хищнику, и его жертве... Немыслимо: в траве блестело злосчастное шептало! «Жизнь, она, брат, смерти боится, да», — скажет, завершая свой поучительный рассказ, дед Терентий.

Судя по всему, в этом мире нет виноватых, зло и справедливость на чаше весов стоят рядом. Невыдуманный лагерный ад испытал Терентий. Немецкий плен, работа на крахмальном заводе, «горе мыкал», но «с юмором, а то и со слезами», — так говорил он про собственные злключения и мытарства. Голод, воровство картошки, наказание — рюкзак с кирпичами. 45-й год — возвращение домой: «кожа да кости», болезни, кашель с кровью, допросы энкэвдэшников, бедность, засуха, послевоенная голодуха.

Цена Победы, о которой нужно было молчать, да и сегодня разве мы ее знаем, эту правду войны? Скорее всего, не узнаем уже никогда.

Не случайно, спустя годы, автор видит сон и припоминает изречения деда: *«Жива кошёлочка!»* — мастерство его незабвенного родственника. *«Лапоточки не сплетёшь?»* — недаром переживал Терентий, обращаясь к внуку. Где они теперь, эти русские умельцы, на манер лесковского Левши творившие свои чудеса? *«Поживи-ка у деревни, похлебай-ка кислых щей, поноси худых лаптей»*, — налицо авторская чуткость к деревенскому языку, народному слову. Писатель вслушивается в живую речь, в которой, как в зеркале, отражаются свои народные характеры, свои краски, свой колорит. *«Как вы тут жили-то, дед?»* — будто к вечности обращается Киляков. *«Так и жили, как ты теперь, так же мёрзли»*, — стирая границы времени и пространства, отвечает любимому внуку Терентий. Вместе с тем повесть содержит и аналитические раздумья, и выкладки, и гражданскую тревогу автора, который понимает, что нынешнему государству его книги не нужны. Нужен рынок и массовая культура. Выходит, жизнь простого человека в России не стоит и гроша. Это он должен ублажать и исполнять прихоти всех правителей, нацеленных на то, чтобы подчинить жизнь народа. Режим — форма нашего существования, а не чужого правления. Тоталитарный режим внутри, а не снаружи, — как свойственное человеку стремление к обезличиванию, в идеале — вплоть до самоуничтожения. Вопрос, по всей видимости, не социального строя, а вопрос человеческого бессознательного, его природы.

Кроме того, Киляков ведет диалог не только с людьми, но и с вещами. Лапти из далекого детства и «хрупкие берёзовые прясла». Деревянная церковь, где крестили будущего писателя: *«Церковь звала меня. Сквозная на снегу, она, казалось, обгорела или черно окостенела от времени. Она звала и звала, и я, как зачарованный, пошел и пошел туда, к ней. Неужели я мог помнить свое рождение, свои крестины? Что это за дальние давние картины, которые я так зримо вижу и вспоминаю не один десяток лет уже? Или это было каким-то наваждением, колдовством памяти, воображения, детской выдумки?»* Материя — по-человечески — истончается до символизма. И здесь не только православное понимание жизни, а нечто вечное, открывающееся за ее пределами. Широкие традиции, уходящие корнями в глубь веков, оставил ему дед в его детстве. Точно сказал Хемингуэй: «Самое главное у писателя — воспоминания».

Таким образом, через людские судьбы раскрывается история. Раскрывается природа истинного христианского качества — смирения, природа патриотизма, о которой нынче модно и популярно говорить. Что и происходит в условиях, когда едва ли не главной проблемой нашей современности стала проблема потери культурной памяти. Хотя на самом деле у деда Терентия любовь к Родине была иной, горькой, не показной, по-настоящему выстраданной. Нестерпимо больно давалась автору эта память рода,

вечно-мучительное чувство. Тема страдания и тема радости одновременно. Писатель должен жить эту жизнь, а не только наблюдать! Михаил Лобанов советовал художнику приобретать и соединять «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы». Василий Киляков вовсе не упивается хитросплетениями чувств, их противоречиями и оттенками, ему просто нужно раствориться среди других. Казалось бы, незатейливый сюжет не предвещал чего-то необычного, но лишь отчасти. Повествование идет в довольно напряжённом ключе. Во всём угадывается безмерная печаль, ощущается владение чем-то большим, чем человеческая природа. Подобно Чехову, но учитывая реалии нового времени, Киляков показывает «трагизм мелочей жизни». Русская литература никогда не была равнодушна к человеческому страданию. «Униженные и оскорблённые», «бедные люди», «маленький человек» — для всех она была духовным приютом и тихой пристанью.

5

Две старинные подруги — трогательнейшие образы — замыкают этот круг «последних» жителей деревни. Акулина в прошлом — доярка, Елизавета — трактористка. *«Обе бабки — Акулина и Елизавета — одинокие старушки»*, — лаконично характеризует их автор. Однако и двум мужчинам предстояла задача не из легких — откопать от снежных завалов занесенную до самых окон старую избу хворой Акулины. Даже природа не желала проявить хоть какое-то участие: висела «зыбкая серая мгла», хлестал «порывистый ветер», не умолкала «вьюга». Тело сковывал ледяной холод. В добавок ко всему героям повести открывалась тяжелая и неприглядная картина: *«Бабка Акулина лежала на печи в валенках, телогрейке и под лоскутным одеялом, засаленным до блеска. В избе стоял полусумрак, будто на улице едва рассветало. <...> Акулина взглянула, выпростала из-под одеяла руки и ноги в разбитых валенках, тяжело дыша, села на краю печи, ошалело смотрела на нас — верно, не сразу узнала пришедших. Жидкие седые волосы свалились, неряшливо рассыпались по плечам. Посидев минутку-другую, Акулина заплакала, запричитала: «Господи, Иисусе Христе, дай мне дожить до сугрева, а весной-то на карачках к мамке поползу, рядом под тополями лягу»*. В чем же провинилась несчастная Акулина, почти утратившая человеческое обличье? Повсюду сочился тревожный, унылый запах бедности. Ни хлеба, ни сухарей, ни спичек, а последний хлебный кусочек и тот полагалось беречь.

«О, эта нищенская одинокая старость в забытой богом и людьми деревне! Всякий раз, когда приходишь к Акулине, открываешь дверь, проходишь в избу, чувствуешь тяжесть этого низкого потолка, который тяжелым вороном как бы слетает тебе на плечи... Чувствуешь этот застоялый запах старой избы: здесь все пропитано духом вялой овчины, духом валенок и золы, над которой отплясал огонь дня уж три-четыре назад, и робкий

свет сквозь косые, маленькие заледенелые окошки», — невозможно поверить, что всё это происходит в наши дни, с нашими русскими людьми. Невольно возникает мысль: не сгущает ли автор краски? Хотя зачем? В своем повествовании он предельно открыт, исповедален, честен перед собой и читателем. Старость — голос природы, заключённый внутри нас. Трагедия старости, наступающая человека, безжалостна. Выходит, счастье — иллюзия, а вот смерть — неотвратимая реальность. Смерть, пишет автор, несет «безотчетный ужас», оставляя после себя «следы отчаянной беспомощности». Да, очевидна иллюзия жизни, счастья, но не иллюзия смерти. И на всей земле для этих стариков ничего не осталось — пустота, тишина заброшенной деревни, смертная тоска и бесконечное страдание. Но тяжесть мыслей словно поглощает всеобъемлющую пустоту. Горестное сиротство и такое же горестное противостояние. Мрачное и жалкое существование никому не нужных людей.

До чего же безотраднa человеческая жизнь! С этого момента, стоит признать, тревожное чувство вообще не покидало читателя. Затопив печь, «баба Лиза варила хлебово...» И дед Кузьма жалился: «Скука одолела, истинный свет». «Безнадёга», «везде уныло, как в нетопленной избе», «жуткое молчание кругом», — находим у автора те или иные мрачные стороны деревенского быта. Внезапно охватывает будто впущенная в текст повести и в настоящую действительность пустота. Не до веселья. Как ни крути, но сама жизнь не позволяет им этого, — она каждый день больно бьёт их. Причем и мышление у стариков катастрофическое, свойственное людям той тоталитарной системы. Кроме того, дальнейшее разворачивание событий действует просто убийственно — безысходные разговоры «об одном и том же»: непосильная работа, трудодни, голод, война, снова голод, послевоенное лихолетье, цены. В конечном итоге — «нищенская пенсия», за которую в покинутых деревнях, и такое случалось, одиноких стариков жестоко убивали. Они получили «нищенскую старость», «бесхлебье». Вот она — доподлинная «история выживания», так пронзительно показанная Василием Киляковым. Точнее, здесь царит не история, а безвременье, своего рода неумышленная реальность. Впереди — только смерть.

Герои повести «Последние» — неудачники. Брехт, помнится, любил только счастливых. Киляков же любит исключительно несчастных. Они самоупоенно и по-христиански проживали отведенный им срок, будучи не способны выйти за его границы. Их видение этого мира ограничено настоящим. Мы наглядно видим облик несчастья. «Старость и плачет скупое», — замечала Цветаева. У Килякова, как ни странно, старики не плачут. Не до горьких слёз немощным и доживающим свои последние дни на земле. Некогда. Нужно дело делать, печь топить, убирать снег, добывать хлеб. Удастся ли старикам отстоять собственное право не только на жизнь, но и на смерть? Человеческую судьбу предсказать невозможно.

Писатель словно вынимает из окружающего мира какие-то особые, приметные детали, мелкие подробности текста, которые существуют за его пределами. Что примечательно: он отмечает «деревенское уважение к спиртному», это «вековечное почтение в деревне к хорошей водочке». Ничего не поделать: водка — суть и корень деревенской реальности. Больше всего ценилась городская, «очищенная», так здесь ее величали. Народ придерживался собственных разумно-нравственных устоев. Василий Киляков вводит в повесть любопытные простонародные элементы русской жизни. Оказывается, в долгие зимние вечера собирались на поздние посиделки не только женщины, но и мужчины. Не трудно догадаться, что чайник, наполненный самогоном, придумал именно деревенский мужик. Исключительно ради стариков автор-герой привозит и столичные продукты, и городскую водку.

Искренне жаль этих последних жителей деревни, у которых нет ни радио, ни телевизора, ни телефона, несмотря на близость с той же Рязанью, казалось бы, всего лишь каких-то тридцать километров. Чужие на родной земле. Одному Богу известно, почему так распорядилась судьба. Может, сказывается некая усталость Бога разобратся в этом. Как выжить, не умереть с голоду, не украсть колхозное? Полная дисгармония бытия. Вместе с тем эти люди обладают необычайно высоким порогом совестливости. Мы соприкасаемся с категориями, которые называем добром и злом. В святой доверчивости стариков — ранимость, слабость. Суровый мир, насквозь пропитанный беззащитностью грешных и убогих, неспособен на грустное сострадание. Но на то и дар художника слова, чтобы в безнадежности отыскать нечто светлое, утешительное. Сложно воспроизвести все образы, положить их на бумагу, оживить. Надо научиться писать проще, хотя и простота обманчива. Не сразу даётся автору нужное слово. Пытаясь внести в мир сложность, он становится уязвим в извечном противоречии баланса низкого и высокого. Мы знаем, что есть лучшие образцы мировой литературы, есть литературные феномены, передающие неповторимые явления жизни. На ум приходят: Хемингуэй и эпический рассказ «Старик и море», Золя и натуралистические произведения о борьбе и падении, Цвейг и утончённые психологические новеллы, Ремарк и трагические картины войны и мира. Киляков в качестве реминисценции проводит параллель, используя предисловие Бальзака к его роману «Евгения Гранде»: *«В провинциальной глуши нередко встречаются лица, достойные серьезного изучения, характеры, исполненные своеобразия, существования людей, внешне спокойные, но тайно разрушаемые необузданными страстями... Если художники слова пренебрегают удивительными сценами провинциальной жизни, то происходит это из-за презрения к ним, не из-за недостатка наблюдательности, но, быть может, вследствие творческой беспомощности».* Эта запись показалась мне написанной как бы для меня лично и касалась моей работы, героев моей истории

выживания». Современный автор чувствует бремя личной ответственности, тем более повесть идет с трудом, и судьба «маленьких людей» заставляет о многом задуматься, многое переосмыслить. Немаловажную роль играет отношение Килякова к кантовскому императиву — нравственному закону, который внутри нас. Идея философского категорического императива Канта пронизывает всю русскую литературу.

6

Характерно, что «маленький человек» в изображении Василия Килякова решительно преобразился. Вероятно, в его душе, в нравственных исканиях, в раздумьях о добре, зле и совести проявляется отношение к существующему испокон веков строю, народному укладу жизни. Герои повести не озлобились, не потеряли в себе человека. Быть может, условно-понятная связь обыкновенных дней спасала их от неутешительных мыслей.

Коротки «святочные дни». Звонко пустой дом пугал писателя, в нем словно задерживался одинокий человеческий взгляд, который хотел вместить всё на свете. Здесь течение времени тоже потеряло привычный смысл: три дня, неделя — как сто лет. И дед Кузьма был прав в неминувшем предчувствии некоего предопределённого конца, не только связанного с умирающей Акулиной, с предстоящими поминками. Смерть — единственная бесспорная данность. *«Почему так трогательно, необычайно жалко это несвежее дыхание голодной больной? Тем ли, что напоминает о бренности бытия, наполняет сердце сочувствием, и каждая смерть ближнего — точно веха на нашем пути»*, — какое всё же высокое трагическое одиночество испытывает читатель и автор этих обнажённых строк. *«Старость нынче страшна!»* — сказал свое последнее веское слово, как отрезал, Кузьма, но и прощальный дар преподнёс Акулине — изготовленный своими руками гроб и крест.

Наверное, всех нас рано или поздно объединяет одно — «горькая участь людей на этой грешной земле». Ибо все люди похожи и в радости, и в горе. Каждый так или иначе задумывается о том, зачем он жил «на этой грешной земле»? Похороны, копанье могилы, прощание с Акулиной — доподлинная история жизни и смерти последних жителей деревни Выселки, по сути их «нищенского одинокого существования», их «безнадежной правды», их «жалости к себе». А в чем она, эта правда? Пожалуй, нечаянная догадка Генриха Манна лучший ответ на поставленный вопрос: «Мы рождены искать правду, а не обладать ею». Именно в смертный час герой одинок — такая вот земная человечность и такая безысходная расплата. *«Какой-то эпический трагизм судеб людей среди сугробов, нищета и тщета жизни»*, — слышим неотвратимое признание Василия Килякова. Невольно склоняешься к мысли, может быть, он — писатель отчаяния? Умберто Эко вполне обоснованно развеял миф о вдохновении, на которое чаще всего полагаться не стоит, потому что художник должен четко знать свою

творческую задачу, знать цену материала, текста и самого творчества. Тогда автор в любом случае не станет жертвой обстоятельств.

В современной литературе необходимо отдать должное взаимодействию прозы, поэзии и философии, потоку течения свободной мысли как ценностно-смысловой координаты всего сущего. Твёрдому перу Килякова присущ общефилософский характер письма и стиля, свойственен демократизм, недосказанность. Философия литературного творчества, по Баратынскому, являет собой бесценный «дар опыта». Киляков готов погрузить себя до предела в мир своих образов, способен артистично играть их роли и вести диалог со своим «я». Внутреннее состояние творчества — это тоже великое чудо литературы, когда сердце и часть человека составляют нечто невыразимое, нерасчленимое. Литература вмещает в себя единство и многообразие природы и личностей.

Диалектика философии и литературы глубоко проникает во все прозаические тексты Василия Килякова. Важно, что русское слово по-прежнему сохранило жалость к человеку. В этом плане в повести «Последние» интересна и поучительна история Витьки Сороки, еще одного деревенского жителя Выселок, выросшего без отца, «безоглядно отвязного», из-за пьяной аварии на тракторе и гибели людей получившего пять лет тюрьмы. Искалеченная судьба, одним словом, «русский оторванный характер». Отсидев срок, он вернулся в деревню, покуривал какую-то наркотическую траву, вроде трезвый, а «глаза дурные». Витька привез с собой музыкальные диски малиновых колокольных звонов. Мечтал уйти в монастырь, но не успел...

Молитвы мне не хватает!» — остро чувствует автор, слыша внутри себя удары этих «невидимых колоколов России», что будут сопровождать его на всем обратном пути возвращения в Москву. Колокола будто символизировали христианское примирение со всем миром, воплощенном в Православии. И наш герой испытывал катарсис, духовное очищение от многочисленных идеологических наслоений, литературных штампов и табу. Словно кто-то боролся в нем, и казалось, что до сегодняшнего дня боролся он с Богом. В мире есть спасение и есть вера, ибо есть молитва. У каждого из нас на земле своя миссия. Отечественная литература после перестроечных 90-х стала отдвигаться от нравственного выбора — то, что было всегда главным в развитии сюжета, создании образов, психологических коллизий, в раскрытии экзистенциального поиска.

Тем временем вокруг простиралось «море снегов», открывалась огромная «заснеженная планета, забытая, покинутая!» В этом реальном и духовном скитании автор знал, что должен завершить начатое — дописать трудную повесть, посвящённую «маленьким людям» большой России. *«И тогда эти умирающие старики в деревне представились мне вдруг героически уходящими, сделавшими свое дело, исполнившими свой долг на этой земле, а*

это ничуть не меньше, чем геройство человека, идущего на смерть, в войну, в спасение, в верную смерть за другого. Каким эпическим спокойствием повеяло вдруг на меня, когда стоял я над распадком реки за кладбищем!» — для него это было равносильно «долгу искупления», во что бы то ни стало, но повесть закончить, поставить точку. Впечатляет финал: «...я всё думал: *«Надо написать эту историю стариков, последних жителей деревни, последних из могикан. Этих великих и неприметных стариков простой русской деревни. Напишу, обязательно напишу...»* Эту обещающую удачу в литературе и надежду он, как ни странно, находил в трагической мысли о будущем, в преодолении конечности и измерения всего того, что подвластно времени, того, что не позволит покориться мёртвой эпохе. И вера в преодоление побеждает.

Автор владеет хорошим русским словом, ясностью мысли, стремится к органичным лирико-философским обобщениям. Пять чувств — и еще шестое — великий дар правды. Дар правды и человечности — самое основное для пишущего, чьё оружие — Слово. Но и неудовлетворённость — обычное чувство, особенно в конце работы, что непременно должно смениться эмоциональным подъёмом энергии. Ибо страх, разочарование исчезают, и писателю всё-таки удается передать и показать чужую жизнь. Однако тем и отличается художественная литература от любой другой, что тут художник и сам не знает ответа: как же у него это получается. Тайна из тайн. Пусть это уже не ново, пусть всё уже было сказано, повторено кем-то раньше в течение столетий. Что из этого следует? Разве сегодня по-прежнему нам не нужен разум, дух, слово и язык? Кажется, его лирический герой нашел выход. Открыл в себе источник сил идти дальше. Вполне реальна мысль Бахтина, писавшего о том, что ничего в этой жизни не кончено: «Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще всё впереди и всегда будет впереди».

В своём прощании с деревней, с ее последними обитателями автор увидел одновременно трагизм и свет — как продолжение жизни. Увидел крушение и возрождение, живое противоречие и живую надежду, при этом не утратив тонкой связующей нити поколений. Нравственное стремление подняться над собой было сильнее всех неудач и потерь. Возвращение домой, прежде всего — возвращение к самому себе. Вечный круг вещей, нечто сакральное, как возвращение Одиссея — сквозного образа-легенды всей истории и литературы. Охватывает утешительное ощущение бесконечного продолжения...

Василий Киляков не боится принять этот мир, такой разный, наполненный добром и злом, борьбой и смирением, хорошо зная, что его нельзя отвергнуть, не дано забыть, но и нельзя без него обойтись.

г. Минск

